

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

«СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ»

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**по материалам прессы военного времени
и современной художественной литературы**

Великий Новгород
2021

УДК 82(470.24)
ББК 84(2Рос-4Нов)6я43
С70

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:

председатель правления НРОООО «Союз писателей России»

С. И. Симоненко (Великий Новгород)

доктор филологических наук, доцент **Т. Л. Каминская**
(НовГУ им. Ярослава Мудрого)

Данное издание подготовлено при поддержке
Министерства культуры Новгородской области

Издание осуществлено в рамках
Областного конкурса печатных и мультимедийных проектов
по истории и культуре Новгородской земли в 2020 г.

С70

«Союз нерушимый». Новгород и Новгородская земля
во время Великой Отечественной войны: по материалам
прессы военного времени и современной художественной
литературы / сост. В. В. Шадурский; НовГУ им. Ярослава
Мудрого. – Великий Новгород, 2021. – 196 с.

ISBN 978-5-89896-746-8

DOI:10.34680/978-5-89896-746-8/2021.union

В сборнике публикуются проза и стихи на тему «Новгород
и Новгородская земля во время Великой Отечественной войны»,
выбранные из прессы 1941–1946 гг. и современной
художественной литературы. Цель издания – показать
эмоциональную основу образа войны, вызвавшей не только
ожесточенное сопротивление советского народа, но и
мобилизовавшей его духовные, воинские, трудовые способности
для борьбы с фашизмом.

УДК 82(470.24)
ББК 84(2Рос-4Нов)6я43

ISBN 978-5-89896-746-8
DOI:10.34680/978-5-89896-746-8/2021.union

© Новгородский государственный
университет, 2021
© Авторы опубликованных
произведений, 2021

«СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ»

**Новгород и Новгородская земля во время
Великой Отечественной войны**

«СИМВОЛ ВЕЛИКИХ ТВОРЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА»

Книга, предлагаемая вашему вниманию, названа по заглавию рассказа «Союз нерушимый», который написан еще в 1970-е годы новгородцем, членом Союза писателей СССР Л. И. Воробьевым. При жизни автора этот рассказ не был опубликован. Изображаемые в нем события связаны с эмоциональным подъемом, который испытывают герои при исполнении Государственного гимна СССР, утвержденного в 1943 г. Слова и музыка этой песни превратились в силу, объединяющую и воодушевляющую советский народ. Но тогда, в 1970-е гг., когда был создан этот рассказ, литературное начальство посчитало, что персонажи Воробьева недостойны великого гимна и не нуждаются в читательском внимании. «Союз нерушимый» увидел свет только в 2000-е гг. в малотиражных изданиях Новгородского государственного университета – альманахе «Чело» и сборнике Литературного клуба НовГУ. Но превосходный язык, созидательные эмоции – это то, что редкостно и особенно ценно в наши дни, и потому составители книги посчитали необходимым издать этот рассказ еще раз – в год 75-летия Великой Победы. Подвиг народа, победившего фашизм, достоин восхищения, а рассказ Л. И. Воробьева придает всей книге жизнеутверждающий пафос.

И все же первая часть данного сборника («Где место гражданина Советского Союза?») сформирована на основе публикаций, сделанных более 75 лет назад. Это статьи, репортажи, очерки, письма, стихи, рассказы, частушки – разнообразные материалы, которые публиковались иногда с указанием имени автора, иногда с указанием псевдонима, иногда от редакционной коллегии, от группы граждан, обратившихся в редакцию, или даже без подписи. В подготовке сборника использованы газеты, у которых в военное время был особый статус. Во-первых, они являлись органами советов депутатов трудящихся различных районов и районных комитетов Всесоюзной коммунистической партии большевиков – ВКП(б), во-вторых, они издавались на

территориях, оккупированных во время Великой Отечественной войны. Нужно учесть и то, что до июля 1944 г. большая часть современной территории Новгородской области входила в Ленинградскую область (Холмский район относился к Калининской области). В связи с этим в некоторых случаях невозможно отделить собственно новгородскую прессу¹ от ленинградской, тем более что даже в ленинградских газетах часто упоминаются события, происходящие в 1941–1944 гг. на территории новгородских районов. Важное место в книге занимают публикации из партизанских газет, газет воинских подразделений Волховского фронта².

Составители предполагают, что выборка изданий, выпускавшихся на территории, которая находилась под оккупацией немцев в 1941–1944 гг., а затем была освобождена, даст читателю более богатый материал и позволит почувствовать горестные испытания, выпавшие на долю новгородцев, и узнать историю их преодоления. В книге представлены публикации

¹ Первый номер «Новгородской правды» вышел 12 августа 1944 года. В нем была дана информация об образовании Новгородской области в составе РСФСР. Решением Президиума Верховного Совета СССР от 5 июля 1944 г. Новгороду был присвоен статус областного центра.

² Бей врага! Ежедневная красноармейская газета; Волотовский колхозник. Орган Волотовского РК ВКП(б) и Райсовета депутатов трудящихся; Газета для детей. Специальный выпуск для районов Ленинградской области, временно захваченных немцами; Голос молодежи. Газета для молодежи временно оккупированных районов Ленинградской области; Звезда. Газета Новгородского РК ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся; Красное знамя. Газета Батецкого РК ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся; На боевом посту. Красноармейская газета; Народный мститель. Газета партизан отрядов товарищей Р. и О.; Новгородская правда. Орган Новгородского областного и городского комитетов ВКП(б), областного и городского Советов депутатов трудящихся; Партизанская месть. Газета партизанских отрядов под командованием товарищей К. и С.; Патриот родины. Орган командования Л. и С.; Сталинский залп. Красноармейская газета [газета 2-й артиллерийской дивизии прорыва]; Сталинский путь. Газета Уторгошского РК ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся; Фронтная правда: Ежедневная красноармейская газета; Ударник. Орган Чудовского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся; Шимская правда. Орган Шимского РК ВКП(б) и Райсовета депутатов трудящихся; Юный мститель. Газета для детей оккупированных районов Ленинградской области.

разных жанров, а значит, – и с разными способами проникновения слова в сознание читателя.

Конечно, предлагаемый сборник – это только небольшой аспект рассмотрения военной темы, которая раскрыта в фундаментальных трудах современников. В них есть своя специфика. Книги о Великой Отечественной войне В. Г. Смирнова «Великая Отечественная война на Новгородской земле» (2020), сборники коллективов составителей и комментаторов «Из истории организации партизанского движения на новгородской земле в 1941–1942 годах» (2017), «Навсегда в памяти. Герои земли Новгородской» (2015), «Навсегда в памяти: сборник материалов» (2010) опираются в первую очередь на документы, фотоматериалы времени войны. В книге С. В. Трояновского «Великий Новгород: Седмицы истории. 859–1990-е годы» (2015) интересующий нас период 1941–1946 гг. представлен без ссылок на публикации в прессе и художественной литературе. Наш сборник дополняет эти издания.

В предлагаемой книге можно увидеть публикации на разные темы, открывавшиеся во время войны. Почувствовать «нерв» событий: от ненависти к зверским убийцам до прощения солдат, воевавших в составе Русской освободительной армии (РОА); от призывов к мести до ударного труда во имя победы; от уничтожающего изображения врага до лирического настроения на отдыхе. Поэтому в ряде публикаций читатель не только получит информацию о военных событиях, но и узнает об атмосфере, в которой освобождались Новгород и районы Новгородской области, о разных эмоциях солдат, офицеров и жителей, боровшихся с порабощением. Узнает истории новгородцев, оказавшихся в плену, на каторге, узнает о подвигах на фронте и усилиях новгородцев по созданию именной танковой колонны, о доблестном труде – ударной работе на строительстве, на полях и даже под землей. Собранные материалы позволили представить эмоциональную сторону истории событий, отраженных в прессе. Использован хронологический принцип подачи материала, дана фокусировка на конкретных событиях: от года к месяцу и к определенному дню.

Первый раздел «Теперь их придавил немецкий сапог...» посвящен наиболее трагичной истории 1941–1943 гг., времени разгула фашистов на Новгородской земле. Второй раздел «Вечно здравствуй, господин Великий Новгород...»³ вобрал в себя материалы переломного 1944 г. Он назван словами, которые написал на открытке с изображением Новгорода освобождавший его танкист. Сразу после освобождения Новгорода всем миром восстанавливаются разрушенные памятники и здания, школы, культурно-бытовые учреждения и предприятия, жилые дома и коммунальное хозяйство: «...долг, колхозников и колхозниц, рабочих, инженеров, служащих, всех трудящихся Новгородской области – оказать всемирную помощь в восстановлении Новгорода»⁴. Соответственно, в третий раздел «С фронта к мирной жизни» (1945–1946 гг.) включены публикации, посвященные подвигам воинов, изгоняющих фашистов, а также восстановлению Новгорода и Новгородской земли после нашествия, налаживанию мирной жизни, торжеству победы, возвращению новгородцев с фронтов.

«Раненым витязем» назвали Новгород воины-освободители, увидевшие его после изгнания фашистов. Разножанровые материалы документальной прозы и лирической публицистики создали образ страдающего «витязя», но показали и другое, более важное: энтузиазм людей, с которым древний город возрождался из пепла. Его восстановление как столицы Новгородской земли и как города созидателей было крайне необходимо. По словам профессора С. Бахрушина, опубликованным в 1944 г., «Новгород был всегда и остается для нас символом великих творческих возможностей русского народа, символом любви к Родине и героической борьбе за нее».

При обилии документальной информации об истории Новгородчины во время Великой Отечественной войны совсем немного известно о том, каким Новгород и Новгородский край времени 1941–1945 гг. представляют и изображают наши

³ Киселев Н. Танкисты // Новгородская правда. 1945. 20 янв. № 8 (49). С. 2.

⁴ [Обращение колхозников Боровичского района] Организуем социалистическое соревнование в честь годовщины освобождения Новгорода // Знамя победы. 1945. 7 янв. № 3 (1104). С. 1.

современники. Тем не менее они пишут о войне и Новгородчине, причем в разных художественных жанрах – рассказах, очерках, лирических стихотворениях. Составители посчитали необходимым отразить эту часть духовной жизни современных новгородцев, чему и посвящена вторая глава сборника, вобравшая в свое название слова из стихотворения блокадника Юрия Николаевича Фабричина «"Чтоб победить в сраженье...": Великая Отечественная война в изображении современников». В эту часть книги вошли тексты, которые принадлежат перу новгородских авторов послевоенного времени – второй половины XX в. – начала XXI в.

Два плана изображения войны – в прессе и современной художественной литературе, на наш взгляд, существенно дополняют друг друга и дают возможность воспринять историю Великого Новгорода более эмоционально, а значит – сделать ее близкой, прочувствовать беды и подвиги нашего народа.

Заглавия обеих частей книги, названия разделов – это цитаты из текстов публикуемых авторов. Каждая фраза предваряет не только содержание последующих текстов, но и определяет их, если так можно сказать, их настроение. В нашу задачу как раз входила передача эмоций, интонаций этого тяжелейшего сюжета истории России.

Публикуемые материалы различаются по своему «качеству»: по содержательности, художественности, искренности. Читатель может с подозрением отнестись к грамотным стихам, написанным сотрудниками газеты по случаю государственного праздника. Он может обнаружить разнобой в ритме незрелой лирики какого-то доморощенного пиита. Но, мы надеемся, за всем этим он разглядит и настоящую поэзию, пронзительную, музыкальную, поистине художественную. Все это в целом – часть эмоций, иногда искренних, иногда наносных, это история душевных мытарств, борьбы идеологий, духовной жизни и психологии времени.

В некоторых рассказах, представленных в сборнике, читатель не увидит героев («Союз нерушимый»), не найдет стройного классического сюжета («Дважды был расстрелян»). Иногда в них из-

за чрезмерной трагичности авторами словно пропущены кульминационные сцены («Врата»), а иногда и вовсе кажется, что эмоции персонажей неадекватны («Деревянные винтовки»). Да, это то изображение войны и психологии человека на войне, с которым нам неуютно, из-за которого мороз по коже или трепет сочувствия.

Особенно ценно для нас и то, что в этом сборнике публикуются свидетели войны, люди, пережившие блокаду («Блокадная баллада»). Но даже в их произведениях, вопреки ожиданию острой публицистичности и испепеляющей ненависти, проявлены художественность и лиризм, так горечь и злость уступают место человечности. Война выдала нашему народу жесточайшее испытание, и потому так важно, пройдя эту катастрофическую проверку, найти в себе силы, чтобы сохранить человеческий облик.

Человечество меняется; даже по заглавиям публикуемых материалов видно, как люди «укрупняются», становятся несокрушимыми великанами, когда они способны героически проявить себя перед лицом страшного врага, и как они мельчают, едва забыв про этого врага.

Для того чтобы оценить весь спектр эмоций, разные типы поведения, составители рекомендуют читать книгу не выборочно, а целиком – последовательно: от публикаций 1941 г. до 1946 г., от воодушевляющего времени создания Гимна Советского Союза до умиротворяющих и усыпляющих событий мирной гражданской жизни.

И если публикуемые тексты «репрезентативны», если они показывают разные оттенки времени и нюансы переживаний, передают палитру выраженных эмоций и скрытых чувств, – то значит, не зря их создавали, ведь их авторы «приближали, как могли» общий день победы. В 1940-е приближали Победу над нацизмом, в наши дни – победу над иными силами разнообразного зла. Новым поколениям важно правильно выучить урок, проведенный ветеранами Великой Отечественной войны, потому и книгу, с надеждой на лучшее, составители завершают философским рассказом «Весеннее утро композитора Быстракова».

Это издание сочетает научный подход и популяризацию литературы – как произведений членов писательских союзов, так и литераторов, не состоящих в творческих объединениях. Научный подход определен проделанным поиском материалов в библиотеках и архивах Новгородской области, изысканиями в сети Интернет, а также подготовкой текстов с реальным и лингвистическим комментариями, составлением библиографии.

Книга адресована читателям, которые уже знают историю и понимают весь ужас войны и жестокость, проявляемую с обеих сторон. Призывы к уничтожению врага, идеология ненависти к фашизму, которая охватывала все население СССР – всех людей от мала до велика, должны пониматься именно как ответ на злодеяния нацистов. Читатель увидит картины зловещих убийств. И узнает, как смерть проникала во все пространство нашей страны – от фронта до далекого тыла. Почувствует ярость и силу борьбы, которую показали и кадровые советские офицеры, и дети, ставшие на защиту своих семей и своей земли.

В подготовке материалов участвовали волонтеры – студенты Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого: А. Е. Атмайкина, В. А. Боденчук, Д. А. Бурсин, А. В. Иванюгина (Блыщик), М. А. Игнатьева, В. Д. Калинина, А. М. Коновалова, Д. В. Карпова, Г. В. Пятаков. Они осуществляли поиск, выборку материалов для публикаций, используя ресурсы ГАНУ, ГАНИНО, Новгородской областной универсальной научной библиотеки, производили набор текстов, составляли словарный и историко-реальный комментарий.

Работа над книгой потребовала обращения к различным справочникам⁵ и архивным фондам⁶.

⁵ Государственный архив Новгородской области: путеводитель / под ред. М. Ф. Труниной. Л.: Лениздат, 1971; Государственный архив Новгородской области: краткий справочник (Дополнение к путеводителю). Новгород, 1986.

⁶ Редакция и издательство газеты «Новгородская правда», 1944–1960. ГАНУ. Фонд Р-4039. Ед. хр. 142, а также другие материалы.

В текстах публикаций использовались правила действующих норм орфографии и пунктуации, в некоторых случаях нарушения норм сохранены для демонстрации авторских интонаций.

В работе по поиску источников огромную помощь оказали: главный архивист отдела использования документов государственного областного казенного учреждения «Государственный архив Новгородской области» (ГАНО) Д. С. Белков, старший научный сотрудник отдела использования документов ГАНО А. В. Кошелев, заведующий отделом по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение государственного областного казенного учреждения «Государственный архив новейшей истории Новгородской области» (ГАНИНО) В. Г. Колотушкин, старший научный сотрудник отдела по научно-информационной работе и переводу документов ГАНИНО П. Р. Думин, заведующая отделом краеведения государственного бюджетного учреждения культуры «Новгородская областная универсальная научная библиотека» Т. А. Данько. Вдохновителем и помощником в осуществлении издания стал поэт, издатель, генеральный директор ООО «Кириллица» С. А. Иванов.

Публикации, посвященные Новгороду и Новгородской земле во время Великой Отечественной войны, требуют уважительного отношения. В них проявлена история, но сейчас интересна не столько хроника времени, сколько история реакции людей на важнейшие события военного времени. Оказывается ценной летопись эмоций, память этих эмоций, осознание народом себя на фронте, в плену, на расстреле, в бою и труде и, конечно, в возвращении к мирной жизни.

В. В. Шадурский, В. А. Боденчук, А. М. Коновалова

**«Теперь их придавил
немецкий сапог...»**

1941-1943 гг.

ПРИМЕРЫ ВЫСОКОЙ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ⁷

– Сейчас, когда наши мужья и братья ушли на фронт бить германских фашистов, мы будем работать по-стахановски, не считаясь со временем, – так заявили женщины колхоза «Завет Ильича» Ситненского сельсовета. Их слова не расходятся с делом.

Колхозницы А. Кезина, Е. Кузьмина, у которых мужья ушли на фронт, ежедневно на всех работах перевыполняют нормы выработки. Когда мужья колхозниц Е. Мухиной и А. Васильевой сражались на фронте с финской белогвардейщиной, они по-ударному работали в колхозе. Муж Васильевой погиб на финском фронте. Сейчас она успешно заменяет его в колхозе, на всех работах перевыполняет норму больше, чем на 150 процентов.

На днях Мухина и Васильева проводили на фронт своих братьев и обязались работать еще лучше. После того как несколько колхозников были призваны в ряды Красной Армии защищать родину, работа проходит с большим воодушевлением. Ушедших на фронт заменяют женщины и пожилые колхозники. Призванного в Красную Армию звеньевое Кезина заменила колхозница Е. Кузьмина. Кузнец Б. Орехов принял на себя обязанности бригадира А. Малышева, ушедшего на фронт.

Показывают пример высокой сознательности старики. Инвалид 2 группы 60-летний Ф. Андреев взялся руководить животноводческой бригадой. Колхозник В. Семенов, которому больше 70 лет, ранее работал кладовщиком, теперь он совмещает обязанности заведующего свинофермой.

И. Курьшев

ГИТЛЕРОВЦЫ УНИЧТОЖАЮТ НАШИ ДЕРЕВНИ⁸

Удар за ударом наносит наша Красная Армия озверевшим фашистам. И в предсмертных судорогах они сжигают, разрушают на своем пути отступления наши родные места, превращая их в

⁷ Курьшев И. Примеры высокой сознательности // Солецкий ударник. 1941. 28 июня. № 150 (2510). С. 2. Статья вышла в рубрике с девизом «Женщины! Заменяйте на работе ушедших на фронт».

⁸ В.Г. Гитлеровцы уничтожают наши деревни // Сталинский путь. 1942. 28 июня. С. 2.

пустыню. Так, в Новгородском р-не полностью сожжены и разграблены деревни Никиткино, Петровское, Горка. В деревне Русса из 56 домов уцелел только 1 дом, в деревне Змейское из 156 домов осталось 9. В деревне Мясной Бор уцелело 3 дома, в Глухой Керести из 68 домов уцелело 8. Почти все сожжено и разрушено в деревнях Ситно, Быстрица, Новая Кереть, Чауни и другие. Из 2147 домов этих деревень сожжено и разрушено 1453 дома колхозников, 63 колхозных скотных дворов и зернохранилищ, 29 кузниц, 6 школ, 2 медицинских пункта, 5 клубов и изб-читален. Колхозники и колхозницы! Не давайте сжигать фашистским захватчикам ваших деревень! Беритесь за оружие, объединяйтесь в партизанские отряды! Помогайте Красной Армии и партизанам уничтожать гитлеровских бандитов!

В.Г.

ФАШИСТЫ РАССТРЕЛЯЛИ 70 КОЛХОЗНИКОВ⁹

Отступая под ударами Красной Армии, гитлеровские бандиты все больше звереют. Они насильно угоняют в свой тыл ваше мирное население и всячески издеваются над ним. Из Городковского сельсовета фашистские бандиты угнали всех колхозников в деревню Спасская Полисть. Никому не было разрешено взять с собою ни вещей, ни хлеба.

В Спасской Полисти немцы продержали несчастных голодными свыше двух суток, а потом погнали дальше. Многие, видя страдания своих детей, решили вернуться домой и взять продукты. Но за это им пришлось дорого поплатиться. Всех колхозников, вернувшихся в деревню Городок, немецкие бандиты выстроили и расстреляли каждого третьего. Всего в Городке было расстреляно 70 человек.

Факты подобных зверств гитлеровских бандитов не единичны. Отступая, они убивают мирных жителей, сжигают селения. В Городковском сельсовете из 500 дворов фашисты сожгли 470, а в Высоковском сельсовете они сожгли все дома.

Инструктор Н-ского Райкома ВКП(б) Н. Васильев

⁹ Васильев Н. Фашисты расстреляли 70 колхозников // В бой за родину. 1942. 29 марта. № 86 (180). С. 2. / В рубрике «Мы не забудем и отомстим!».

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В КОЛХОЗЕ «РОГАЧИ»¹⁰

Немецко-фашистские оккупанты за время своего пребывания в колхозе «Рогачи» Чудовского района зверски убили колхозников Шперлина Оскара Федоровича (35 лет) и Федорова Ивана Григорьевича (36 лет). Оба они были раздеты. Трупы убитых немцы не давали убирать в течение трех недель.

Детей, стариков и женщин с малолетними и даже грудными детьми фашисты выгоняли из домов на улицу, на мороз.

Фашисты сожгли шесть домов колхозников со всеми надворными постройками. Во время пожара погибли две коровы. Гитлеровские мародеры украли у колхозников 145 кур, 5 свиней, 6 овец и 2 коровы. Разорили пасеку. Взяли из колхоза 14 лошадей с санями и упряжью. Забрали 400 центнеров колхозного картофеля, 517 центнеров сена и 60 центнеров соломы.

Жалобы населения немецкому командованию вызывали лишь насмешки и издевательства со стороны офицеров.

С. Солдатов, А. Сергеев, М. Малышев, П. Антипова и другие

ГНЕВ ЗЕМЛИ¹¹

Деревня застыла. Как будто льдом скованы дома и люди. Не слышно шума, веселого разговора. Что-то тяжелое, мрачное легло на деревенские улицы и на сердца людей. И только в домах слышны звуки. Вздохнет тяжело старик, посмотрев с тоской на родное пепелище. Всплакнет старуха-мать, вспоминая могилу расстрелянного сына. Жалобно зарыдает девушка, тоскуя по утраченной чести. Это стонут людские души. Это земля стонет.

...Мы идем по селам Шимского района. Когда-то они были шумные, веселые. Теперь их придавил немецкий сапог. Глухо стало в деревне. Мы заходим в дома. Несколько пар немигающих глаз жадно смотрят на нас и с болью и с надеждой. Люди наперебой рассказывают о своих думах, своем горе... Это не только стон. Нет, это гнев. Священный гнев. Он накапливает с каждым днем. И он выльется в половодье. Народ встанет во весь рост и сбросит с себя ледяное бремя, как река сбрасывает лед.

И. Полярный

¹⁰ Солдатов С. и другие. Зверства немцев в колхозе «Рогачи» // В бой за родину. 1942. 29 марта. № 86 (180). С. 2. / В рубрике «Мы не забудем и отомстим!».

¹¹ Полярный И. Гнев земли // Шимская правда. 1943. 10 янв. № 1. С. 2.

МОЛОДЕЖЬ В БОЮ¹²

Голикову 16 лет. С первых дней войны он неудержимо рвался в бой. Немцы посягнули на его счастливую юность. Разве может он быть в стороне от борьбы? И этот юноша решил: уйду в партизаны.

Вот уже несколько месяцев Голиков воюет в тылу врага. Правительство наградило его медалью «За отвагу». Комсомол принял его в свои ряды. Недавно Голиков, этот молодой юноша, убил немецкого генерала.

В диком страхе трясутся немцы от одного упоминания имени Ивана Никитина, могучего партизана, героя Советского Союза, секретаря Гдовского райкома комсомола.

Отважно борются с врагом наши славные девушки. Смелая партизанка Тоня в боях за дер. Дубье была ранена и попала в плен. Перед смертью она крикнула немцам в лицо:

– Вас, гадов, били и будем бить!

А сколько девушек в партизанских отрядах санитарками, разведчицами, поварами! Многие из них носят ордена и медали.

ВАМ, ДРУЗЬЯ, ПОДРУГИ!¹³

Вам, друзья, подруги,
Я кричу стихами,
Чтоб по всей округе
Вы меня слышали.
Нюры или Пети,
Сестры или братья!
Не могу терпеть я,
Не могу молчать я.
Вспомнил я недаром,
То, что сердцу мило.
Не случайно жаром
Грудь мне опалило,
Не случайно больно
На душе мне стало.

¹² [Б.п.] Молодежь в бою // Голос молодежи. 1943. 14 янв. № 1. С. 2. /В рубрике «Все молодые силы – против врага!».

¹³ Полярный И. Вам, друзья, подруги! // Голос молодежи. 1943. 14 янв. № 1. С. 2. Опубликовано в рубрике «Все молодые силы – против врага!».

Вспомнил, как привольно
Юность расцветала.
Как рекою звонкой
Разливались песни.
Милая сторонка
Была всех чудесней.
Мы вперед шагали
С грудью на распашку.
Девушкам собирали
Ландыш и ромашку.
Небо голубое
Ласково лучилось...
Что ж теперь с тобою,
Край ты мой, случилось?
Трупы у забора,
Там село пылает,
И чужая свора
По-собачьи лает.
Немец паутиной
Нашу жизнь опутал,
Нас назвал скотиной,
Погоняет кнутом.
Оттого ночами
Что-то душу гложет,
Вместе с палачами
Жить она не может.
Оттого и больно
Сердцу молодому.
Потерпел, довольно!
Ухожу из дому.
Ухожу, ребята.
У меня обновка:
На ремне граната,
На плече винтовка.
Где в садах и парках
Плыли ароматы,
Будет немцам жарко
От моей гранаты.
Где снега, как хлопья,
Не пройдешь по следу,

Уготовлю гроб я
Многим людоедам.
Кто со мною, други?
Девушки и парни?
Нам ли быть прислугой
На немецкой псарне?
Разве в нас нет силы,
Иль ухватки мало?
Центнеры носили
На себе бывало.
Стоит только взяться,
Мы собьем оковы.
Мы ль не можем драться?
Мы ли не от Пскова?
Острый нож в кармане
Мы уже носили.
А теперь достанем,
И врага осилим.
За народ, ребята!
За поля! За клубы!
За отца! За брата!
За любимой губы!
А с весной искристой
И с сиренью в цвете
С рожью золотистой
Мы победу встретим.
И тогда поедем
По просторам поля.
Скажут нам: в победе
Есть и ваша доля.

И. Полярный

ПИСЬМО В СЛЕЗАХ¹⁴

В избушке печально и хмуро,
От лампы расходится свет.
Склонилась над столиком Ньюра,
Девчонка двенадцати лет.
И пишет она, и плачет
Одна, озираясь кругом.
На улице месяц маячит,
И вьюга поет за окном.
«Отец мой! Родной и любимый!» –
Взывает ребенок в ночь.
«Услышь ты мой голос тоскливый,
Спаси свою младшую дочь.
Мне немец сказал: «Не вернется».
Но это неправда и ложь.
Ты сам говорил у колодца,
Что скоро обратно придешь.
Приди же, папаня, сразу,
Один ты моя родня.
Убей ты фашиста-заразу,
Согрей поскорее меня.
Теперь не найдешь ты хаты,
Кругом кирпичи да зола.
Все немец спалил, проклятый,
Ох, сколько принес он зла.
Боюся письмо закапать,
Слезинки бежат из глаз.
Папаня! Ну, как не плакать,
И мамы не стало у нас.
Она себе вырыла яму,
А немец стоял у межи¹⁵,
И выстрелил прямо в маму.
За что её, папа, скажи?
Опять уронила слезинку,
Опять на письмо. Разберешь?
Хотела стереть резинкой,

¹⁴ Полярный И. Письмо в слезах // Для детей. 1943. 30 янв. № 1. С. 4.

¹⁵ Межа – нераспаханная узкая полоса между полями.

Да слезы разве сотрешь.
А Петька ушел из хаты,
Нашел себе старый наган¹⁶,
Подвесил за ремень гранаты,
Теперь, говорят, партизан.
Сестру, что меня качала,
(Как вспомню – по телу дрожь)
Бандиты избили сначала,
Потом увезли, не найдешь.
И нет ни письма, ни вести,
Какая большая беда.
Теперь соберемся ли вместе,
Не знаю и где, и когда.
Сижу я одна, как былинка¹⁷,
И слушаю ветра свист...»
И горько стекают слезинки
На серый измазанный лист.
И смотрит тоскливо и тяжело,
Письмо прижимая к груди.
Не знает она, бедняжка,
Что папа идет впереди.
Идет он к любимой дочурке,
Штыком пробивая свой путь,
А ночью сидит у печурки,
Не может спокойно уснуть.
Идет он и грозно, и хмуро,
Бьет немцев и рвется вперед.
Утешься, родимая Нюра,
Твой папа на помощь идет!

И. Полярный

¹⁶ Наган – револьвер системы наган; по имени бельгийского оружейника Л. Нагана.

¹⁷ Былинка – стебелёк травы; травинка.

Я ПАРТИЗАН¹⁸

Нас было трое: Коля, Ваня и я. Каждому по 12–13 лет. Малыши. Но мы решили пойти в разведку, прямо к немцам. На опушке разошлись в разные стороны. Я пошел в деревню К. Там ребята играли в бабки¹⁹. Меня тоже приняли в игру. Играю, а сам смотрю: где у немцев огневые точки, где блиндажи. Заметил, что за деревней стоят 5 танков.

В это время ко мне подошёл офицер. Он спросил, откуда я и зачем? «Иду хлеб покупать», – ответил я. Офицер не поверил и повел меня в штаб. Накормил, напоил чаем и спрашивает: «Знаешь, где партизаны?» «Знаю». Офицер подскочил, как ужаленный. «Знаешь? Значит сведешь?» «Только не сегодня, я очень устал». «Хорошо. До завтра». И отвел меня к старосте ночевать.

Всю ночь я не спал. Как, думаю, поступить?. И решил: что бы ни случилось–побегу. Смотрю, на стене висит немецкий автомат. Я осторожно снял его, нашел магазины и 4 гранаты. Забрал все и – за дверь. В болоте меня уже ждали друзья. Они тоже принесли богатые сведения и оружие. Мы возвращались из разведки, имея два автомата, 5 дисков и 4 гранаты.

Это было первое крещение. А потом мы 19 человек ходили взрывать мост. По чистому месту подползали к дороге. Часовой заметил нас и открыл огонь. Тогда я решил его перехитрить. Повесил на дерево плащ-палатку. Она раскачивалась и похожа была на человека. Немец увлекся палаткой, начал по ней стрелять. А мы в это время подползли и взорвали мост. Рядом были немецкие блиндажи²⁰. Завязался бой. По дороге пошли машины. Первая, не заметив взрыва, с ходу влетела в ров. Вторую мы подорвали гранатой. А потом приехали 2 мотоциклиста. Одного я убил, а второму удалось улизнуть.

Мама долго не знала, где я нахожусь. Ушел от нее тайком. А сейчас и она довольна, что я партизан.

Володя Г.

¹⁸ Володя Г. Я партизан // Для детей. 1943. 30 янв. № 1. С. 4.

¹⁹ Игра в бабки (в козны) – старинная народная игра.

²⁰ Блиндаж – оборонительное сооружение, углубление в земле с покрытием из брёвен для защиты от артиллерийского, миномётного огня противника.

ПРАВДА О НЕМЕЦКОЙ КАТОРГЕ

Рассказ крестьянина деревни Добросли Демянского района Ленинградской области Михаила Ефимовича Ковалева, вырвавшегося из фашистского плена²¹

Сотни тысяч советских людей насильно угнаны на немецкую каторгу. Гитлеровские мерзавцы с неслыханной жестокостью обращаются со своими жертвами. Побои, издевательства – всё пуцено в ход. Ничем не брезгают немецкие рабовладельцы.

В числе многих оказался на каторге и крестьянин деревни Добросли Демянского района Михаил Ефимович Ковалев. Лишь случайно ему удалось вырваться из фашистского ада.

Ниже мы печатаем выступление тов. М. Е. Ковалева и письмо его дочерей Полины и Марии, живущих в Ленинграде.

Ночью пришли ко мне в хату немцы, выволокли меня на улицу и бросили на грузовик. Там уже было полно людей. Нам сказали: «Поедете работать на германские заводы». Рыдала моя жена, плакали односельчане. Немцы угоняли людей почти из каждого дома.

Автомашина тронулась. Я поднял голову и хотел с милой сторонкой проститься. Сидевший в машине немец так хватил меня плетью, что я весь путь от Демянска до Старой Руссы не мог разогнуть шеи. Этот немец всю дорогу хлестал кнутом то одного, то другого.

Вечером нас пригнали на станцию. Вижу, эшелон подан. На платформе люди громко рыдают: таких слез за всю жизнь я не видывал.

Немецкие солдаты бегали по платформе и плетями загоняли людей в вагоны. Одна девушка, еще совсем молоденькая, обхватив свой узелок, заливалась горькими слезами. Немец подбежал к ней и ударил резиновой дубинкой. Девушка молчала. Он снова стегнул ее плетью... Опять молчит. Тогда взял он ее за ноги и волоком потянул в вагон. И многих так бросали в эшелон.

Поезд тронулся. Мы ехали в заколоченных наглухо вагонах. Прошло два дня, никто к нам не приходил. На третий день вагон

²¹ Ковалев М. Правда о немецкой каторге: Рассказ крестьянина деревни Добросли Демянского района Ленинградской области Михаила Ефимовича Ковалева, вырвавшегося из фашистского плена // За Советскую родину. 1943. 29 апр. № 3. С. 3. // Публикация завершается благодарностью дочерей М. Е. Ковалева Полины и Марии из Ленинграда.

открылся. Вошел солдат с ружьем, поставил ведро с водой и опять закрыли нас. Везли шесть дней. И за это время ни одного раза не покормили. Питались кое-чем, взятым из дому.

Рано утром в вагон зашли два немца и сказали, что нас привезли в город Бранденбург. Началась высадка из вагонов. Не все доехали. В нашем вагоне больше десяти человек умерло: кто от ран, нанесенных фашистами, а кто от истощения. Всех нас построили, сделали переключку и погнали под конвоем. Люди еле плелись, а конвойные погоняли нас плетьюми и прикладками. Пришли к полю, кругом проволока, а за ней бараки. Сюда-то и загнали нас. Разделили на партии по 15 человек и закрыли под замок.

На второй день в барак пришли три здоровых немца. В шляпах, брюки на выпуск, сапоги начищены, но у каждого плеть за поясом и резиновая дубинка в руках. Один из них начал нас спрашивать, есть ли мастеровые. Записали наши фамилии и каждому повесили на шею номер. Немцы сказали:

- Завтра будем учить вас работать.

- А что мы будем делать? - громко спросил стоявший рядом со мной пожилой мужчина.

Услышав это, немцы набросились на моего соседа, повалили его и начали стегать плетьюми. Наш товарищ кричал на весь барак, кровь сочилась из его ран, а немцы всё избивали его.

Тут мы сразу поняли, что нельзя нам обращаться к немцам и ничего у них спрашивать. Каждый день они находили причину, чтобы поиздеваться над нами. Чуть свет, в барак заходил охранник и во всю глотку кричал:

- Русс, на работу!

Через три минуты мы должны были уже встать в строй. Однажды один из наших русских людей заболел. Утром, когда раздалась команда, он не мог подняться. Немец схватил его за ноги и вытащил из барака, позвал второго охранника, и они начали пороть больного плетьюми. Окровавленный человек лежал и не шевелился. Немцы облили его водой. Он очнулся. Тогда его снова начали пороть...

Били нас постоянно. Ни одного дня не проходило, чтобы кто-либо из нас не получил оплеухи. То надсмотрщик ударит, то мастер изобьет, а то какой-либо охранник плетью исполосует.

А как нас кормили? Об этом даже вспоминать страшно. Утром кипяток, без хлеба, короче говоря, - чистая водичка. К обеду - ломтик хлеба и кружка болтушки, вроде клейстера. А из чего она: из муки ли, крупы или из дерева, я не понял. Голодный всё съешь,

хотя всё время тошнило от немецкого кушанья. На ужин – тоже чистая водичка, и то не всегда вдоволь.

Целый месяц промытарился я в этом Бранденбурге, в лагере, обнесенном колючей проволокой. Точно самая последняя скотина, замученная работой с утра до ночи.

Ежедневно на моих глазах умирали русские люди. И со мной это случилось бы, но, на мое счастье, стар я и скоро инвалидом стал. Уже через месяц у меня отнялись ноги. Выжав из меня все соки, немцы полуживого выбросили меня вон. Два месяца я добирался на родину. Пока ехал по самой Германии, думал – умру с голоду. Совсем есть не давали. Еле жив остался и с большим трудом домой добрался.

Здесь меня вместе с другими освободила родная Красная Армия. Спасибо, сынки, что освободили из германской кабалы. Теперь я снова свободен. Снова счастье пришло. Но издевательства надо мной немцам никогда не прощу. Отомстите, сыны, за мои мученья, за мученья тысяч советских людей, угнанных в рабство к немцам.

Скорее хочется повидать своих дочерей. Они живут в Ленинграде на Лиговке 55, кв. 11. Поля и Маня, спешу вам сообщить, что я жив и нахожусь в своей родной деревне, теперь навеки свободной.

ОТОМСТИТЕ ЗА МУКИ НАШЕГО ОТЦА!

Письмо сестер Ковалевых

Мы услышали по радио и прочитали в газете рассказ нашего отца, вырвавшегося из немецкого плена в самой Германии.

Когда мы услышали по радио голос отца, мы заплакали от радости, что он жив. Мы благодарим родных бойцов за освобождение нашего отца, наших родных мест.

Отец хочет знать, как мы живем в Ленинграде. И мы отвечаем отцу: мы работаем не покладая рук. Мы делаем всё возможное, отдаём все силы для полного разгрома немецких извергов.

Мы обращаемся ко всем фронтовикам: отомстите, родные, за муки нашего отца, за страдания в немецком рабстве наших родных.

Крепко обнимаем и целуем вас!

Полина и Мария Ковалевы

М. Ковалев

ЧЁРТОВА КУКЛА²²

Сказка

Я лично, с научной точки зрения, не верю, но стороной слышал, будто Гитлер пробовал установить с чертями нормальные дипломатические отношения и даже хотел наладить с ними кое-какую мелкую торговлю: он, например, хотел загнать черту свою душу. Но черт отплюнул и говорит:

– На кой черт мне твоя душа нужна? Мне об такую дрянь руки марать противно.

Однако черт все-таки держал Гитлера на примете. И однажды появился к нему собственной персоной.

– Здравствуй, – говорит, – явился я к тебе с хорошими вестями. За усиленное душегубство и за всякие кровавые мероприятия решил я тебя наградить. Проси чего-нибудь.

Гитлер от жадности слюни пустил, зубами защёлкал и дрожащим голосом говорит:

– Устрой, чертушка, так, чтобы у каждой моей яловой²³ немки к завтрашнему дню родился сын двадцати лет, прямо в сапогах и с ружьем.

Черт головой покачал и отвечает:

– Нет. Не выйдет. Ты проси о чем-нибудь таком, что в моих силах.

– Вот чего я попрошу, – подумав, сказал Гитлер, – сделай ты так, чтобы все мои солдаты, убитые на русском фронте, воскресли...

– Все до одного? Запрашиваешь, чёртова кукла! Половину так и быть воскрешу.

– Ей-богу, воскресишь?! – обрадовался Гитлер. – Благодетель!

– Сделаем! – твёрдо пообещал черт. – Завтра утром, в восемь ноль-ноль, начнут твои головорезы воскресать.

Вильнул черт хвостом, пристукнул копытами и исчез в тартарары.

И вот утром, в восемь ноль-ноль, выезжает Гитлер в полной форме принимать наряд загробного пополнения. То в бинокль поглядит, то на часы, то опять в бинокль, то обратно на часы.

До самой полуночи ждал Гитлер, ничего не дождался. Вскочил он на помело и полетел к черту с визитом. Прилетает и кричит:

²² Резапкин А. Чёртова кукла: сказка // Ленинградский партизан. 1943. 11 мая. № 11 (37). С. 4.

²³ Яловая – бесплодная самка, не давшая приплода в течение хозяйственного года.

- Ты, чего же, черт этакий, обманываешь? Ты почему моих упокойников не воскрешаешь?

- Очень даже воскрешаю, - отвечает черт. - Ровно в восемь ноль-ноль воскресил самых отборных твоих мертвецов.

- А чего же они на осмотр не явились?

- По не зависящим обстоятельствам... Ведь у тебя самые лучшие войска-то где полегли? Под Москвой и под Сталинградом. Воскресли твои солдаты, вышли из могил, а кругом - советские войска и население!.. Твои упокойники потыркались-потыркались и со страху назад в могилы залезли.

- А остальные, которые на моей стороне лежали?

Там и лежат: на них у меня лимиту не хватило. Двести семьдесят тысяч я воскресил, а на остальных у меня доверенности не было.

- Как так двести семьдесят тысяч? У меня убитых четыре миллиона! Их них ты половину воскресить обещал!

- Ты ведь сам официально заявил, что у тебя убитых всего пятьсот сорок тысяч. А я могу действовать только по официальным сводкам.

Схватился Гитлер за голову, волосы горстями рвёт. А чёрт стоит, хохочет: удовольствие получил.

Дал черт Гитлеру пинка, взлетел Гитлер под облака и с размаху сел в глубокую лужу.

Алексей Резапкин

ПОМОГЛИ ПАРТИЗАНАМ²⁴

Преследование продолжалось четвёртые сутки. Каратели шли по верным следам. Партизанский отряд был прижат к берегу. Переправиться вплавь через реку Лугу нельзя было - партизаны несли на руках раненых товарищей. Положение казалось безвыходным.

Вечером к партизанам пришли три деревенских паренька. Они узнали о затруднениях партизан. Вскоре ребята пригнали лодки, и отряд благополучно переправился через реку. Партизаны горячо благодарили юных патриотов.

Евг. Широков

²⁴ Широков Е. Помогли партизанам // Юный мститель. 1943. 28 мая. № 1. С. 1.

МАЛЬЧИК С КОРЗИНКОЙ²⁵

Этот тринадцатилетний мальчик был единственным ребенком в семье, и родители души в нем не чаяли.

Хорошо, дружно жила эта семья. Но пришла лихая беда и сюда. Васин отец был учителем. Немцы вздумали открыть школу и заставили учителя возобновить занятия с ребятами. Он согласился. Но когда немцы приказали ему через школьников выведывать сведения о партизанах, отец запротестовал:

– Я учитель, а не шпион!

Тогда немцы вывели учителя за деревню, заставили вырыть себе могилу и живым, вниз головой, закопали. После этого немцы отобрали у его семьи последние запасы хлеба, свели со двора корову и даже забрали одежду и обувь.

Теперь, как только наступало утро, Вася вставал с постели, брал корзинку и шел в лес. Он собирал грибы, клюкву, бруснику и другие ягоды. Этим они и питались с матерью.

Однажды Вася встретился с партизанами. Когда мальчик начал свой рассказ об отце, партизан перебил его:

– Значит, ты сын учителя?

– Да.

– Ну, тогда нам все известно.

– Примите меня в свой отряд.

Партизаны молчали. Мальчик хотел мстить за любимого отца. Отказать ему было невозможно. И взять в отряд, рисковать жизнью подростка, казалось, нельзя. Выход нашел командир отряда.

...В то утро Вася, тайком от матери, уложил в корзину два десятка яиц и направился в соседнее волостное село, где был рынок. Но не на рынок шел Вася.

Часов в десять утра он подошел к большому дому из красного кирпича, в котором располагался немецкий карательный отряд. В одном из окон первого этажа Вася увидел лицо пожилого немца.

– Дяденька, купите яйца! – закричал подросток.

Немец отвернулся от окна, видимо, приказывая кому-то открыть дверь.

Дверь во двор открылась, и солдат пригласил Васю войти.

Пока немцы брали из корзины яйца, просматривали их на свет и о чем-то спорили, Вася приблизился к доске, на которой вывешивались приказы. Там висел и список личного состава

²⁵ Зенин П. Мальчик с корзинкой // Юный мститель. 1943. 28 мая № 1. С. 3.

карательного отряда. Читать по-немецки Вася не мог, но по порядковым номерам он догадался, что немцев в отряде 183. Вася заметил стоявшие на столе пулеметы и два небольших миномета в углу.

В свою деревню Вася возвращался бегом. Он выполнил задание. Он точно расскажет командиру партизанского отряда о количестве карателей и их вооружении.

Ночью на карателей напали партизаны. Они истребили 150 немцев, захватили два миномета, три пулемета, много автоматов и скрылись в лесу.

Ушел с ними и Вася.

Пав. Зенин

ПАРТИЗАНЫ НАСТУПАЛИ²⁶

Дом родимый за долиной,
До него рукой подать.
А бойцу жену и сына
Захотелось повидать.
Как бы, братцы, повидать?

Вот приходит он с друзьями,
Вся деревня сожжена,
Все разграблено врагами.
«Где же сын мой и жена?»
«Вот твой сын и вот жена!»

Увидал боец, качнулся,
Пошатнулся, устоял,
Потемнел и отвернулся,
Отвернулся, помолчал,
Словно каменный, молчал.

А потом промолвил: «Друзи!
Нет дороги мне назад,
Дайте мне винтовку в руки,
Дайте верный автомат,
Скорострельный автомат!

Я за кровь малютки сына,
За любимую жену,
Может, сам от пули сгину,
Только вражью не одну,
Жизнь прикончу не одну!...»

Николай Браун

²⁶ Браун Н. Партизаны наступали // Юный мститель. 1943. 15 июня. № 2. С. 4.

ПАРТИЗАНСКОЕ УГОЩЕНИЕ²⁷

Все ближе слышен шум и гам,
Моторы тарахтят.
На мотоциклах мчится к нам
Эсесовцев отряд.

Но вдруг навстречу к ним свинья
Выходит из кустов,
Как будто дразнит: «Вот мол, я.
Обед для вас готов».

За нею – дюжина цыплят,
Наседка и петух.
Остановился весь отряд
И выругался вслух:

– Ах, доннер веттер²⁸, нох эйн маль²⁹!
Вот жирная свинья!
Сегодня славный миттагсмаль³⁰
Состряпаем друзья!

Фашисты бросились вперед.
Бежит от них петух.
Свинья визжит, петух орет,
Летит по ветру пух.

Но в это время грянул гром –
Один, другой раскат.
Летит фельдфебель³¹ кувырком
И дюжина солдат.

Попали хищники в капкан
Живьем в чужом краю –
Отряд советских партизан
Им подложил свинью!

²⁷ [Маршак С.] Партизанское угощение // Юный мститель. 1943. 29 июня. № 3. С. 4.

²⁸ Доннер веттер – (нем.) гром и молния.

²⁹ Нох эйн маль – (нем.) еще раз.

³⁰ Миттагсмаль – (нем.) обед.

³¹ Фельдфебель – звание старшего унтер-офицера.

Карась глотает червяка,
А щука – карася.
А вот фашист наверняка
Клюет на поросю.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ³²

Фюрер – атаман шайки мировых бандитов.

Хайль – этим словом фрицы приветствуют своего главаря. Происхождение от слова «хайло», т.е. противная рожа.

Чучело – тут уж всякому понятно, что речь идет о Геринге³³.

Щебень – дробленый камень. Производится в германских городах американскими, английскими и советскими бомбардировщиками из немецких заводов, судоверфей, доков и крепостей.

ОНИ ОБМАНУТЫ

По поводу издевательств немцев над солдатами и офицерами РОА в Уторгошском районе³⁴

В Уторгошском районе, в гарнизонах Лубино, Изарк, Б. Уторгош, Буйно и Б. Березницы немцы зверски издеваются над офицерами и солдатами РОА. Гитлеровцы избивают их до полусмерти, бросают в подвалы и морят голодом.

Факт показательный и не случайный. Он исходит из действительных основ отношения немцев к РОА. Он изобличает гитлеровцев в их же собственной подлой лжи о целях создания русской освободительной армии.

Немцы утверждают, что РОА якобы организуют сами русские, что, дескать, добровольцы и немецкие солдаты имеют общие интересы в борьбе.

³² [Б.п.] Толковый словарь // Юный мститель. 1943. 29 июня. № 3. С. 4.

³³ Геринг – рейхсминистр авиации Германии с 1933 по 1945 г. Приговором Нюрнбергского трибунала был признан одним из главных военных преступников.

³⁴ М.К. Они обмануты: По поводу издевательств немцев над солдатами и офицерами РОА в Уторгошском районе // За Советскую родину. 1943. 12 сент. № 29. С. 3.

Ясно, что это глупая ложь. Кто на самом деле создает РОА? Немцы. Для чего это им нужно? Для того, чтобы заткнуть свои дыры на фронте. Битые и потрепанные Красной Армией гитлеровские банды крайне нуждаются в пополнении. Фашисты подобрали все свои резервы, бросили на фронт всех стариков и юнцов, но их все-таки мало. И вот немцы ухватились за русских, начали создавать РОА. Угрозой и обманом они кое-кого затащили на свою сторону.

Как же немцы смотрят на тех людей, которые пришли в РОА?

Немцы видят в офицерах и солдатах РОА прежде всего дешевое пушечное мясо, дешевую живую силу, которую можно бросить куда им вздумается, в любую дыру.

Сообразно с этим гитлеровцы строят и свое отношение к офицерам и солдатам РОА. Каждый, даже самый паршивый фриц, может издеваться над офицером или солдатом РОА, плевать в лицо, ни за что ни про что оскорблять и избивать их.

Так немцы смотрят на «русских добровольцев» и на РОА в целом. А приведенный выше факт об издевательствах, только лишний раз подтверждает это.

Такова горькая истина для тех, кто слепо поверил немцам и пошел на службу в РОА. Не терпеть же покорно издевательства со стороны немцев? Не ждать же, пока гитлеровцы пошлют их на убой ради господства проклятой Германии?

Нет! Это не путь для русских людей. У офицеров и солдат РОА есть другой выход. Он единственный и самый правильный: повернуть оружие против своих заклятых врагов-немцев. Переходить на сторону советских партизан и вместе с ними бить гитлеровцев.

Так поступили уже многие десятки офицеров и солдат РОА. Совсем недавно, например, к советским партизанам перешла целая рота так называемого «Северо-Кавказского легиона» во главе со своим командиром.

Развал в РОА усиливается день ото дня. Не проходит ни одной недели, чтобы на сторону партизан не перешли десятки «власовцев».

Тепло встреченные и принятые партизанами, офицеры и солдаты РОА, как равные, как настоящие сыны родины, защищают свое отечество вместе с партизанами, вместе с Красной Армией истребляют немецких захватчиков, приближают день нашей победы.

М.К.

ВАЛДАЙ СЕГОДНЯ³⁵

В ста километрах от линии фронта, на юго-востоке Ленинградской области, раскинулся Валдайский район. Изрезанный озерами, похожими на реки, этот район является цветущим уголком области. Совсем недавно, летом и осенью прошлого года, недалеко от Валдая проходила линия фронта. Немцы держали в своих руках Демянск, Залучье и Лычково. Зимой Красная Армия вышвырнула фашистов из этих районов, и фронт отодвинулся далеко на запад. Население мирно живет и работает, помогает Красной Армии громить немецких захватчиков.

Центр района – город Валдай – расположен на берегу озера, под тенью высоких садов и парков. В городе работает два кинотеатра, Дом культуры и парк, где трудящиеся проводят свободное время.

ЗАБОТА О СЕМЬЯХ ФРОНТОВИКОВ

Молодежь города и района тепло заботится о семьях фронтовиков. Недавно был проведен сбор средств в помощь семьям воинов Красной Армии. За короткое время молодежь собрала 61 тысячу рублей.

Пионеры и школьники создали тимуровские команды. Бойцы этих команд помогают семьям фронтовиков во всех домашних хозяйственных делах.

Семьям фронтовиков жители помогли обработать приусадебные участки, вырастить урожай.

В районе открыт пионерский лагерь на 200 детей, отцы которых на фронте. За лето в нем побывали сотни ребят.

63 ТЫСЯЧИ ЗРИТЕЛЕЙ

63 тысячи зрителей посетило городской кинотеатр «Темп» в течение 6 месяцев. Особенно большим успехом пользовались такие кинофильмы, как «Ленинград в борьбе», «Сталинград», «Победа в пустыне», «Антон Иванович сердится», «Выборгская сторона» и «Киноконцерт».

9 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ НА ОБОРОНУ СТРАНЫ

9 миллионов рублей деньгами, облигациями госзаймов, ценностями внесли трудящиеся города и района в фонд обороны

³⁵ [Б.п.] Валдай сегодня // За Советскую родину. 1943. 24 сент. № 34. С. 4.

страны. Только на строительство танковой колонны «Ленинградский колхозник» собрано более 800 тысяч рублей.

В течение трех месяцев колхозники района сдали в фонд обороны страны 3000 пудов хлеба, 5000 пудов картофеля, 4000 пудов овощей, 2 тонны мяса и много других продуктов сельского хозяйства.

ВАЛДАЙЦЫ НА ФРОНТЕ

Колхоз «Байнево» – один из крупных в районе. Он большую помощь оказывает фронту и поддерживает тесную связь со своими односельчанами-фронтовиками. Некоторые из жителей этого колхоза, находящиеся на фронте, прославились в боях за родину и удостоены правительственной награды.

Алексей Тихонов дважды награжден медалями. Недавно он прислал письмо, в котором сообщает, что ему присвоили звание старшины. Поделившись с земляками радостью наших побед на фронте, Алексей Тихонов наказал колхозникам работать еще лучше, помогать Красной Армии быстрее разбить немцев.

ТОПЛИВО – ЛЕНИНГРАДУ

Крестьяне нескольких колхозов района решили сверх плана заготовить топливо для Ленинграда. В намеченный день с пилами и топорами вышли десятки людей. Работали старательно. Шестидесятилетний крестьянин Иванов Савелий Иванович напилит за день 4 кубометра дров.

Лучшая стахановка колхоза «Мопр» Мария Сердцева заявила на беседе:

– Если нужно для Ленинграда, ничего не пожалеем. Все сделаем, чтобы быстрее разгромить немецких бандитов.

Всего в этот день было заготовлено около 200 кубометров дров.

ВОСКРЕСНИК ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Железнодорожники станции Валдай провели массовый воскресник по подготовке путевого хозяйства к зиме. Участвовало более 1000 человек. Особенно отличилась в работе бригада орденосца путевого рабочего Бреверова. Свое задание она перевыполнила в полтора раза.

**«Вечно здравствуй,
господин Великий Новгород...»**

1944 г.

РАЗРУШЕННЫЙ НОВГОРОД ВЗЫВАЕТ К МЕСТИ³⁶

Дымятся развалины древнего Новгорода³⁷. С 1941 г. немецко-фашистские варвары методически разрушают его, задавшись целью стереть с лица земли город, дорогой сердцу каждого русского человека.

...Расцвел, стал неузнаваем Новгород за годы сталинских пятилеток. Наряду с многочисленными зданиями, являющимися памятниками старины, в нем выросли новые замечательные дома, промышленные предприятия, культурные учреждения. Построены и пущены в ход обувная и мебельная фабрики, завод, вырабатывающий детали для сельскохозяйственных машин, фабрика культтоваров, различные промышленные артели. За последние 2 года перед войной реконструированы и сданы в эксплуатацию 2 лесопильных, 2 кирпичных и 1 черепичный заводы. В Новгороде насчитывались десятки учебных заведений, среди них педагогический институт, медицинский, дорожный, педагогический техникумы. В 1940 году на Советской улице построена средняя школа на тысячу учащихся. Имелись городской кинотеатр, клубы, дом Красной Армии, Дом культуры. Выросли новые красивые четырехэтажные дома на Лучинской улице, новая гостиница на Советской, построен Дом пионеров.

В августе 1941 года над Новгородом появились фашистские стервятники. Они долго бомбили его с воздуха. Потом разбойники, ворвавшись в город, учинили расправу над населением. Тысячи новгородцев расстреляны у Григоровского шоссе. Тысячи – угнаны в рабство. До войны Новгород насчитывал до 50 тысяч жителей, а сейчас обезлюдел, онемел город, не услышишь на улицах русскую речь. Беззастенчиво оккупанты ограбили новгородскую землю. Из города немцы вывезли исторические памятники, фабричное оборудование, отняли у жителей домашний скарб. Варвары сожгли дома, сады, вырубил парк у Кремля. Немцы еще в Новгороде. Они топчут советскую землю, сеют смерть и разрушение. Но это их последние дни. Недолго им сидеть в Новгороде! Чувствуя свой конец, они лютуют еще сильнее, жгут окрестные деревни,

³⁶ Сербинов С. Разрушенный Новгород взывает к мести // Сталинский залп. 1944. 16 янв. № 8. [С. 2.] / Новгород будет освобожден 20 января 1944 г., через 4 дня после публикации этой статьи.

³⁷ Новгород был захвачен немецко-фашистскими оккупантами 19 августа 1941 года и 883 дня находился под оккупацией.

уничтожают мирных жителей. Тем беспощаднее будет расплата с немецкими захватчиками за руины Новгорода, за пролитую кровь советских людей, которой обагрены камни древнего города.

Капитан С. Сербинов

ШТУРМ НОВГОРОДА³⁸

Войска нашего фронта, перейдя в наступление на Новгородском направлении, форсировали реку Волхов и верховья озера Ильмень и прорвали сильно укрепленную долговременную оборону немцев. Вчера, 20 января, в результате умелого обходного маневра наши части штурмом овладели важным хозяйственно-политическим центром страны – городом Новгород, крупным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев.

Новгородский участок обороны немецко-фашистских войск представлял собой сильно укрепленную полосу, расположенную на выгодных естественных рубежах и насыщенную множеством долговременных инженерных сооружений.

На юг от Новгорода оборона противника проходила по западному берегу озера Ильмень. На север – по рекам Малый Волховец и Волхов, до населенного пункта Теремец. Таким образом, на протяжении нескольких десятков километров город был защищен серьезными водными преградами.

Первая оборонительная полоса противника, тянувшаяся от Новгорода в сторону Чудова, состояла из мощных узлов сопротивления и опорных пунктов с круговой обороной. Наиболее сильными из них, запиравшими подступы к городу, являлись узлы: с севера – Земтицы, Любцы, Копцы, расположенные на шоссе и железной дороге; с северо-востока – Котовицы, Кречевицы, Хутынъ и Кирилловский монастырь на восточном берегу Волхова; с юга – Троица и Юрьево. Важнейшим и самым мощным, являющимся воротами на путях к городу с севера, был узел сопротивления – станция и село Подберезье.

Новгородский узел сопротивления вместе с прилегающими к нему опорными пунктами был, таким образом, превращен в

³⁸ Демин К., Козлов Л. Штурм Новгорода // Фронтовая правда. 1944. 21 янв. С. 3. / В рубрике с девизом «Преследовать и уничтожать врага!»

главный укрепленный район, насыщенный сильнейшими инженерными сооружениями и заграждениями с хорошо организованной системой огня.

Ко всему этому следует добавить, что местность в этом районе изобилует множеством рек, озер, болот и лесных массивов, усложняющих боевые действия, особенно затрудняя использование танков и мотомехчастей³⁹.

Разгром противника и сокрушение его долговременной обороны в районе Новгорода является поэтому крупной победой частей нашего фронта. Новгородская победа свидетельствует о мастерстве вождения войск, которым обладают наши генералы, о мужестве, храбрости и умении наших офицеров, сержантов и рядовых, получивших высокую оценку Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Разгром немецкой группировки, оборонявшей Новгород, осуществлен в результате умелого обходного маневра и решительного штурма города. Бои начались на рассвете 14 января в двух местах – севернее и южнее Новгорода. После мощной артиллерийской подготовки, продолжавшейся около двух часов, передний край обороны противника был сокрушен, а вражеская артиллерия – подавлена. Под артиллерийскую музыку пехота стремительно атаковала противника в районе Любцы, Заполье, Котовицы, устье реки Прерва и ворвалась на позиции первой линии неприятельской обороны. Огонь нашей артиллерии почти полностью уничтожил и сравнял с землей укрепления на переднем крае противника. Кроме того, как показывают пленные, во время нашей артиллерийской подготовки выбило из строя до 60 процентов личного состава многих немецких рот. Тем не менее в первый период наступления немцы оказали исключительно упорное сопротивление, особенно в районе Любцы. Завязались ожесточенные бои в траншеях⁴⁰.

В результате решительной и стремительной атаки немцы были опрокинуты и отброшены с этого выгодного рубежа за реку Питьба к шоссе Новгород – Чудово.

Сопровождаемая огневым валом артиллерии наша пехота вырвалась на шоссе и проникла дальше на запад, тем самым прорвав оборону противника на всю ее глубину.

³⁹ Мотомехчасть – моторизованная и механизированная часть.

⁴⁰ Траншея – узкий, глубокий ров с бруствером, соединяющий в одну линию все огневые точки оборонительных позиций.

Перед тем, как была прорвана оборона немцев севернее Новгорода, часть полковника Себова ночью успешно форсировала озеро Ильмень и внезапной атакой овладела 15 населенными пунктами на западном берегу. Стремительно развивая успех, часть полковника Себова захватила большой плацдарм⁴¹ южнее города и вышла на шоссе и железную дорогу Новгород – Шимск. На захваченный плацдарм командование вело крупные силы, которые создали для противника угрозу охвата с юго-запада.

Одновременно с ударами в районе Любцы – Копцы и южнее Новгорода части генерал-майора Артюшенко стремительно форсировали реку Волхов на участке Муравьи – Котовицы – Кречевицы и с боями заняли населенные пункты Жарки, Германово, Кирилловка.

В образованную на северном участке немецкой обороны брешь были введены наши подвижные отряды. Устремившись вдоль шоссе Новгород – Чудово и на запад от него, они вышли в тыл наиболее сильному узлу сопротивления врага – Подберезье. Один из таких отрядов под командованием полковника Урванова прорвался на шоссе между Подберезье – Некохова и разгромил следовавшую по нему большую неприятельскую автоколонну с войсками. Подберезье оказалось в кольце. Окруженный неприятельский гарнизон предпринял отчаянные попытки вырваться из кольца, но в ожесточенном многочасовом бою был также уничтожен. Северные ворота к Новгороду были взломаны. С падением Подберезья наши части быстро вышли в район Чечулино и на железную дорогу Новгород – Ленинград.

Части генерал-майора Артюшенко, сосредоточившись на захваченном плацдарме на западном берегу Волхова, обошли опорный пункт Котовицы и ударом с запада заняли его. Применяв такой же маневр, на следующий день эти части в упорном бою вышибли немцев из населенного пункта Кречевицы, после чего устремились к Новгороду.

К этому времени, развивая успех наступления вдоль шоссе Новгород – Чудово и западнее железной дороги Новгород – Ленинград, соединение генерал-майора Микульского перерезало последнюю коммуникацию немцев – железную дорогу Новгород – Батецкая, заняв при этом село Вяжицы.

⁴¹ Плацдарм – пространство, на котором подготавливается и разворачивается военная операция.

Таким образом, Новгородская группировка немецких войск была окружена и обречена на разгром. Однако немцы продолжали упорно сопротивляться в самом городе, укрывшись в мощных оборонительных сооружениях.

Утром 20 января начался штурм Новгорода. Под грохот артиллерии доблестная советская пехота двинулась в бой. Метр за метром продвигались наши воины вперед и, наконец, ворвались на улицы города.

Старший сержант Иван Калачев, сержант Михаил Карпушин и красноармеец Григорий Скуратов из подразделения майора Веретенникова достигли памятника Ленину у стен новгородского кремля. По радио они сообщили в штаб соединения:

- Новгород наш!

А в 10 часов 25 минут полковник Николаев и полковник Швагирев под торжественные возгласы воинов-освободителей города водрузили⁴² над кремлем красный флаг⁴³.

В боях за освобождение Новгорода наши войска нанесли врагу тяжелое поражение. Только убитыми немцы потеряли до 15000 солдат и офицеров. Нашими войсками захвачены большие трофеи и более 3000 пленных. Завершив операцию по овладению городом, наши части уничтожали противника, окруженного в лесах западнее Новгорода, и продолжают продвигаться вперед.

Гвардии майор К. Демин,
гвардии майор Л. Козлов,
район боев (по телеграфу)

⁴² Водрузить – установить где-либо на высоте, укрепить.

⁴³ В других работах это ситуация изображена несколько иначе: «В ночь на 20 января начался долгожданный штурм Новгорода. В 11 часов 25 минут того же дня офицеры А. П. Швагирев и В. А. Николаев водрузили красное знамя над стеной кремля у Софийской Звонницы». См.: Трояновский С. В. Великий Новгород: Седмицы истории. 859–1990-е годы. М.: Весь Мир, 2015. С. 515.

ГОРОД СЕГОДНЯ⁴⁴

Город выплыл из тумана⁴⁵. Мы торопим сами себя – быстрее, быстрее. Вслед за танками и орудиями, которые непрерывным потоком проходят мимо нас, мы идем по земле, на которой еще час тому назад были немцы. И вот первые камни. Первые развалины Новгорода.

На подступах к городу сотни немецких трупов. Вот лежит перевернутая в кювете немецкая пушка. Вот орудия, минометы. Какой-то офицер бросил свою легковую машину. Все брошено. Они хотели спастись бегством.

На улицах Новгорода следы панического бегства немцев. У Московской заставы на дороге, рядом с большим немецким кладбищем, валяется плащ, 2 противогаза, лодка, нагруженная патронами и автоматами. Один из бойцов тащит из дома большой ящик с железными крестами...

Немцам было не до наград. Но, пытаясь спастись, они все же успели выполнить свой коварный план. Они уничтожили город. Он мертв и пустынен. На Московской улице нет ни одного уцелевшего дома. Только стены да трубы. То же самое на остальных улицах. Взорваны и изгажены храмы. Распилен на куски памятник Тысячелетия России. Гитлеровцы хотели увезти его, уже запаковали в ящики, но не успели. Церковь Бориса и Глеба превращена в уборную. Взорваны школы и культурные учреждения. Угнано население.

Что они сделали с тобой, Великий Новгород?! За разрушенный новгородский кремль, за его девять башен, за Софийский собор, построенный еще во времена Ярослава Мудрого,

⁴⁴ Исаев И., Саксонов С. Город сегодня // Фронтовая правда. 1944. 21 янв. С. 3. / В рубрике с девизом «Преследовать и уничтожать врага!»

⁴⁵ Публикация этого репортажа состоялась и в другом издании: Исаев И., Саксонов Л. Новгород сегодня // За Советскую родину. 1944. 31 янв. № 8 (68). С. 2. Вместо первых 5 абзацев были другие слова: «Мы смотрим на разрушенный немцами город. На Московской улице нет ни одного уцелевшего дома. Только стены да трубы. То же самое на остальных улицах. Взорваны и загажены храмы. Распилен на куски памятник Тысячелетия России. Гитлеровцы хотели увезти его, уже запаковали в ящики, но не успели. Церковь Бориса и Глеба превращена в убогую. Взорваны школы и культурные учреждения. Угнано население. Новгород, родной и близкий сердцу каждого русского, встает, как непокоренный, израненный витязь, распрямляет плечи».

за бессмертные памятники древней Руси немцы понесут возмездие. Только кровью, потоками крови оплатят они за это.

А Новгород уже оживает. Бесперывным потоком приходят на запад части Красной Армии. По улицам ходят минеры. Они обезвредили десятки мин. Связисты восстанавливают связь. Уже прибыли в город работники горкома партии во главе с секретарем горкома Соколовым, работники горсовета и другие.

Председатель горсовета Юдин встречает нас на улице. Он осматривает город. Он уже увлечен планами его восстановления, он знает, что через день-два начнут возвращаться жители из лесов, землянок, из эвакуации.

Горсовет получает ежедневно от 5 до 10 писем от новгородцев из разных концов страны. Они спрашивают: не пора ль выезжать. Очевидно, они уже в пути.

– Мы создадим заново город. Он будет краше прежнего.

Ты воскрес сегодня, Великий Новгород – город древней могучей Руси. Над тобою шумят знамена нашей победы. Мы пришли к тебе в дни великих страданий и вырвали тебя из фашистского плена. И уже сегодня начинается новая жизнь. По твоим улицам и площадям проходят достойные потомки Александра Невского, и на их знаменах ярким пламенем горят слова нашего великого предка: «Кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет».

Войска идут на запад. Они преследуют немцев.

Майор И. Исаев,
майор Л. Саксонов,
район боев (по телефону)

КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАД НОВГОРОДОМ⁴⁶

Севернее Новгорода полоса укреплений противника состояла из мощных узлов сопротивления и опорных пунктов с круговой обороной, с развитой системой траншей, ходов сообщения, дотов, дзотов и пулеметных гнезд. Тем не менее, советские части форсировали в нескольких местах реку Волхов и начали штурм

⁴⁶ Майор Родионов. Красное знамя над Новгородом // Ленинградский партизан. 1944. 25 янв. № 6 (97). С. 2.

линии неприятельской обороны. Одновременно советские части успешно углубляли прорыв южнее Новгорода.

Форсировав реку Волхов, перерезав железные дороги Новгород – Ленинград и Новгород – Шимск, наступающие не дали немцам передышки. Они поставили под угрозу окружения всю новгородскую группировку немцев. Части, действовавшие севернее Новгорода, устремились навстречу частям, прорвавшимся южнее города. Коридор, оставшийся в распоряжении немцев, суживался с каждым часом. Одновременно было предпринято энергичное давление на участке непосредственно против Новгорода. Немцы начали метаться в разные стороны, распыля свои и без того сильно потрепанные части.

Штурм Новгорода – заключительная часть сражения, разыгравшегося на берегу Волхова, – вновь продемонстрировал исключительную храбрость, выносливость и стойкость русских воинов.

* * *

Славный город, с именем которого связаны замечательные страницы нашей истории, символ народной гордости, город-памятник, близкий и дорогой сердцу каждого русского человека, предстал перед советскими воинами в дыму пожаров, зажжённых немцами. За два с половиной года своего владычества немцы разорили дотла, изуродовали до неузнаваемости, опоганили и осквернили Новгород.

Фашистские мерзавцы истерзали Новгород. Нет им пощады! И войска не дают гитлеровцам пощады. Не останавливаясь, они движутся на запад.

...На проселках, изборожденных гусеницами танков и артиллерийских тягачей, то и дело встречаются жители освобожденных деревень. Они спешат к родным местам из наших тылов, проведав о том, что немцев прогнали из Новгорода.

Майор Родионов

СИМВОЛ ЛЮБВИ К РОДИНЕ⁴⁷

Великий Новгород – древний русский город, колыбель русской государственности и русской культуры. На низких берегах Волхова, на великом торговом пути, в глубокой незапамятной древности возникло поселение славянских рыболовов, которому суждено было в дальнейшем вырасти в блестящий центр русской культуры.

Расположенный у начала мощного водного пути, соединяющего Северо-Восточную Европу с солнечными странами далекого юга, Новгород очень скоро стал крупнейшим торговым городом, через который шли все торговые сношения⁴⁸ Западной Европы с Востоком. Сюда приезжали западноевропейские купцы за драгоценной пушниной. И сами новгородцы пересекали Балтийское море на своих узорных ладьях за иноземными товарами.

Свободе Великого Новгорода в течение ряда лет угрожали немецкие «псы-рыцари». Новгородцы под водительством⁴⁹ Александра Невского в 1242 году на льду Чудского озера нанесли немецким рыцарям решительное поражение. И в дальнейшем Новгород был мощным оплотом⁵⁰ русского народа. На Новгород опирался Иван Грозный, когда он громил Ливонский орден, и Петр Великий, когда он твердой ногой встал на берегах Балтийского моря.

В мужественной борьбе за независимость новгородцы создали сильную политическую организацию. Под звон вечернего колокола собиралось шумное новгородское вече, сходка граждан, на которой бурно обсуждались общие дела.

В борьбе за свою независимость Новгород создал замечательную культуру.

Гитлеровские вандалы уничтожили великолепные памятники новгородского искусства: величественный Собор Святой Софии, с его роскошными мозаиками, не имеющими равных во всей Европе, изящные фрески Спаса Нередицы... Но новгородское искусство живет в России. Новгородские зодчие воздвигали московские храмы, новгородские живописцы украсили их прекрасными образцами

⁴⁷ Бахрушин С. Новгород сегодня // За Советскую родину. 1944. 31 янв. № 8 (68). С. 2.

⁴⁸ Сношение – здесь: связь, общение.

⁴⁹ Водительство – (*высок.*) руководство, предводительство.

⁵⁰ Оплот – здесь: надёжная защита, опора, твердыня.

иконописи, новгородские композиторы обучали «своим» распевам и Москву, и далекий Соликамск.

Новгород был всегда и остается для нас символом великих творческих возможностей русского народа, символом любви к Родине и героической борьбы за нее.

Проф. С. Бахрушин

ИСТРЕБИТЕЛЬ⁵¹

На зелени аэродрома
Он словно неуклюжий зверь.
Но чувствует себя как дома,
Небес размахивая дверь.
Стремительный кусок металла
Врезает воздуха пласты.
Смотри: под ним упругой стала
Литая глыба пустоты.
Вот так и жать... Как истребитель,
Ломая воздух, рвясь вперед,
Чтобы невидимые нити
Поддерживали твой полет,
Чтоб в быстроте, ища опоры,
Раскинув руки плоскостей,
Лететь вперед, глотая скорость
Преодоления путей!

В. Захарченко

⁵¹ Захарченко В. Истребитель // Красное знамя. 1944. 17 авг. № 36. С. 4. / Стихи опубликованы на полосе, подготовленной к 18 августа – Всесоюзному дню авиации.

НОВГОРОД⁵²

На раненого витязя похожий,
Древнейший, как народный сказ⁵³,
Ты стал еще родней, дороже,
Еще милее каждому из нас.
Нам не забыть руины, пепел, дым
И ужас обездоленных людей,
Мы ничего злодею не простим,
За все сполна ответит нам злодей!
Минует время трудовой страды⁵⁴,
Овеянное доблестью и славой,
И ты опять у волховской воды
Предстанешь гордый, величавый.
И будешь трижды славен ты тогда
В громаде наступающих веков,
Что возрожден в сороковых годах
Упорством негнибаемых сынов.

Дм. Донской

ВОЗРОЖДЕНИЕ УЛИЦЫ⁵⁵

Это был один из живописных уголков Новгорода, утопавший в садах, – квартал, образуемый улицами Большой Конюшенной и Народовольцев, смыкающимися Лучинской.

Гитлеровцы не пощадили ничего: ни домов, ни садов, ни ягодников. Все было предано огню, и когда новгородцы вернулись в свой родной город, они увидели на этом месте заросли бурьяна. О некогда бывшем здесь жилье свидетельствовали только мостовые, выложенные булыжником, да кое-где в бурьяне виднелись красные, потрескавшиеся от пожаров кирпичи фундаментов.

⁵² Донской Д. Новгород // Новгородская правда. 1944. 19 авг. № 3. С. 2.

⁵³ Сказ – эпическое произведение устного народного творчества о событиях прошлого или современности, в котором повествование ведётся от лица рассказчика.

⁵⁴ Страда – здесь в значении: напряжённая работа, деятельность в какой-л. промежуток времени; время, пора такой работы.

⁵⁵ Донской Д. Возрождение улицы // Новгородская правда. 1944. 23 сент. № 13. С. 2. / В рубрике с девизом «Все силы восстановлению родного города!»

12 сентября на сожженных улицах появились красноармейцы. Они подвозили на автомашинах бревна и доски и складывали их на мостовой. Группа людей в штатском выкашивала и выламывала бурьян в тех местах, где когда-то стояли дома. Эти люди были новгородцами. Они готовили места, на которых было решено ставить дома, присланные в подарок одной воинской частью. И на улицах, превращенных врагом в пепелище, закипела работа.

За истекшие десять дней бойцы лейтенанта Савина поставили 9 домов и работают на сборке десятого. Предстоит собрать еще несколько домов.

Люди, возрождающие эти улицы, в Новгороде не новички. В январе, когда враг был выбит из Новгорода, лейтенант Савин со своими бойцами приехал в Новгород. Он еще тогда помог новгородцам отстраивать город. Бойцами его подразделения была выстроена временная баня, сделано два колодца, они помогали ремонтировать дома на улицах им. К. Либкнехта, на Славной и других. Но тогда у бойцов Савина были другие важные дела, поглощавшие много времени и труда, и он не мог помочь городу энергичнее.

Теперь же лейтенант Савин имел специальное задание: отвезти в Новгород и установить там полтора десятка домов.

Разгрузка и подвоз домов к месту установки их отняли много времени. Сразу же началась сборка. Эту работу бойцы ведут по-военному, по-фронтному: быстро и прочно. Одна группа бойцов занимается сборкой стен, тем временем другая готовит к укладке новые бревна, мох. Как только сборка стен достигает уровня окон, готовятся оконные коробки, лес для потолка. Как только сборка стен закончена, группа бойцов уходит на сборку другого дома, а оставшиеся бойцы возводят стропила для крыши, вставляют рамы, заготавливают гвозди.

Энергично, организованно работают отделения, где командирами тт. Кошкарев и Тропин.

Бойцы Трескин, Макеев, Попов А. С., Кирчигин и другие показывают образцы высокой производительности труда, дисциплины, четкого и быстрого выполнения заданий. Это объясняется не только военным положением людей. Мысль о быстрейшем возрождении Новгорода поднимает сознание бойцов, их волю в труде.

Д. Донской

МОЛОТИЛЬЩИК ВАСИЛИЙ МОСИНОВ⁵⁶

- Надо понимать, для кого вы работаете! Для армии, для фронта! Так чтобы выход был дружный, ни минуты простоя.

- Не подведем, будь уверен.

Такой разговор вел с членами своей бригады молотильщик Спасской МТС Василий Яковлевич Мосинов, или, как часто зовут его, дядя Вася. Он гордится, что ему доверили государственную машину, от работы которой во многом зависит успех молотья, своевременное снабжение Красной Армии хлебом, и хочет, чтобы и его люди поняли это, считали за честь работать в бригаде молотильщиков.

И люди работают слаженно и дружно. Еще по-настоящему не рассвело, а уже все в сборе, на току. Каждый занимает свое место, Молотилка и трактор с вечера осмотрены и сразу же включаются в работу. На обед здесь положен ровно один час. Пока бригада обедает, Василий Яковлевич ухаживает за молотилкой. Он сосредоточенно хлопочет около нее: обметет, смажет, проверит все детали. Того же требует и от трактористки Григорьевой. После обеда молотья на току не прекращается до позднего вечера. Намолачивают в день по 15, а когда в колхозе не задерживают с доставкой снопов, - по 20 тонн зерна. Это больше полуторных норм!

И еще бригада работает хорошо потому, что Мосинов взял обязательство намолотить 700 тонн. Слава о его хорошей работе разнеслась по всему району.

Горд Василий Яковлевич и тем, что из-под машины течет такое чистое зерно, которое «хоть прямо государству вези», и тем, что в соломе не отыщешь необмолоченных зерен. Этого он добился благодаря хорошему уходу за молотилкой. Сам ремонтировал, разобрал, исправил и снова собрал деки, «заштопал» сита.

С нетерпением ждут Мосинова в колхозах. «Вот приедет Василий Яковлевич, - говорят, - тогда и с государством быстро рассчитаемся и авансы выдадим». И когда его молотилка въезжает в колхоз, каждый радостно приветствует его. А председатели колхозов задолго хлопочут о том, чтобы «помехи ни в чем не было». Они и ток подготовят, и снопов подвезут, и позаботятся о ночлеге для молотильщиков. А как же иначе? Не любит старик «непорядка»,

⁵⁶ Орлов П. Молотильщик Василий Мосинов // Новгородская правда. 1944. 30 сент. № 15. С. 2.

и уж если увидит, что ток плохой или из-за тары отвозка зерна задерживается, – так распечет, что «небу станет жарко».

Он начал молотить в колхозе «1 мая», затем в колхозе имени Калинина, оттуда переехал в «Красный орел», потом в «Коминтерн», «Строитель», «Комсомолец». Обмолотил все озимые и яровые хлеба, а также и клевер на семена. Осталось домолотить яровые и клевер в «Комсомольце» и «Строителе». Эти колхозы уже давно рассчитались по хлебу с государством и сейчас отвозят на заготпункты зерно сверх плана. И этим сильно доволен Василий Яковлевич: «Из-за меня задержки не было, Красная Армия получит хлебушко в срок».

Хорошо работает Мосинов. Более 400 тонн зерна намолотил он. Не менее тонны хлеба получит он от молотилки. Будут обеспечены и жена, и двое детей. Да и сама старуха еще в колхозе заработает не мало, так что «живи не тужи». Но в последние дни Мосинов стал тревожиться:

– Как же, – говорит он, – дали маршрут молотить в 6 колхозах, почти все в них обмолотил. А где же дальше молотить? Ведь мое обязательство – 700 тонн. Выполнить должен. Надо еще колхозы искать.

П. Орлов

НЕРЕДИЦА⁵⁷

В 2 километрах от г. Новгорода, вверх по реке Волхов, на Нередицкой горке, отделенной от Рюрикова городища Спасской речкой, в течение восьми столетий стояла церковь «Спас-Нередица», являющаяся архитектурным памятником XII столетия, пользующимся мировой известностью.

Здание церкви «Спас-Нередица» сооружено русскими мастерами в 1198 году и расписано внутри стеной фресковой живописью русскими и византийскими художниками в 1199 году. «Спас-Нередица» была придворным великокняжеским храмом новгородских князей XII–XIV вв., находившимся вблизи княжеской резиденции того времени, расположенной на Городище. Строителем храма был новгородский князь Ярослав Владимирович,

⁵⁷ Виннер А. Нередица // Новгородская правда. 1944. 4 окт. № 16. С. 2. / В рубрике «Исторические памятники Новгорода».

княживший в г. Новгороде в 1197–1199 гг. Со времени своего сооружения в конце XII века церковь «Спас-Нередица» дошла до наших дней в своем первоначальном виде и, что главное, внутри ее сохранилась в неприкосновенном виде древняя стенная фресковая живопись 1199 г., широко известная всему культурному миру и являвшаяся исключительным по своему ансамблю сохранности образцом древнерусского монументального искусства XII столетия. Среди изображений стенописи находились отдельные изображения лиц княжеской фамилии, в том числе был изображен отец Александра Невского, новгородский князь Ярослав Всеволодович, стоящий с моделью церкви в руках.

«Спас-Нередица», являвшаяся до войны 1941 года музеем древнерусского монументального искусства, посвящавшаяся тысячами экскурсантов со всех городов нашего союза и ряда европейских стран, в 1941–1942 гг. была варварски разрушена немецко-фашистскими захватчиками. Не являясь военным объектом, укрепленным пунктом, широко известный всему миру памятник древнерусского искусства XII столетия, шедевр монументального живописного искусства этой эпохи, был подвергнут немецкими извергами, не знавшими в своей злобе и ненависти против русского народа никаких пределов, варварскому обстрелу прямой наводкой. Немцы установили на расстоянии километра, на левом берегу р. Волхов, у устоев недостроенного моста, пушку 320 миллиметрового калибра, и прямой наводкой обстреливали «Спас-Нередицу», превратив ее в руины. Немые свидетели непревзойденного варварства фашистских захватчиков – неразорвавшиеся немецкие снаряды 320 калибра и ныне лежат у руин Нередицы. От знаменитого памятника древнерусской архитектуры и живописи XII века ныне сохранились лишь части восточной и южной стен, западная и северная стены; своды, купол и барабан уничтожены полностью. Погибла и стенная живопись 1199 года; лишь чудом уцелевшей юго-восточной части сохранились фрагменты древних фресок – среди них обнаружены целые фигуры отдельных изображений. Незначительные по размерам фрагменты сохранились и на южной стене алтаря.

Летом 1944 года бригадой реставраторов Комитета по делам Архитектуры при СНК СССР учеными-реставраторами Юновым П., Домбровским М. А., помощником реставратора Мантейфелем

Б.⁵⁸ были проведены сложные работы по укреплению всех сохранившихся фрагментов древней стенописи «Спас-Нередицы». Работы велись в течение целого месяца, и в результате их оставшиеся фрески были укреплены и спасены от гибели.

А. Виннер

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР АНТОНЬЕВА МОНАСТЫРЯ⁵⁹

На правом берегу реки Волхов, в двух километрах вниз по течению от Новгорода, находится один из выдающихся архитектурных памятников новгородского зодчества начала XII столетия – Рождественский собор Антоньева монастыря. Он сооружен в 1117–1119 гг. выходцем из Рима новгородским жителем Антонием Римлянином.

По своей архитектуре здание собора является интереснейшим памятником начала XII века, хорошо сохранившим свои первоначальные формы. В плане собор представляет прямоугольник, вытянутый с запада на восток. К северо-западному углу его примыкает круглая башня с круглым столбом внутри и каменной лестницей. Восточный фасад состоит из трех полукруглых апсид⁶⁰ одинаковой высоты, достигающих крыши собора. Внутри собор перекрыт древними коробовыми сводами⁶¹ и арками, поддерживаемыми шестью столбами, имевшими в плане

⁵⁸ Б. К. Мантейфель (1896–1957) – музейный работник, специалист по археологическому изучению Новгородского края. В составе экспедиции Центральных реставрационных мастерских занимался укреплением фресок в разрушенных новгородских храмах. Из обломков строительного известняка он выполнил макеты Спаса Нередицы, Спаса на Ковалеве, Николы на Липне в их довоенном облике.

⁵⁹ Виннер А. Рождественский собор Антоньева монастыря // Новгородская правда. 1944. 14 окт. № 19. С. 2. / В рубрике «Исторические памятники Новгорода».

⁶⁰ Апсида – полукруглый (иногда многоугольный) выступ в стене христианских церковных зданий (обычно в алтарной части храма).

⁶¹ Коробовый свод – криволинейное перекрытие с лежащим полуovalом в сечении.

первоначально крещатую⁶² форму, но впоследствии отёсанными. Собор увенчан тремя главами. Собор с трех сторон – с юга, севера и запада – окружен пристройками XVII века.

Собор Антоньева монастыря является единственным в СССР зданием, в котором сохранились древние окна с первоначальными дубовыми оконцами, заложенными кирпичом в конце XVII века при возведении пристроек.

В 1923–25 гг. в алтаре собора была обнаружена древняя фресковая живопись, принадлежащая к началу XII века. Фрески раскрыл ученый-реставратор Юкин П. И.⁶³ Живопись была исполнена на синем фоне, лица были написаны в светло-желто-охряных тонах с красноватыми и зеленоватыми притенениями⁶⁴ и отличались исключительным мастерством исполнения, объемом и реалистичностью письма.

Летом 1944 года при укреплении древних фресок собора, пострадавших от варварства немецко-фашистских захватчиков, на стенах башни под слоями позднейших покрасок и шпаклевки была обнаружена исключительная по своему содержанию и манере исполнения фресковая живопись, принадлежащая кисти первоклассных русских и византийских художников XII столетия.

Эта живопись выполнена по розовато-белой цемянке⁶⁵. Среди изображений, находящихся на северной и восточной стенах башни, особое внимание привлекает фигура, изображающая типичного новгородца конца XI и начала XII веков, имеющая сбоку надпись «Петр». Возможно, что это изображение строителя храма – мастера Петра.

Рядом с этой фигурой находятся погрудное изображение воина в круге с греческой надписью, ниже два портретных изображения: женский и мужской – князя с копьем и щитом в руках.

⁶² Крещатый свод – крещатый свод (устаревшее написание «крестчатый») – сомкнутый свод с двумя перекрещивающимися парами распалубок и отверстием в центре для барабана.

⁶³ П. И. Юкин (1883/85–1945) – художник-реставратор монументальной и станковой живописи, собиратель икон и исследователь древней иконописи. В 1910–1920-е гг. работал в Новгороде над раскрытием фресок церквей, участвовал в раскрытии ценнейших новгородских икон, после освобождения Новгорода в 1944 г. занимался укреплением сохранившихся на стенах новгородских храмов участков живописи.

⁶⁴ Притенение – нанесение теней на что-либо (о живописи).

⁶⁵ Цемянка – измельченная обожженная глина и толченый кирпич, добавлявшиеся в строительный раствор для прочности.

По своей несколько архаической манере исполнения эти портретные изображения, возможно, новгородских князя и княжны. Они напоминают античные фрески в погребальных камерах и склепах Керчи и Херсонеса и, безусловно, принадлежат кисти иноземного мастера – выходца из южно-греческих черноморских колоний, с которыми в те времена Новгород имел тесные торговые связи.

Не менее интересным является изображение Параскевы Пятницы, находящееся вблизи прохода на хоры⁶⁶; на западной стене башни обнаружено изображение процветающего креста, ниже находится изображение новгородского возницы с лошастью, везущей на перекладине⁶⁷ кладь. Возница изображен в войлочной шляпе. По характеру рисунок напоминает миниатюры XI–XII веков.

На западных гранях алтарных столбов главного храма найдены превосходно сохранившиеся фрески XII века.

Открытая в 1944 году стенопись⁶⁸ XII века ставит собор Антоньева монастыря в число выдающихся памятников древнерусского монументального искусства начала XII столетия.

А. Виннер

НАРОДНЫЕ ЧАСТУШКИ⁶⁹

1. У баяна переливы
Нежные и тонкие.
Песни праздничные наши
Радостные, звонкие.
2. Гитлер хмурится и злится:
– Положение «не гут».
Да ему ли веселиться
В ожидании «капут»?!

⁶⁶ Хоры – открытая галерея или балкон в верхней части парадного зала или церковного здания (первоначально для помещения хора, музыкантов).

⁶⁷ Перекладина – поперечный брус (жердь, палка), обычно закреплённый концами между двумя опорами.

⁶⁸ Стенопись – стенная живопись, роспись стен.

⁶⁹ [Б.п.] Народные частушки // Красное знамя. 1944. 7 нояб. № 59. С. 4. / Частушки, записанные в Батецком районе.

3. Наша Родина опять
 Стала вся свободная.
 Из России убежала
 Немчура бездомная.

4. Не спастись в берлоге зверю –
 Бесполезные труды.
 Бьют со всех сторон, а фрицу
 Ни туды и ни сюды.

НА ОТДЫХЕ⁷⁰

Рвани, мой друг, гармонь,
Чтоб сосны заходили,
Березки, кустики пошли по круговой,
С тобой мы сквозь огонь
Сражений проходили
И здесь не потеряем чести боевой.
Я выйду в круг, размаху ноги просят.
Под частой дробью загудит земля...
Нам завтра в бой, но с каждым днем короче
В Берлин дорога, Родина моя.
Я верю в то, что мы с тобой живые
Войдем в родной после разлуки дом.
И, вспоминая годы боевые,
В кругу родных чечетку отобьем.
Пусть злится враг, пускай от злобы воет
В бессильной ярости рыгающий огонь.
Их стон заглушит, перекроет
Победным маршем русская гармонь.

Н. Шувалов,
д. Большие Кусони
Черновского сельсовета

⁷⁰ Шувалов Н. На отдыхе // Красное знамя. 1944. 23 нояб. № 63. С. 2.

В ЭТОТ ДЕНЬ⁷¹

Он придет, этот день счастливый
Будет праздник звенеть кругом,
Будет солнце на небе синем
Пламенеть золотым огнем.

Будет поле от снегу бело
Или рожью позарастет –
Это будет зимою, летом, –
Все равно этот день придет.

Торопливо пройдут девчата
Своих милых друзей встречать.
У порога сосновой хаты
Встретит сына седая мать.

Будет шумно, празднично весело
За семейным большим столом.
Переливы баяна с песнями
Зазвонят над родным селом...

В этот час долгожданный, радостный
Вспомним павших в боях лихих.
Не оставим в печали тягостной
Тех, кто встретить не мог своих...

И опять, как река бурливая,
Потечет жизнь в родном краю,
Жизнь красивая и счастливая,
Отвоеванная в бою.

Этот день придет обязательно,
И во имя его сейчас
Мы в бою и труде сознательном
Приближаем победы час.

В. Алексеев,
пос. Батецкая

⁷¹ Алексеев В. В этот день // Красное знамя. 1945. 1 янв. № 1. С. 3.

НА ТАНКОВУЮ КОЛОННУ⁷²

На собрании колхозников деревни Видогощь Видогощского сельсовета председатель колхоза тов. Семенов заявил: «Благодаря успехам нашей доблестной Красной Армии наша земля полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Близится час окончательного разгрома врага. Внося свои сбережения на строительство танковой колонны «Освобожденный Новгород», мы отомстим немецким извергам за все разрушения, причиненные нашему району немецкими оккупантами».

По примеру тов. Семенова члены сельхозартели все как один подписались на строительство танковой колонны «Освобожденный Новгород».

Колхозники подписались на 4500 рублей и внесли наличными 3200 рублей.

М. Шалгина

ТАНКИСТЫ⁷³

В блиндаже было тесно, словно в металлической коробке машины. Печь излучала чрезмерное количество тепла и озаряла оранжевым светом ряды нар. На нарах лежали танкисты. Была дана команда отдыхать, но никто не спал в этот поздний час.

Ощупывая нагретую полу кожаной куртки, командир одной из машин Азмурзаев повернулся на другой бок.

- Что, товарищ старшина, не спится?

Азмурзаев, узнав по голосу своего механика-водителя, приподнялся на локте.

- Не спится, Вася, словно жениху перед свадьбой, - пошутил он, и снова в блиндаже наступила тишина.

- Думается мне, что завтра на Новгород двинем, - снова заговорил водитель, - а может, и сегодня в ночь...

- Скорее бы! - звонко и молодо сказал кто-то в темном углу и после тяжелого вздоха заметил:

⁷² Шалгина М. На танковую колонну // Звезда. 1945. 13 янв. № 2 (6635). С. 2. / Размещено вместе с другими агитационными материалами на специальной полосе с девизом «Построим танковую колонну "Освобожденный Новгород"».

⁷³ Киселев Н. Танкисты // Новгородская правда. 1945. 20 янв. № 8 (49). С. 2. / Рассказ о встрече на фронте с освободителем Новгорода.

- Эх, братцы, знали бы вы, до чего мне не ждется!

- А ты не горячись, - вступил в разговор радист Васильев. - Дай срок - будем за Волховом!

- У нас с ним другое дело, - пояснил Сиволобов, кивая на тот угол, где томился беспокойный парень, - мы с ним вместе из Новгорода в сорок первом отступали. Танк наш немцы подбили тогда. Только к пехоте пристроились, приказ - отступить! Идем - сердце жжет, словно кислотой облили. Не верилось, что оставляем город, - продолжал рассказывать механик. - Помню, я открытку подобрал тогда... на улице.

Тут Сиволобов поднялся с нар, расстегнул планшетку и извлек из нее белый пакетик из лощеной бумаги.

- Вот она!

Кто-то громко потребовал света. Дежурный боец подкрутил фитиль походной лампы, пошуровал в печи, танкисты соскочили со своих мест и окружили Сиволобова. На огрубевшей ладони механика лежала открытка.

Танкисты склонились и, словно зачарованные, долго любовались ею. На открытке был изображен Новгород. Белые каменные дома. Кремль. Софийский собор в своем золотом убранстве. И над всем этим - нежная голубизна неба...

Наконец прошла длинная зимняя ночь.

Предположения танкистов оправдались. Вскоре был получен приказ о наступлении. Около боевых машин, что стояли в зарослях сосняка, выстроились экипажи. Появился командир части.

Проверив боевую готовность экипажей, командир предупредил танкистов, что немцы будут всеми силами держать город, являющийся крупным узлом коммуникаций. Вероятно, гитлеровцы подтянут из глубины своей обороны не один десяток «Тигров» и «Пантер». Бой предстоит жестокий.

Нашим танковым частям предстоит взломать долговременную оборону противника, расчистить дорогу наступающей следом пехоте.

И вот атака началась!

На ходу танк бросало, наблюдение нарушалось, но и сквозь дым, через столбы взвихренного снега, они увидели вражеские танки, которые вытягивались в прямую линию, принимали лобовое положение, готовились встретить огнем наши атакующие машины.

Танк механика-водителя Сиволобова, сдирая гусеницами снег до самого гудрона автотрассы, мчался на скопище вражеских

машин, но в этот момент радист Васильев уловил приказ с командного пункта: «Встать в засаду!»

Сиволобов нырнул за разрушенный каменный дом, застопорил машину, но командир Атмурзаев, взглянув в перископ, заметил, что неприятельские танки тоже обогнули дом и быстро приближаются... Согласно новой команде, принятой по радио, приказывалось развернуться и с встречного хода вести огонь...

– Есть с хода вести огонь!.. – громко прокричал командир и дал знак водителю: «Вперед!»

Сиволобов дал большую скорость, и танк, гулко рокоча моторами, снова рванулся вперед.

Старшине Атмурзаеву, сидящему в своем командирском люке, удалось на какой-то момент увидеть через крошечное оконце кусочек ясного неба. «Синее-то какое, как на Васиной открытке», – подумал он и вдруг услышал в наушниках голос водителя:

– Внимание, командиры! Танк противника сто пятьдесят! Бронебойным – огонь!

– Есть! – отозвался Атмурзаев и выстрелил из пушки. Это было отличное поражение цели. Видя, как атмурзаевский снаряд разворотил башню «немца», пулеметчик Петров закричал в восторге:

– Молодец, гвардии старшина!

Снова танк Сиволобова был в движении. Он мчался вперед, пятился назад, бросался из стороны в сторону, ускользя от вражеских снарядов, но все же один снаряд с визгом царапнул край башни. Командир сказал водителю:

– Маневрируй лучше! Приближаюсь к танку. Танк 250 метров! Веду огонь!

Снова грохнул выстрел. Второй немецкий танк закрутился на месте, охваченный ярким пламенем.

– Горит! Ни один гад не выскочил! – сообщил Атмурзаев товарищам.

Противник, не выдержав мощного натиска советских боевых машин, поспешно откатывался за город. Танковый бой затихал. Танкисты приняли команду: «Замаскировать машину! Ждать дальнейших приказаний!»

Вскоре состоялось оперативное совещание водителей и командиров.

Механикам-водителям Сиволобову и Булыпыгину было дано новое задание. Их машины с закрытыми люками ринулись на

больших скоростях выполнять команду. Опередив по лесам и болотам отступающих немцев, наши танки заперли шоссе.

Сиволобов включил скорость, дал газ, и грозная гвардейская машина с хода врезалась во вражескую колонну и начала подбирать ее под себя, перемалывая живую силу и технику отступающих немцев.

Успешно закончив свою операцию, танкисты снова вышли из танка. Танкисты оглянулись назад и увидели: за широкой перспективой заснеженных полей лежал, кутаясь в дым пожарищ, только что отвоеванный у врага город Новгород, город, близкий и дорогой сердцу каждого русского человека.

Василий Сиволобов долго смотрел на город, затем сдвинул шлем, вытер пот с лица, достал из сумочки открытку и твердым почерком написал на обороте: «Вечно здравствуй, господин Великий Новгород. 20 января 1944 года».

Посматривая в окно, на улицу, где стоят объятые зимним сном молодые деревца, мой собеседник, механик-водитель Василий Иванович Сиволобов, поправляя блестящий наплечный ремешок, говорит задумчиво:

– Так вот и воевали... – и, помолчав, он спрашивает: – Так, говорите, Новгород оживает? Ну, что ж! Передавайте новгородцам наш фронтовой привет да сообщите им, что о Новгороде мы еще вспомним в Берлине!

Ник. Киселев,
действующая армия,
январь 1945 года

ТЁС - НОВГОРОДУ⁷⁴

Горячее обсуждение вызвало обращение боровичан у колхозников артели “Верный путь” Черновского сельсовета. На заседании правления артели, где присутствовал и колхозный актив, были разработаны конкретные мероприятия по участию в соцсоревновании за достойную встречу первой годовщины освобождения Новгорода.

В целях оказания помощи Новгороду колхоз организует распиловку тёса, для чего пускает в работу четыре продольных пилы. По подготовке к весне правление наметило организационные

⁷⁴ Березин М. Тес – Новгороду // Красное знамя. 1945. 11 янв. № 4(77). С. 3–4.

мероприятия: создание звеньев, закрепление за ними участков и разработку плановых заданий по урожайности. Также намечено проведение агротехнической учебы с колхозным активом.

М. Березин

МЫ ВОЗРОДИМ ТЕБЯ, НОВГОРОД!⁷⁵

Хмурым осенним утром я подъезжал к родному городу, из которого в июне 1940 года юношей уходил в ряды Красной Армии.

Сражаясь на фронте, я услышал тяжёлую для меня весть – подлый враг овладел городом Новгородом. Защемило моё сердце, и я ещё сильнее стал мстить врагу за свой родной город.

В минуты отдыха я мечтал о Новгороде, представлял его таким, каким оставил в июне 1940 года.

И вот мне пришлось приехать в свой любимый город.

...Поезд остановился. Выхожу из вагона. Здания вокзала нет. Хожу по городу. Школа, с которой связаны лучшие годы моего юношества, превращена в развалины.

Волхов! Сколько ты видел на своем веку врагов, но таких, как немцы, ты не видел. Враг уничтожил все культурные учреждения нашего города, разрушил почти все дома.

Но мы знаем, фашистская Германия сполна заплатит за всё. Пройдёт время, и Новгород снова засияет во всей былой красе. Снова станет шумно на улицах, снова зазвучат гудки заводов и фабрик. Мы возродим тебя, Великий Новгород!

Капитан А. Морозов

МОЙ БРАТ ОТОМСТИТ⁷⁶

Вчера исполнился год с тех пор, как мы с братом остались сиротами.

Это произошло 24 января 1944 г. Обозлившись на нашу партизанскую деревню Щенухи, немецкие изверги выслали

⁷⁵ Морозов А. Мы возродим тебя, Новгород! // Новгородская правда. 1945. 14 янв. № 6 (47). С. 2. / В рубрике «Письмо в редакцию».

⁷⁶ Николаева Г. Мой брат отомстит // Знамя победы. 1945. 25 янв. № 8 (1109). С. 2.

карательный отряд в 250 человек и, окружив деревню, в 6 часов утра зажгли её с обоих концов. Немцы убили тогда трёх партизан и сожгли живыми ещё 16 человек. Среди этих несчастных были мои родные – отец, мать, бабушка и две сестры.

Наконец Красная Армия освободила нас от ненавистного врага. Теперь наши доблестные воины добивают немцев на их земле. Мы дышим теперь свободно, и мой брат, допризывник, горит желанием скорее пойти в Красную Армию, чтобы отомстить врагу за смерть родных.

Галина Николаева,
Ретновский сельсовет,
дер. Щенухи

В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ⁷⁷

– Ты слышал, что сказали по радио? – спросил я своего друга, хотя был и уверен, что он тоже всё понял.

– Слышал, слышал. Победа!

– Так что ж ты стоишь, пойдём скорее, расскажем всем.

Мы вышли на улицу. Но там уже раздавались радостные, возбуждённые крики, смех. Люди шли нам навстречу, улыбались, поздравляли. Мы тоже здоровались, тоже поздравляли. Потом я пошел в тракторные бригады. Встретил молодую трактористку Аню Ефимову. Она поздравила меня с праздником, поделилась со мною, как рада она этой чудесной вести.

– Знаете, – вдруг сказала девушка, – а ведь нет на свете страны лучше и сильнее нашей. Так хочется работать для Родины, не жалея сил. Вчера я вспахала на тракторе ХТЗ семь с половиной гектар, а теперь дам вспашку 8–9 гектар ежедневно. Своим трудом я тоже хочу отметить победу.

Бригадир П. Степанов на тракторе «НАТИ» обязался вспахивать в день по 15 гектар. Другие трактористы тоже давали слово перевыполнять нормы.

– Это в честь победы, друзья?

– В честь победы! – отвечали трактористы.

П. Филипенко,
парторг МТС

⁷⁷ Филипенко П. В честь победы // Звезда. 1945. 8 февр. № 6 (6639). С. 2.

ВОЙНА ИДЕТ ЗЕМЛЕЮ ПРУССКОЙ...⁷⁸

По большакам гудят машины,
Стремителен их грозный бег,
Врезаются тугие шины
В раздавленный кровавый снег.

И в ночь, и утром спозаранку
Блестят гвардейские штыки,
Во след могучим нашим танкам
Стремятся в бой штурмовики.

Война идет землею прусской,
Бежит фашистская орда,
И под огнем орудий русских
Мертвеют немцев города.

По большакам гудят машины,
Полки чеканят твердый шаг,
О, скоро, скоро над Берлином,
Взовьется наш победный стяг!

Ник. Киселев

⁷⁸ Киселев Н. Война идет землею прусской... // Звезда. 1945. 8 февраля. № 6 (6639). С. 2.

В ПОРАБОЩЕННОЙ СТОРОНЕ⁷⁹

Скажу вам, не выдавшим горя
в тылу, в советской стороне,
Как жили в рабстве и неволе
мы на своей родной земле.

Не знаю, сможете ль представить
все то, что пережили мы,
Так разрешите предоставить
вам впечатления мои,

Кто жил под немцем хоть неделю,
иль кто работал с ним денек,
Тот называл его злодеем,
иначе он назвать не мог...

Повсюду с палкой или с плёткой
преследовал он наш народ
И был всегда пропитан водкой
фашистский вшивый идиот.

Когда с разбойничьей ухваткой
с мешком село он обирал,
Ребята прятались под лавку
и даже муж пред ним дрожал.

Он брал, что под руку попало:
корову, хлеб иль что пришлось,
Здесь не одна слеза упала,
и не одно проклятье вслед несло.

Когда ж, почувяв неудачу,
он начал быстро отступать,
То начал («в плане предназначено»)
народ советский истреблять.

⁷⁹ Карпова Н. В порабощенной стороне // Знамя победы. 1945. 22 февр. № 16 (1117). С. 3. / Из дневника Нади Карповой 1941–1944, дер. Малое Загорье Солецкого р-на.

И зверски лапы расправляя,
людей сжигал, колом давил
Детей и жен, не разбирая,
и сколько газом задушил.

О, сколько подлых преступлений
припомнит немцам наш народ,
По степям Руси разоренной
под нашей плёткой он пройдет.

Пророеет взорванные шахты,
построит башни городов,
Починит вскопанные тракты
и подопрет столбы мостов.

«Построй-ка, скажем, все как было»,
живым от нас он не уйдет,
Зато свое свиное рыло
не суй в советский огород!

Н. Карпова

НОВГОРОДКИ⁸⁰

Город горел. Едкий черный дым резал глаза, затруднял дыхание. Где-то тяжело ухали орудия, с воем пролетали снаряды. Слышалась отдаленная пулеметная и ружейная трескотня. Порыв ветра донес далекие «ура».

Яркий солнечный луч, пробившийся в прорезь туч, упал на фигуру одиноко стоявшей женщины. С высоты городского вала она видела разбитые и горящие здания, языки пламени и клубы дыма. Справа нарастал рокочущий гул самолётов.

– Летят... Опять летят, – прошептала женщина. – Ну, погодите же, гады, – сурово погрозила она приближающимся самолётам врага. – За всё отомстим вам. За всё...

Это было 13 августа 1941 года, когда героические защитники отстаивали Новгород. Татьяна Романовна Кильчицкая одна из последних ушла из родного города. Здесь прошло её детство, юность. Здесь она окончила строительный техникум, получив специальность техника-строителя. Здесь вступила в жизнь, познала радость созидательного труда.

С болью в сердце покинула Татьяна Романовна горящий Новгород.

В январе 1944 года вслед за частями Красной Армии одна из первых вошла в Новгород Татьяна Романовна. И хотя только пепел пожара, битый кирпич и коробки сгоревших домов были на месте прекрасного, цветущего Новгорода, улыбка радости сияла на лицах жителей, возвращающихся в свой родной город.

Вот когда пригодился Татьяне Романовне богатый восьмилетний опыт в строительном деле. С первых же дней неутомимая труженица отдавалась возрождению родного города. Во главе первой строительной бригады, состоявшей из женщин-боровичанок, прибывших на помощь новгородцам, она стала строить и ремонтировать с детства знакомые здания. Первые квартиры, первые колодцы, первая кузница в Новгороде сделаны при ее активном участии.

Татьяна Романовна как старый прораб горжилуправления руководит восстановлением домов. И рано утром, и поздно вечером

⁸⁰ Чашихин А. Новгородки // Новгородская правда. 1945. 8 марта. № 29 (70). С. 2. / Вся полоса этой газеты посвящена советским женщинам в дни Отечественной войны.

ее можно видеть на объектах. Вникая во все детали, во все мелочи, с присущей ей деловитостью показывает и объясняет рабочим, как лучше и быстрее строить.

На восстановлении работают почти одни только девушки, совсем незнакомые со строительным делом. Много сил прилагает прораб Кильчицкая, чтобы обучить их строительному ремеслу.

- Люди у нас энергичные и инициативные, - рассказывает Татьяна Романовна. - Мать фронтовика Прасковья Васильевна Потина, коренная новгородка, уже самостоятельно кладёт круглые печи. Одно время у нас трудно было с пиломатериалом. Тогда Паня Бутина и Маруся Павлова стали пильщиками. И они обеспечили нас досками.

С большим желанием овладевают девушки строительными специальностями. Зоя и Фаина Кузнецовы, Зоя Клишина и Надя Жилина стали штукатурами, а Валя Солодовникова, кроме того, еще научилась малярному делу. Скоро настоящими плотниками станут девушки Большева и Тараканова. Старый инструктор столярной мастерской, обучающий группу девушек, говорит о них:

- За 47 лет своей работы впервые вижу таких способных учениц. Каждое дело у них спорится. Как будто в руках не топор, а иголка.

Какой-нибудь месяц прошел, как сестры Егоровы и Лора Максимова пришли на стройку, а уже хорошо производят нарезку шипов, долбежку гнёзд и другие плотничьи работы.

- Приятно видеть, - взволнованно говорит Татьяна Романовна, - радость наших девушек после успешно выполненной работы. Но что самое главное - у каждой из них есть желание, горячее стремление работать еще лучше, еще быстрее. Да это и понятно. Ведь мы трудимся для себя, для Новгорода, для победы.

А. Чащихин

ДЕВУШКЕ-ПИЛОТУ⁸¹

Мы полны
Решимости и силы
Ознаменовать победой этот год.

Девушка
На птице краснокрылой
Улетает в боевой полёт.
Девушка!
Да ведь тебя я знаю –
В Новгородском родилась краю.

Строгая,
Красивая, простая,
Ты стоишь с пилотами в строю.

Ты стоишь
Уверенно и гордо,
Помню я, дояркой ты была.

А теперь
Ты получила орден
За свои отважные дела.
В мягких унтах⁸²,
В кожаном реглане⁸³
Мужественно выглядишь сейчас!
Вот на боевых
Аэропланах
Бомб уложен боевой запас.

⁸¹ Киселев Н. Пилоту // Новгородская правда. 1945. 8 марта. № 29 (70). С. 2.

⁸² Унты – меховая обувь на мягкой подошве, распространённая у народов Севера и Сибири, во время Великой Отечественной войны унты носили советские летчики.

⁸³ Реглан – верхняя одежда покроя, когда рукава составляют с плечом одно целое. По имени английского генерала Реглана, введшего этот фасон в середине XIX в.

- На Берлин!
Приказ уже получен,
Не страшны ни вьюга, ни пурга.

Сквозь мороз,
Ветра, пургу и тучи
Смерть и гибель принеси врагам.

Отомсти
За грабежи, насилья,
За страдания родной земли!

...С ревом
Поднялася эскадрилья⁸⁴
И исчезла в сумрачной дали.

Мы полны решимости и силы
Ознаменовать победой этот год.

Девушка
На птице краснокрылой
Улетела в боевой полет.

Ник. Киселев

⁸⁴ Подразделение военной авиации, состоящее из нескольких звеньев самолётов.

РАЗГОВОР С БЕРЛИНОМ⁸⁵

Этот заголовок следует понимать не в некоем фигуральном, а в совершенно прямом смысле слова. Речь идет об одном телефонном разговоре с Берлином, имевшим место совсем недавно. Произошел он при следующих обстоятельствах.

Одно из наших подразделений, вырвавшись вперед, обходным маневром овладело небольшим немецким городком. Внезапность появления наших бойцов на улицах городка была такова, что проснувшиеся жители, отдернув занавески, падали в обморок от удивления.

Через два часа после того, как городок был занят нашими частями, на вокзал прибыл как ни в чем не бывало пассажирский поезд, следовавший с востока. Наши бойцы со смехом долго объясняли обалдевшим машинисту и обер-кондуктору⁸⁶, что можно гасить топку – поезд дальше не пойдет. Тучный обер, не разобравшись в чем дело, долго грозился, что пожалуется рейхсминистру⁸⁷ железных дорог...

Застегнутый врасплох, немецкий гарнизон не успел уничтожить связь, и на телефонной станции аккуратные барышни продолжали включать номера абонентов. Один из наших офицеров – майор Сергеев, владеющий немецким языком, попробовал позвонить в Берлин. Его соединили. Произошел следующий разговор:

- На проводе Берлин. Какой номер нужен?
- Соедините меня с бургомистром⁸⁸.
- Секунду! Соединяю.
- Алло! У аппарата секретарь бургомистра Зальцбах.
- Позовите господина бургомистра.
- Господин бургомистр отсутствует. Может быть, я могу быть полезен?
- Ладно, поговорим с вами. Как у вас дела?

⁸⁵ Братъя Тур. Разговор с Берлином // Красное знамя. 1945. 8 марта. № 20 (93). С. 4.

⁸⁶ Обер-кондуктор – старший, главный кондуктор.

⁸⁷ Рейхсминистр (нем. *Reichsminister*) – имперский министр, название членов Временной центральной власти в Германском союзе в 1849 году, а также членов правительства Германской империи в 1919–1945 годах.

⁸⁸ Бургомистр – (нем. *Burgermeister*) в некоторых странах Западной Европы, а также в России (с 1699 до 60-х гг. XIX в.): глава городского управления.

- Кто говорит?
- Бургомистр города Н, – нашелся наш офицер.
- Дела средние. Говорят, они совсем близко. А как у вас в Н.?
- Очень хорошо. Час назад Советы заняли город.
- Вы шутите... Бросьте глупые шутки! Я пожалуйюсь господину бургомистру...
- Жалуйтесь хоть самому Гитлеру.
- ???!.. Кто это говорит?
- Советский офицер. Скоро увидимся. Тогда продолжим разговор лично. До скорого свидания, герр⁸⁹ Зальцбах!

В истории этого телефонного диалога с Берлином нет ни грана⁹⁰ выдумки. Внезапность наших ударов, подвижность наших атакующих войск, быстрота и смелость их маневра являют собой блистательный образец военного искусства.

Красная Армия звонит в Берлин. Как-нибудь на рассвете берлинские жители, проснувшись в бомбоубежищах, услышат настойчивые «звонки» нашей тяжелой артиллерии. И очень возможно, что скоро Гитлер, веривший, как известно, в предсказания по звездам, отчаявшись в прозорливости своих генералов, спросит у своего придворного астролога:

- А ну, погляди-ка, любезный, в свою трубу – далеко ли от Берлина русские?

И астролог, взглянув в трубу, в ужасе пролепечет:

- Они уже здесь, мой фюрер...
- По каким звездам ты это видишь, негодяй?
- По звездам на их шапках!..

Братья ТУР

⁸⁹ Герр – форма вежливого обращения или упоминания при фамилии, звании, принятая у немцев; господин.

⁹⁰ Гран – (от лат. *granum* – зерно) единица массы, равная 0,062 г (в России) или 0,064 г (в некоторых странах), применявшаяся до введения метрической системы; в этом контексте – «ни капли».

ПИСЬМО МИЛОЙ⁹¹

Из окопов переднего края
Шлю тебе я, родная, привет.
Как живешь ты, моя дорогая?
Напиши поскорее ответ.

Я живу вблизи вражеских дотов,
На изрытой металлом земле.
И под грохот мин и снарядов
Я мечтаю всегда о тебе

Каждый день ожидаю по почте
Твоих писем, волнующих кровь...
И я все отдаю для победы –
За страну и за нашу любовь.

Эту честь фронтового солдата
Никогда не осилить врагу;
Эту честь гражданина Советов
Я, как сердце, в бою берегу.

И когда разобьем мы фашистов –
Распрощаюсь навеки с войной.
И на поезде в светлом вагоне
Из Берлина приеду домой.

От тяжелых боев и походов
Нашей встрече я буду так рад:
Буду слушать твой дружеский шепот,
Буду видеть твой ласковый взгляд.

А пока не волнуйся, родная,
Совершай тыловые дела.
Чтобы наша великая сила,
Поскорее победу дала.

И. Дмитриев
Полевая почта 72196

⁹¹ Дмитриев И. Письмо милой // Звезда. 1945. 8 марта. № 10 (6643). С. 2.

КОМСОМОЛКА ГУДКОВА⁹²

- Не могу я забыть того дня, когда секретарь Красногвардейского райкома комсомола⁹³ вручил мне комсомольский билет. С тех пор прошло 5 лет. Комсомол меня вырастил и воспитал - так рассказывает про себя Ася Гудкова, вспоминая трудные дни блокады Ленинграда, уход в госпитале за ранеными бойцами, работу в бытовом отряде.

- Особенно вспоминается, - говорит Ася, - служба в шестом отдельном отряде военизированной охраны, я туда поступила стрелком и выросла до начальника караула. Да разве все расскажешь?

Ничто не могло сломить ни холод, ни голод, вызванный блокадой. Молодая патриотка Ленинграда вынесла все, помогла отстоять свой город от врага, за что награждена медалью «За оборону Ленинграда».

- Люблю комсомол, - говорит Ася. А поэтому недаром в свое время обком ВЛКСМ поручил ей ответственную работу, командировав в освобожденный Батецкий район в качестве инструктора райкома комсомола.

Со всей энергией Ася работает с молодежью. Активно участвует во всех проводимых мероприятиях. Перед молодежью выступает с докладами, беседами. Часто бывает в среде колхозной молодежи, лично под её руководством создано 9 первичных комсомольских организаций.

Комсомольцы уважают Асю Гудкову, да как же не уважать, когда все ее стремление направлено на улучшение комсомольской жизни и работы.

О. Тимофеева

⁹² Тимофеева О. Комсомолка Гудкова // Красное знамя. 1945. 25 марта. № 25 (98). С. 2.

⁹³ Комсомол - Коммунистический союз молодёжи: общественно-политическая молодёжная организация во время существования СССР.

СОФИЙСКОМУ СОБОРУ 900 ЛЕТ⁹⁴

Из всех архитектурных памятников города Новгорода самым древним является Софийский собор. Это грандиозное и прекрасное сооружение строилось около 7 лет. В нынешнем году исполняется 900 лет со времени закладки собора.

В дни войны собор значительно пострадал. Немецкие варвары ободрали золотую обшивку его куполов, немецкая авиабомба летом 1941 года пробила главный купол, причем оказалась полностью уничтоженной фреска Спаса.

Сильно пострадали уникальные древнейшие изображения пророков в центральном куполе. Их лики и одежда испещрены тысячами мелких выбоинок.

Сейчас в Софийском соборе проведены профилактические работы. Богатейшая софийская ризница⁹⁵, увезенная в глубокий тыл, снова возвращается в Новгород.

В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров⁹⁶ Союза ССР о восстановлении новгородского кремля в Софийском соборе в текущем году будут производиться реставрационные работы.

А. Гордеев

⁹⁴ Гордеев А. Софийскому собору 900 лет // Новгородская правда. 1945. 13 апр. № 47 (88). С. 2.

⁹⁵ Ризница – помещение при церкви для хранения риз и церковной утвари.

⁹⁶ Совет Народных Комиссаров Союза СССР – высший исполнительный и распорядительный орган власти в СССР в 1923–1946 гг. (правительство СССР).

ПОБЕДНАЯ ВЕСНА⁹⁷

Давно просох
Массив полей широких,
Шумит вдали
 повеселевший лес.
Военный Май,
Могучий, светлоокий,
Пришел в колхоз,
 в усадьбу МТС⁹⁸.
Весенним днем,
Веселым и лучистым,
Трель жаворонка
 слышится с утра.
И девушки,
Подруги-трактористки,
Из гаражей выводят
 трактора.
Цветут кувшинки
По речным низинам.
Народ приветствует
 приход весны.
... А там вдали,
На улицах Берлина,
Ведут бои российские
 сыны.
И знаем мы –
Осталось ждать немного,
Судьба Германии
 предрешена!
Уже идут,
Идут, шагают бодро
Две спутницы –
 Победа и Весна.

Ник. Киселев

⁹⁷ Киселев Н. Победная весна // Новгородская правда. 1945. 1 мая. № 57-58 (98-99). С. 2.

⁹⁸ МТС – машинно-тракторная станция.

ФРОНТ ПОД ЗЕМЛЁЙ⁹⁹

Теплый ветерок чуть-чуть шевелил ветви одиноко стоящей ели. Щурясь и улыбаясь в лучах апрельского солнца, на шахтном дворе в самых разнообразных позах разместились небольшой группой оживленно беседующие шахтёры. Определенной темы не было. Говорили и о последних событиях на фронте, и о работе шахты, и о вчерашнем концерте в клубе.

- Ну, кончаются денёчки фашистов, - с улыбкой говорил забойщик Федот Николаев. - В Берлине уже орудуют наши молодцы. Так и хочется помочь им чем-то особенным. Вот, поверите, работаешь в забое и каждый раз, как заносишь кайло, так и кажется, что сейчас стукнешь Гитлера по лбу...

- А как же иначе, - отозвался его сосед, - мы тоже бьем его, зверюгу. Недаром говорят, что уголь - оружие, а забой - фронт... Фронт под землей.

- Лука Маркович, здравствуйте, - неожиданно прервала разговор маленькая круглолицая девушка, обернувшись к подходившему высокому горняку.

- Ишь обрадовалась... Быстро что-то соскучилась. Ведь только вчера вместе две нормы выработали, - шутила рядом стоявшая женщина.

- Конечно, соскучилась... С ним работать весело, не засидишься, только знай успевай откатывать уголь.

Широкое лицо подошедшего шахтёра осветилось ясной улыбкой. Привычным жестом он опустил с плеча кайло и поправил висевшую на поясе серой брезентовой куртки шахтёрскую лампочку.

- Полно, забияка, - остановил он девушку, работавшую с ним откатчицей, - а то перехвалишь. Смотри вон: Федот Николаевич какой размах взял...

Протяжный гудок прервал его, возвещая о начале смены. Шахтеры дружно поднялись. Лука Маркович Горбачев, чуть сутулясь, широкими шагами подошел к стволу шахты. Влажное, давно знакомое дыхание земли и угля пахнуло ему в лицо. Начался очередной трудовой день.

* * *

⁹⁹ Чашихин А. Фронт под землей // Новгородская правда. 1945. 1 мая. № 57-58 (98-99). С. 2.

Сюда, на Комаровское месторождение¹⁰⁰, Лука Маркович приехал три года назад, когда враг блокировал Ленинград. Там, на Урале, в Кизеловском бассейне подбирали горняков для работы на вновь создаваемых шахтах.

– Я поеду, – заявил он тогда начальнику шахты.

– Смотри, ведь там работать будет труднее, обушком¹⁰¹ и кайлом¹⁰²...

Но это не остановило машиниста врубовой машины. Добывать уголь для осаждённого Ленинграда он считал своей честью, святым долгом патриота.

И, хотя, действительно, условия работы были здесь несравненно сложнее, Лука Маркович быстро освоился и приспособился к ним.

Пласт угля иногда сам снижался до 70-80 сантиметров. Не только в рост, но и на коленях рубать было неудобно. При его высоком росте это было особенно трудно. Но он находил различные приёмы, чтобы преодолеть трудности. И всегда выходил победителем.

Одно время Комаровские шахты сильно отставали. Добыча угля резко упала.

– Надо всколыхнуть шахтёров, – говорил Лука Маркович, – зажечь их.

И он решил показать пример, задеть горняцкую гордость. Однажды, раньше других спустившись в забой, он внимательно осмотрел место работы. Уголь был обычный, бурый, трудно поддающийся ударам кайла. Но это только тогда, когда рубаешь его как попало, рассчитывая исключительно на свою силу. Лука Маркович знал, что на этом много не выиграешь. Надо уметь его взять, найти, как говорят горняки, кливаж¹⁰³.

Несколькими ударами опытный забойщик определил, как лучше приняться за работу. В полусидячем положении он уверенно

¹⁰⁰ Дер. Комарово Любытинского р-на; здесь в годы Великой Отечественной войны добывали бурый уголь – топливо для Ленинграда и железных дорог.

¹⁰¹ Обушок – ручной шахтёрский инструмент для откалывания мягких и ломких горных пород.

¹⁰² Кайло – (нем. *keil*) горный ручной инструмент для откалывания кусков ломких пород – остроконечный длинный стальной клин, насаженный на деревянную рукоятку.

¹⁰³ Кливаж – (франц. *clivage*) расслаивание, расщепление; здесь – расслоившаяся горная порода.

наносил удары. Груда угля росла. Откатчица¹⁰⁴ Катя Корнилова не успевала отвозить уголь.

- Не могу одна, давайте ещё откатчицу, - заявила она начальнику смены.

Только вдвоём они справились с откаткой нарубанного забойщиком угля. В этот день Лука Маркович выдал на-гора¹⁰⁵ в шесть раз больше нормы, что составляло почти половину суточной добычи всего участка № 1- 3.

Успех стахановца в тот же день стал известен по всем шахтам. О нём заговорили. Другие забойщики - Сергей Ли, Федот Николаев - решили догнать Горбачева. Началось соревнование. За ними потянулись и другие.

Так было положено начало улучшению работы шахт Комаровского месторождения.

* * *

...Когда Лука Маркович вновь поднялся на поверхность, стояла звёздная ночь. Легкий заморозок сковал весенние лужи. Широкой грудью вдохнул он свежий морозный воздух.

С шумом поднимался и опускался подъемник. Это выгружали добытый им уголь. Сегодня он досрочно закончил выполнение своего предмайского обязательства - дал сверх апрельской нормы 100 тонн угля.

«Хорошо. Будет уголь нашим заводам», - удовлетворённо подумал забойщик и зашагал в темноту ночи.

Где-то зазвенел звонкий девичий голос:

Там, на шахте угольной
Паренька приметили,
Руку дружбы подали,
Повели в забой...¹⁰⁶

В шахте шла размеренная производственная жизнь.

Ан. Чащихин
посёлок Комарово, Любытинский район

¹⁰⁴ Откатчик - горнорабочий, занятый откаткой, т.е. вывозом добытых полезных ископаемых из забоев и шахт.

¹⁰⁵ На-гора - значит «наверх, на поверхность земли», выдать на-гора - сделать, произвести, выполнить что-либо.

¹⁰⁶ Цит. песня «Спят курганы темные» (автор слов - Б. С. Ласкин, композитор - Н. В. Богословский).

РАССКАЗ О ЗНАМЕНИ¹⁰⁷

Это было в черные годы. Немецкое ворье, одетое в военную форму, хозяйничало в районе. Жулики с многолетним стажем не брезговали ничем. Они подбирали детские распашонки, пеленки, разували на 30-градусном морозе старика, крали все, что попадало под руку.

И вот однажды в их поганые руки попало Переходящее пионерское Красное знамя. Его немцы нашли при разгроме одной из школ. Это знамя до войны получал лучший пионерский отряд района. Немцы взвыли от радости.

Им по душе прихвастать находка – знамя можно было выдать за боевой трофей и выдвинуться перед начальством. В случае провала этой аферы полотнище с радостью примет любая фрау.

Пионерское знамя увезли в Германию.

* * *

Наши части с грозным для врага наименованием “Ленинградских” штурмовали один из немецких городов, расположенный на западном берегу Одера. Враг бешено сопротивлялся. Геройски сражались наши воины. В тяжелую минуту боя комсомолец Сергей Коваленко повторил бессмертный подвиг Александра Матросова¹⁰⁸ – ради успеха подразделения он своим телом заслонила амбразуру вражеского дзота¹⁰⁹.

Или – комсомолец Степан Кузнецов. В рукопашной схватке он уничтожил 12 фашистов и, не дрогнув, умер за Родину.

Немцы не выдержали и побежали. Наши заняли город. Вот тогда-то и было найдено в одном из домов украденное немцами пионерское знамя.

¹⁰⁷ Березин М. Рассказ о знамени // Красное знамя. 1945. 1 мая. № 36 (109). С. 3.

¹⁰⁸ Александр Матвеевич Матросов (1924–1943) погиб 27 февраля 1943 г. возле дер. Чернушки Локнянского р-на Калининской обл. (ныне Псковская обл.), закрыв своей грудью амбразуру немецкого дзота. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Первым в истории Великой Отечественной войны закрыл своим телом вражеский пулемёт младший политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии А. К. Панкратов (1941). За этот подвиг, совершённый 24 августа 1941 г. под Новгородом, ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

¹⁰⁹ ДЗОТ – деревоземляная огневая точка; оборонительное сооружение из земли, дерева, камня и т.п. для защиты от пуль и осколков снарядов.

И вот недавно приходит в Батецкую письмо с фронта. Оно адресовано нашим пионерам и школьникам, которым 15 месяцев тому назад Красная Армия вернула счастливое детство, освободив от немецкой неволи. На этот раз речь шла вот о чем. В письме с фронта было написано: “Возвращаем вам, ребята, это знамя, украденное немецко-фашистскими захватчиками и увезенное ими в фашистское логово. Пусть это знамя, отнятое Красной Армией от немецких грабителей, будет гордостью лучшего пионерского отряда вашего района”.

* * *

В нашем Государственном Гимне поется:

Мы в битвах решаем судьбу поколений...¹¹⁰

Да, только нашему народу, только нашей Красной Армии оказалась по плечу эта задача. Судьба поколений теперь уже решена. Человечество будет свободным, и никогда грязная рука немецкого вора и убийцы не поднимется на наших детей. Немцам не удалось убить и ограбить нашу детвору, нашу будущность. Ее спасла Красная Армия – самая сильная, самая миролюбивая армия в мире.

М. Березин

¹¹⁰ Строка из Гимна Советского Союза, принятого вместо «Интернационала». После проведенного конкурса на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 14 декабря 1943 г. вариант гимна с музыкой А. В. Александрова и словами С. М. Михалкова и Эль-Регистана (текст лично правил И. В. Сталин) был утвержден Государственным гимном СССР. Исполнялся в этом варианте до 1956 г.

«С фронта к мирной жизни»

1945-1946 гг.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ¹¹¹

Сияй, страна, моя, сияй!
Ликуй, народ мой, победитель!
Принес победу светлый май,
Раздавлен враг твой, враг-грабитель!

Свободу он хотел отнять,
Чтобы над нами издеваться.
И Родина звала, как мать,
За счастье весь народ сражаться.

Сомкнулся наш походный строй.
Тверды мы были как из стали
И выстоял народ-герой,
Который вел к победе Сталин.

Так славься, славься День Побед! –
Венец героизма миллионов!
Минули битвы грозных лет,
Все муки, что снесли без стонов.

Гремят салюты над страной,
Созвучны гимны дню такому,
И слава Армии родной,
И слава Сталину родному!

Е. Негин

¹¹¹ Негин Е. В день победы // Новгородская правда. 1945. 9 мая. № 63 (104). С. 2.

СВЕТЛОЕ УТРО МИРА¹¹²

Вчера еще грохотали орудия. На полях сражений лилась кровь. Вчера еще люди слушали сводки информбюро, аплодируя героизму наших войск.

Вчера был последний день войны...

А сегодня, ранним утром, радио возвестило Родине: «Гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала!»

В это утро над миром встала ослепительно яркая заря. Может быть, она была и обычной, но, когда радость поет в сердце – все кажется необычайно чистым и ярким.

Правда и справедливость разгромили черные силы гитлеризма. Час возмездия пробил!

В полыхании алых знамен и флагов, в громе оркестров, в нашей безбрежной гордости и радости вставал золотой день.

День великого праздника.

Голос Москвы несется над миром, поднимая людей, торжественно утверждая победоносное завершение Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками.

Новгород ликует вместе со всей страной.

Люди целуются на улицах, жмут друг другу руки, поздравляя с победой.

Четыре года мы ждали этого дня. И вот он настал.

Все мы вместе переживали тяжелые годы войны, эвакуации, лишений. Вместе нам хочется быть и в эти часы счастья.

Народ поет, танцует на улицах древнего города.

Собирается молодежь. Взявшись за руки, танцуют девушки. Улыбки цветут на лицах. Все принарядились, похорошели сегодня.

По мосту через Волхов идет пожилая женщина.

Она улыбается и плачет. Смахивает слезы, хочет остановить их. Но они неудержимо катятся, переполняя сердце.

– Сынки мои, ненаглядные. Радость-то, радость, – шепчут её губы не в силах сдержаться.

Рабочие спешат на свои предприятия. Все обсуждают необычную, волнующую весть, война окончена, победа за нами.

¹¹² Пряников В. Светлое утро мира // Новгородская правда. 1945. 9 мая. № 63 (104). С. 2.

Долгие годы пройдут, но этот день единственный и неповторимый будет навечно сохранен в памяти народа. 9 мая – день торжества нашего правого дела–торжества справедливости.

Утренний, свежий ветер плещет флагами. Репродукторы разносят веселую, ликующую музыку оркестра.

Проезжает машина. В ней несколько бойцов.

Девушки узнали знакомых, крикнули:

- С победой! Приходите в гости!
- Есть! Когда встретимся?
- В шесть часов вечера после войны!
- На Веселой горке – сегодня!

Яркое солнце взошло над древним Кремлем. Старинной бронзой блестит монументальный памятник Тысячелетия России.

Собираются новгородцы на митинг в первый день мира, чтобы сказать:

- Слава великой Родине нашей, слава вождю и полководцу мудрому Сталину!
- С великой победой, товарищи!

В. Пряников

ПАМЯТИ БОЙЦА¹¹³

В чужой далекой Пруссии
В боях за Кенигсберг
Погиб, сражённый пулею,
Советский человек.
Три года с половиною
Он бил врага везде:
Под Сталинградом, Киевом,
На Волхове, на Мсте.
Носил он месть суровую
Солдатскую свою
За нивы опаленные,
За села разоренные,
За милую семью.
И гордо непокорная
Поникла голова,
Когда смерть ночью темною
Бойца подстерегла.
Но, умирая, видел он:
Победа вслед идёт.
И слышался призыв ему:
«За Сталина, вперед!»
Не только он, а много их
Погибло на фронтах –
На суше, в море, в воздухе
За Родину в боях.
В дни торжества народного
Мы не забудем вас,
Кто жизнь свою и молодость
Пожертвовал для нас.
И долго будет помниться
Фашистам их поход,
Закажут внукам, правнукам
Не трогать наш народ.

И. Бычкова

¹¹³ Бычкова И. Памяти бойца // Знамя победы. 1945. 25 мая. № 49 (1150). С. 4.

НОВГОРОД ВСТРЕЧАЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ¹¹⁴

– Идет, идет! – раздался многоголосый крик, и все устремились на вокзальный перрон. Действительно, на горизонте, там, где в далекой перспективе как бы сходятся блестящие нити рельс, вспыхнуло темное облачко. То приближался поезд. Тот долгожданный поезд, на котором возвращались в родной город воины-победители, воины-новгородцы.

Земляков воинов пришли встретить рабочие, служащие, комсомольцы, пионеры. У всех в руках цветы, подарки, приготовленные для милых сердцу, родных и дорогих всем людей.

Вот они выходят из вагонов загорелые, сверкающие орденами и медалями, долгожданные наши воины, возмужалые, закаленные в боях, смотревшие неоднократно смерти в глаза. Вот они – сыны древнего Новгорода. Навстречу воинам бегут их родные, знакомые.

...Сияет во всей красе лучезарный июльский день, трепещут флаги, голосисто поет гармоника, обнимаются, целуются бойцы с родными, знакомыми.

Сколько встреч, сколько горячих поздравлений, сколько слез радости и счастья. Видели мы, как случайно встретился на вокзале бывший сменный мастер фарфорового завода “Пролетарий”, ныне младший сержант артиллерист Дмитрий Ефимов со своим племянником Шурой Морозовым. Шура – ученик ремесленного училища, работает сейчас на одной из новгородских строек. Пришел мальчуган посмотреть на бойцов приезжих, а тут вот тебе – дядя идет навстречу. А у дяди на широкой богатырской груди огнисто горят три медали.

– Дядя Митя, да ведь это ты? – робко спросил рослого гвардейца мальчик.

– Я, я, племян, дорогой! – громко ответил гвардеец и прижал к сердцу юного родственника, с которым не виделся с начала войны. А вот ещё один волнующий эпизод из жизни содержательного дня 14 июля. На вокзале встретился Григорий Кононов, бывший знатный новгородский животновод, заведующий МТФ колхоза “Восход” Подберезского сельсовета, с женой своей Марией Васильевной. Четыре военных года не виделись супруги и ничего не знали друг о друге. Мария была в неметчине, прибыла в

¹¹⁴ Киселев Н. Новгород встречает победителей // Новгородская правда. 1945. 17 июля. № 101 (142). С. 1.

Новгород недавно. И вот он, Григорий, родной любимый муж стоит с ней рядом.

Улыбаются фронтовики и жадным пытливым взглядом выискивают родных и знакомых.

- А, нет ли среди вас шимчан? - то и дело спрашивает рядовой боец Александр Деревягин.

- Есть шимчане, тут ваши земляки! - живо откликается пожилая колхозница в цветном платке. И вот начинаются расспросы, рассказы, возгласы. Тем временем младший сержант, рабочий из поселка Парахино Игнатий Иванов уже разыскал староруссцев и настойчиво расспрашивает их о родном заводе, о городе. А Федор Степанов, комбайнер Мстинской МТС с жаром говорит обступившим его новгородцам:

- Спрашиваете, куда я поеду сейчас? Домой, домой, в Бронницу, в родную свою МТС.

В четыре часа этого же дня в Новгород пришёл второй эшелон. Прибыла новая группа демобилизованных бойцов действующей армии. На вокзале стало ещё многолюднее, а народ все идет и идет. И снова восторг, снова радость встреч, снова веселье и общее народное ликование.

Нельзя было равнодушно наблюдать встречу двух шимских колхозников Алексея Кожевникова и Ивана Чамова. Они кумовья. Односельчане не знали друг о друге все военное время. Высокий, усатый, атлетического сложения Кожевников крепко, по-солдатски обнял земляка, троекратно поцеловал, выкрикнул могучим басом:

- Друг мой, куманек, вот она, наша победа. Сломили Германии хребет, домой приехали.

Ник. Киселев

ВЕЧЕРОМ НА СТРОЙКЕ¹¹⁵

Поздний вечер. Город. Стройка.
И в вечерней тишине
Гармонист играет бойко,
Примостившись на бревне.
Рядом с ним кружок девчонок
Поздним вечером, весной.
До чего же голос звонок
У тальянки расписной!
Звук мелодий так и льется,
Словно вся поет земля.
Замедляют новгородцы
Шаг у древнего Кремля.
Улетают в небо искры
От вечернего костра.
Закружились в танце быстром
Молодые мастера.
Песня, песня раздается,
И под тон мелодий, слов
Учащенно сердце бьется,
Сердце чувствует любовь.
Подмигнул парнишка милой
И пошел, пошел плясать...
Знаем – завтра с новой силой
Будет бревна он тесать.
В небе месяц серебрится.
В дальнем поле зреет рожь.
Ой, умеет веселиться
И работать молодежь.

Ник. Киселев

¹¹⁵ Киселев Н. Вечером на стройке // Звезда. 1945. 30 июня. № 41-42 (6674?). С. 2.

МАТЕРИ¹¹⁶

Прошла гроза, и вот опять
Нам улыбается природа.
К тебе пришел, родная мать,
Я из далекого похода.
Не удивляйся, что война
Меня так сильно изменила,
Что фронтовая седина
Мои виски посеребрила.
С улыбкой счастья на устах
Взгляни на воина и сына,
Который бил врагов в боях
От Сталинграда до Берлина.
Я слово верности сдержал –
В огне невиданных сражений
Родную землю отстоял,
Врага поставил на колени.
Старушка добрая моя,
Сегодня ты безмерно рада,
К тебе пришел с победой я,
Твой сын – надежда и отрада.

Вл. Брынин

УРОЖАЙ¹¹⁷

Снова дышит несметным обилием
И богатством родная земля.
Снова жаток зубчатые крылья
Замелькали по нашим полям.

Снова выплыли стройно комбайны –
Корабли урожайных полей,
И растет по просторам бескрайным
Гул веселых уборочных дней.

Вновь проверил серьезно и зорко
Каждый жатвенный план и маршрут,
Мастера большевистской уборки
Впереди на работе идут.

¹¹⁶ Брынин В. Матери // Новгородская правда. 1945. 18 авг. № 121 (162). С. 2.

¹¹⁷ Хуторянин А. Урожай // Звезда. 1945. 23 авг. № 53 (6691). С. 1.

Рвутся песни к высокому небу –
Голосисты, дружны и стройны:
– Больше хлеба,
Колхозного хлеба
Соберем для родимой страны!

Мы, ни пота, ни сил не жалея,
Над тобой потрудились, земля!
Нами выращен,
Нами взлелеян
Каждый колос в колхозных полях.

И повсюду –
От края до края –
Колосистые волны плывут.
Щедро платит земля урожаем
За горячий, стахановский труд.

– Урожай!
В этом радостном слове
Нынче слышится радость вдвойне.
Мы богатую встречу готовим
Тем, кто силы и жизни, и крови
Не жалели для нас на войне.

Наши воины,
Наши герои
В свой родной возвращаются дом,
Им на встречу столы мы накроем,
Хлеб и яства наставим горою,
Чаши крепким наполним вином.

Мы вас ждем,
Победители наши,
Наши братья, отцы, сыновья!
Дружно сдвинем мы
Полные чаши
И за родину выпьем, друзья!

И кругом –
Без конца и без края –
Грянут песни,
Сильны и дружны...

- Так цветы и расти, золотая,
Необъятная мощь урожая -
Колосится сила страны!

Андрей Хуторянин

КИСЕТ¹¹⁸

После боя урагана
Всякий раз - тебе
привет!
Вынимаю из кармана
С теплым чувством
твой кисет.
Мне он всюду помогает:
И в походе, и в бою,
Табачок мой сохраняет
И любовь к тебе мою.
В нем махорочка
ведется,
У меня обычай свой -
Если сердце не смеется,
Достаю подарок твой.
И тогда уж, где
придется,
Там и сяду на пенек,
И колечками завьется
Легкий синенький дымок.
И душа опять играет,
И не так сердита
бровь,
Вот спасибо, дорогая,
За кисет и за любовь.
И любви горячей этой
Никому не потушить.
Ах, как сладко из кисета
После боя закурить.

Николай Жарковский

¹¹⁸ Жарковский Н. Кисет // Новгородская правда. 1945. 26 авг. № 125 (166). С. 2.

ЗНАКОМСТВО¹¹⁹

Рассказ

Летчик Сергей Удачин энергично открыл дверь в купе вагона и, заметив сидящую у окна девушку, поздоровался. Девушка, склонившись над столиком, писала. Увлеченная письмом, она машинально кивком головы ответила на его приветствие. Подобное невнимание задело Сергея. Он испытующе посмотрел на девушку в простеньком голубом сарафане. «Рисуется!» – подумал он и по-прежнему с напускной веселостью продолжал:

– Прибыл в ваше хозяйство, принимайте!

Девушка оторвалась от письма, и в ее голубых глазах мелькнул шаловливый огонек:

– Вот и прекрасно! В моем хозяйстве как раз не хватает хозяина. И, немало не смутясь, принялась запечатывать письмо.

– Ишь ты какая! – подумал Удачин и уселся к окошку, напротив незнакомки. Через пять минут купе ему казалось совсем своим, обжитым. Сергей снял реглан¹²⁰ и повесил на гвоздь. На груди летчика блеснули два ордена «Красного знамени» и медаль «За оборону Ленинграда». Сергей торжествующе уселся против незнакомки, стараясь разгадать, произвели ли его награды должный эффект.

– Вот и прекрасно сделали, – сказала девушка. – Хорошо, что разделись, здесь тепло. Я предпочитаю легкие свободные одежды.

– У вас, конечно, все легкое – крепдешин, шелк, а тут как наденешь унты, комбинезон, парашют, реглан и хорош: в небе сокол, а на земле медведь-медведем.

– Ну, это вы зря. А скажите, трудно вести бой в воздухе?

– Конечно, не картошку сажать. Где вам представить! Вокруг огонь, дым, небо опрокидывается, а ты ныряй, как дьявол, в облаках.

– А в групповых боях участвовали?

– Нет, я больше по принципу свободной «охоты» в паре со своим ведомым. Как намечу цель – дело решенное, пикирую

¹¹⁹ Золотов В. Знакомство // Новгородская правда. 1945. 26 авг. № 125 (166). С. 2.

¹²⁰ Реглан – мужская верхняя одежда, пальто, названное по имени Реглана, предводителя английских войск во время Крымской кампании.

наверняка. Под Новгородом два «Мессера»¹²¹ вогнал в землю, а под Кенигсбергом прижал «Фоккера»¹²² и в одну минуту срезал без промаха. Да, что там говорить, рубал, как дрова.

- Награды за эти подвиги?

- Точно!

- Для первого раза неплохо, - спокойно заметила девушка.

- Для первого раза! - вскрикнул Сергей, - да вы попробуйте сами хотя б одну поганую ворону сбить. Это у вас там где-нибудь в райзо¹²³ так легко все дается.

- Почему в райзо? - удивленно раскрыв глаза, засмеялась девушка.

- А так, мне почему-то кажется, что вы в райзо работаете агрономом или зоотехником.

- Вы не ошиблись: когда-то я действительно работала, только не в райзо, а в МТС и не зоотехником, а штурвальным на комбайне, а сейчас у меня военная специальность.

- Вот как?

Сергей хитро улыбнулся «финтишь, дескать, ишь сарафан-то надела».

Поезд, весело стуча колесами, катился на восток. Мимо окон замелькало дачное Подмосковье. Повеяло родным, близким, знакомым.

- Да, заждалась теперь меня старушка - четыре года не видала, шутка ли? - мечтательно произнес Сергей.

- Скоро и доедем, - сказала девушка, - пора кажется и туалетом заняться. Извините, молодой человек, я на минутку выйду переодеться, - добавила она и, взяв чемодан, вышла за дверь.

«Хороша, ей-ей хороша!..» - Сергей проводил ее восхищенным взглядом. - «Чем не невеста?..»

Минут через десять незнакомка возвратилась в купе, и Сергей отпрянул в недоумении... перед ним стояла девушка-лейтенант с такими же металлическими крылышками на погонах, как и у него, с тремя орденами «Красного знамени» и орденом «Отечественной войны 1 степени» на груди.

- Простите, это что за метаморфоза?.. Вы шутите?..

¹²¹ Мессер - (жарг., военн.) сокращенное название немецких истребителей разных моделей, разработанных конструктором Вилли Мессершмиттом.

¹²² Фоккер - (жарг., военн.) немецкий истребитель, разработанный конструктором Куртом Танком и выпускавшийся на заводах «Фокке-Вульф».

¹²³ Райзо - районный земельный отдел.

- Я без шуток.
- Так вы тоже летчик?
- Как видите!
- А я думал... - Сергею ужасно неловко стало за свое бахвальство и рисовку. Краска стыда залила его смущенное лицо.
- Вы из полка «Петляковых»?
- Так точно!
- Нам часто приходилось их прикрывать. Марина Раскова однажды мне чуть выговор не вlepила.
- В бою все бывает.
- Верно, бывает... Вот и приехали. Вас кто-нибудь встречает на вокзале? - спросил Сергей.
- Нет, я еду в Кремль - получать «Золотую Звезду».
- Ах, вот как! Поздравляю, - Сергей смущенно пожал ей маленькую энергичную руку. - Надеюсь, встретимся еще в воздухе.
- Почему ж в воздухе? Может быть, и на земле, - улыбнулась девушка, - только вы в другой раз, пожалуйста, поменьше ломайте этих... как их... дров-то. Медведь... засмеялась она и, помахав на прощанье перчаткой, вышла из вагона.

Вас. Золотов

ДРУГУ¹²⁴

Охвачен яростной тревогой,
В тяжёлых странствиях войны,
Ты шёл суровою дорогой
К расцвету солнечной весны.

В мечтах о доме выростала
В твоей груди любовь к стране,
И я не видел, чтоб сверкала
Слеза героя на войне.

В огне боёв себя изведав,
Ты слёзы в сердце иссушил,
Но в этот светлый день «Победы»
Своей закалке изменил.

Когда страну поздравил Сталин
С победой полной над врагом,
Я видел: слёзы засверкали
Во взоре радостном твоём.

Наш земляк И. Кирсанов,
Полевая почта 03457 - ж

¹²⁴ Кирсанов И. Другу // Знамя победы. 1945. 5 сент. № 81 (1182). С. 2.

В РОДНОЙ СТОРОНЕ¹²⁵

По лугам вдоль озера
В край родной иду,
Ветер по головушкам
Гладит лебеду.

Птица мимолётная
Мне кричит: «Привет!»
Золотыми крыльями
Шлёт заря рассвет.

Сторона любимая,
Здравствуй, сторона!
Разлучала грозная
Нас с тобой война.

За тебя, сторонущка,
Уходил я в бой,
Горечь расставания
Уносил с собой.

Говорила в поле мне,
Созревая рожь:
– Не забудь кормилицу!
Знай, куда идёшь!

Мне колосья полные
Полегли к ногам:
– Для тебя мы выросли,
Не отдай врагам!

Лес шумел мне ласково:
– Я ль тебе не мил?
В тень свою на травушку
Отдыхать манил.

¹²⁵ Тимонин М. В родной стороне // Звезда. 1945. 6 сент. № 56 (6694). С. 2. / В рубрике «Литературный уголок».

И река промолвила:
- Не покинь же, друг.
Для тебя растила я
Серебристых щук.

Ты средь лета жаркого
Обнимал меня,
Досыта поила я
Твоего коня.

Расскажи, сторонушка,
Что с тобой теперь?
Не грусти, родимая,
Распахни-ка дверь.

Принимай защитников:
Мы явились в срок,
К бою приготoвились
И взвели курок.

Не дадим мы извергам,
Хлеб да сало есть:
Мы несем, сторонушка,
Немцам нашу месть.

Покараем хищников
Твёрдою рукой,
Встречусь в роще с птицами,
С голубой рекой.

Солнце снова явится,
К вам заглянет в дом,
Что войной разрушено –
Воскресим трудом.

По лугам вдоль озера
В край родной иду,
Ветер по головушкам
Гладит лебеду.

Михаил Тимонин

ПРОЩАНИЕ¹²⁶

Песня

Мы с тобой садились в лодку,
Обходились без весла.
Лодка ветреной походкой
Нас с тобой вперёд несла.

Белый парус надувался,
Пена билась за кормой,
Ненадолго расставался
Ты с колхозом и со мной.

Ты писать, конечно, будешь
Для меня и для друзей,
Нас, наверно, не забудешь
В тесноте учебных дней.
Мы ответим аккуратно,
А весной большой водой
Ты приедешь к нам обратно
На моторке голубой.

И сирена гулким свистом
Тронет тишь цветных полей,
Ты приедешь мотористом,
Будешь мне ещё милей.

Поцелуй же на прощанье,
К берегу причаль. Домой.
Мне пора. Ну, до свиданья,
До свиданья, милый мой!

Ник. Киселев
г. Новгород

¹²⁶ Киселев Н. Прощание: Песня // Звезда. 1945. 6 сент. № 56 (6694). С. 2./ В рубрике «Литературный уголок».

ОСЕНЬ¹²⁷

Здравствуй, осень! Знаю твой обычай
Украшать простор родных полей
...Улетает, в синеве курлыча,
Треугольник острый журавлей.
Под окном пылает куст калины,
Над полями тают облака,
Золотые нити паутины
Ты вплетаешь в кудри лозняка.
Пахнет рожью, хмелем и укропом,
Грустно блекнут поздние цветы...
По лесным давно забытым тропам.
По полям родным проходишь ты.
Старики, бывало, время это,
Вот такие ласковые дни,
Называли в шутку «бабьим летом».
Нынче, осень, ты весне сродни.
Ты пришла, и мы не возражаем,
Но учти – нам некогда грустить,
Мы довольны нынче урожаем,
Нам нельзя минуты упустить.
На рассвете будит нас забота,
Уберем с полей все до зерна.
...Впереди и радость, и работа,
Впереди и счастье, и весна.

Алексей Титов,
Боровичский район

¹²⁷ Титов А. Осень // Новгородская правда. 1945. 9 сент. № 133 (174). С. 2.

ПОЛУСТАНОК¹²⁸

Ты помнишь... то было под осень,
Глухой полустанок в лесу,
Сквозь мелкие заросли сосен
увядших деревьев красу.

Бедою ли, горем ли жгучим
Наполнились наши сердца,
И серые-серые тучи,
Которым не будет конца.

И точно не зная о сроке,
Когда с окончаньем войны
опять полустанок далекий
Увижу в сияньи весны...

Военные, гордые годы,
Походов суровые дни.
Над черным, задымленным сводом
Победные светят огни.

Пришли долгожданные сроки,
И радостных чувств мне не скрыть.
Опять полустанок далекий
Я нынче решил навестить.

И вот эта – пятая осень,
Глухой полустанок в лесу...
Встречай меня с поездом в восемь,
Я радость и счастье несусу.

Георгий Любимов,
Уторгошский район,
Прусский сельсовет,
дер. Гороховищи

¹²⁸ Любимов Г. Полустанок // Новгородская правда. 1945. 18 сент. № 138 (179).
С. 2.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ¹²⁹

Уносит нас поезд в родные края,
Мелькают леса и луга, и поля.
Встречает в полях нас большой урожай.
Привет тебе, милый, любимый наш край!
Мы землю родную в боях защищали,
Горячую кровь за нее проливали,
Сквозь бури и грозы, и битвы прошли.
Нет лучше и краше советской земли!
Мы славной победой закончили бой.
Встречайте, родные, – мы едем домой!
На шахтах, заводах, в колхозах везде
Мы первыми будем в упорном труде.
Цветите долины, как в солнечный май.
Привет тебе, милый, любимый наш край!

В. Загайнов

НА МСТИНСКОМ БЕРЕГУ¹³⁰

Домой приехал фронтовик
И местность не узнал,
Но головою не поник,
А сам себе сказал:

«Сожжено начисто село,
Где я в довольстве жил,
Чем я гордился, что цвело –
Враг все испепелил.

Но зацветут опять поля
У мстинских берегов,
Коль отвоевана земля
Навеки у врагов».

¹²⁹ Загайнов В. По дороге домой // Новгородская правда. 1945. 23 сент. № 141 (182). С. 2.

¹³⁰ Кегин Е. На мстинском берегу // Новгородская правда. 1945. 21 окт. № 157 (198). С. 2.

И, сняв шинель и взяв топор,
Как в прежние года,
Пошел солдат в сосновый бор
Для мирного труда.

Ложились сосны наповал,
Гремело всё кругом.
Вот также воин воевал
На Одере с врагом.
На звон пилы, на зов труда
Осеннею порой
Сходились люди, как всегда,
На подвиг трудовой.

На стройку нового села
Землянки поднялись,
Чтоб жизнь была тепла, светла
И вырастала ввысь.

И брёвна золотом блестят,
Идет на стройке стук,
И стружки свежие хрустят
От молодецких рук.

И быстро рос за домом дом
С террасой у ворот,
Свободным творческим трудом
Их создавал народ.

И пронеслось над Мстой «ура»
В просторе широко,
Когда село в сто два двора
Белело за рекой.

Е. Кегин

КРАСУЙСЯ, ГОРДАЯ ОТЧИЗНА!¹³¹

Цвети, красуйся, гордая Отчизна,
Полотнищ¹³² алых пламенем сверкай,
Вернулся к долгожданной мирной жизни,
Разбив врагов, родной советский край!

Страна встречает годовщину славы
Великим подвигом свободного труда,
В местах разрухи и былых пожарищ
Встают построенные снова города.

В полях колхозов, заровняв воронки,
С веселым гулом ходят трактора,
Везут зерно машины вперегонки,
Чтоб сделать нынче больше, чем вчера.

Рвись, песня, ввысь! Над краем звонче лейся!
Славь наше счастье, взятое в бою.
С Карпатских гор до Порт-Артурских рейдов
Славь Родину Советскую мою!

Н. Шувалов,
поселок Батецкая

¹³¹ Шувалов Н. Красуйся, гордая Отчизна // Красное знамя. 1945. 7 нояб. № 88 (161). С. 2.

¹³² Полотнище – знамя, флаг.

РОВЕСНИКИ¹³³

Порывистое, как Время,
Как взлет ветровой струи,
Идет молодое племя,
Идут одногодки мои.

Не мы ли прошли бураны,
И стужи, и холода,
И хмурые вражьи страны –
Германские города?

Не мы ль сквозь дыхание смерти,
Упрямые, в зной, в снега,
Дошли во имя бессмертья
До черных берлог врага?

Нас злая сушила жажда,
Нас ветер сшибал с дорог,
Но верил в победу каждый,
Как верит в свой глаз стрелок.

Горящее сердце Данко
У нас трепетало в груди,
И вражеские останки
Громадились¹³⁴ позади.

Порывистое, как Время,
Как взлет ветровой струи,
Идет молодое племя,
Идут одногодки мои.

Георгий Васильев

¹³³ Васильев Г. Ровесники // Звезда. 1945. 7 нояб. № 68-69 (6706). С. 1.

¹³⁴ Здесь – возвышались.

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ, БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШЕМ¹³⁵

Облака нависли, ночь темна стоит
В домике Анисьи огонек горит.
Кот хвостом махает. Осень, тишина.
Сына вспоминает бабка у окна.

Помнит: жили вместе, но ушел в поход
И пропал без вести, и письма не шлет.
Отсвистели пули. Храбры и просты,
Многие вернулись; только где же ты?

Ходит дрема мимо, ветер стороной.
«Где ты, сын родимый? Страшно, жить одной.
Вот уж и соседка, что греха таить,
Тоже стала редко в гости заходить.

А ведь провожала – ласкова была
Голубую ленту на двое рвала».
И осенней ночью шепчет бабка вновь,
«Ой, видать, не прочна девичья любовь».

Двери заскрипели: кто-то их толкнул,
То вожак артели в домик заглянул.
В теплой шапке лисьей, бородат лицом
Обласкал Анисью ласковым словом.

«Зря ты плачешь, бабушка, никнешь головой,
Аль не знаешь Савушку – парень боевой.
От бесстрашных воинов смерть сама бежит,
Мнится мне: живой он и домой спешит».

...Облака нависли. Ночь темна стоит,
Бабушка Анисья на лежанке спит.
Кот крадется к клетке, караулит мышь,
Снится бабке лето, голубая тишь.

¹³⁵ Киселев Н. Баллада о солдате, без вести пропавшем // Звезда. 1945. 7 нояб. № 68-69 (6706). С. 3.

Белые березы, рощи вдалеке,
Крохотный свой домик, гуси на реке.
И как будто Савушка вышел на крыльцо...
Светится у бабушки радостью лицо.

Рыщут серы волки по лесной опушке,
Был тот сон недолгий у моей старушки.
Сна отрада скрылась, ветер свищет лихо.
Бабка опустила на скамейке тихо.

Огонек лампешки сыплет свет, как жемчуг,
И слова восторга губы с жаром шепчут,
Как-то ты мой Савушка, в тех краях...
Обернулась бабушка... – сын стоит в дверях.

Ник. Киселев

19 НОЯБРЯ 1945 ГОДА¹³⁶

Орудий гром над праздничной Москвой,
Букет огней расцветивает тучи,
Гремит салют в честь славной и родной
Советской артиллерии могучей.
За залпом залп! Победной славы гром!
Сердца стучат в торжественном волнении.
Спасибо тем, кто боевым огнем
Добыл победу в яростном сражении.
Отчизна наша – мать богатырей!
Тебя, тебя, родная, славит этот
Победный гром московских батарей
И в небесах разрывы разноцветов.
Великий Сталин – вождь наш дорогой,
Тебе во славу, освещая тучи
Гремит салют над праздничной Москвой
В день нашей артиллерии могучей!

К. Викторов

¹³⁶ Викторов К. 19 ноября 1945 года // Звезда. 1945. 22 нояб. № 74 (6711). С. 1.

СЫН¹³⁷

*Посвящаю другу детства,
нашему земляку-новгородцу,
отважному пулеметчику
Борису Васильеву.*

Все сыновье матери так мило,
Потому ревниво от друзей
Мать гармошку бережно хранила
Много долгих одиноких дней.
А теперь поставила на лавку,
Радость сыну будет не одна...
Старый пес вдруг весело загавкал,
Чья-то тень мелькнула у окна.
В коридоре слышен шум метелки,
Дрожь глухая старых половиц.
На пороге чистенькой светелки
Перед матерью предстал Борис.
– Сокол мой, кровиночка родная,
Ты с пути измучился, устал...
Не заметила, сынка встречая,
Что сынок-то даже не обнял.
А когда она его коснулась,
Принимая на руки шинель,
Задрожала, тихо пошатнулась,
Как в лесу подрубленная ель.
Удержалась, отошла немножко,
Быстро с головы сняла платок
И прикрыла старую гармошку,
Чтоб гармошку видеть сын не мог.
И теперь невыразимой мукой
Жег глаза ее сухой огонь...
“Сын пришел калекой... одноруким,
А она... она ему гармонь”.

¹³⁷ Брынин В. Сын // Новгородская правда. 1945. 2 дек. № 180 (222). С. 2.

А солдат стоял, не шелохнулся,
Лишь в ресницах таяла слеза.
Посмотрел на мать и улыбнулся,
И сердечно, ласково сказал:
– Даже к смерти выходил я прямо,
Грудь на грудь встречал в бою врага,
Не жалею меня, не надо, мама,
Мне не жалость – ласка дорога.
Я живой пришел к родному краю,
Значит, долго, долго будем жить.
Дай-ка, мать, как прежде я сыграю,
Чтобы жить нам, жить и не тужить.
– Эх, сынок, недоброе заладил,
Сердце матери ты шуткою не тронь!
А боец в серебряном окладе
Вдруг губную достает гармонь.
И полилась песня удалая
Над просторами полей и рек:
«Я такой другой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек»!
Скоро гости к земляку явились,
Разговор был душевен, прост,
До глубокой ночи веселились,
За Победу поднимая тост.

А гармонь-трехрядку торопливо
Уложила мать опять в сундук
И сказала ласково, ревниво:
– Пригодится, коли будет внук.

Владимир Брынин

ЗА ОТЧИЗНУ!¹³⁸

Одетые в солдатские шинели,
Мы шли сквозь взрывы грозные гранат,
Сквозь залпы разрывавшейся шрапнели,
Сквозь смертоносных пуль свинцовый град

¹³⁸ Виктор К. За отчизну! // Звезда. 1945. 5 дек. № 79 (6716). С. 2.

Святой дорогой яростного боя,
В разрывах мин, в огне, в дыму, в крови.
В сердцах наш гнев к захватчикам утруя,
Горело пламя яркое любви
К отчизне нашей – родине свободы,
Идя вперед, наперекор огню,
Мы верили – сквозь штормовые годы
Придём к сияющему счастьем дню.
Идя в штыки, напоминая лаву,
Которой нет преграды и препон,
Мы защищали честь свою и славу –
Великий, мудрый Сталинский Закон.

К. Викторов

ВЕЛИКОЕ ПРАВО¹³⁹

В этот день над всей необозримой
Родиной он был провозглашен –
Сталинский, родной, непобедимый
Нашей Конституции Закон.

Все, за что сражались, погибали,
Добывая кровью каждый шаг,
Все, о чем столетия мечтали, –
Все воплощено в его строках.

Вольный труд, желанная свобода,
Горы, степи, реки, города –
Все, в боях добытое народом,
Отдано народу навсегда.

И на тех скрижалях нашей славы,
Солнцем озаряющих края,
Есть одно почетнейшее право,
Высшая обязанность твоя:

¹³⁹ Браун Н. Великое право // Знамя победы. 1945. 5 дек. № 113 (1214). С. 4. / Стихи в честь Конституции СССР 1936 г. (Сталинской конституции), принятой 5 декабря 1936 г. Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов СССР.

Родину, что свет тебе открыла,
Мать единокровную свою,
Что тебя вспоила и вскормила, –
Жизнью, кровью отстоять в бою.

Выполняй же с честью это право –
Нет его почетней и светлей,
Чтоб Закона Сталинского слава
Засияла доблестью твоей!

Николай Браун

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ О РОДИНЕ¹⁴⁰

Что ты знаешь милее, чем Родина,
Что ты знаешь роднее, чем мать?
Под родным солнцем черна смородина
Слаще, чем стран чужих виноград.

И куда бы меня ни забросило,
И куда б ни заехал я вдаль,
Мое сердце к тебе рвется, Родина,
Лишь одна ты прогонишь печаль.

Ой ты, Родина, Родина милая,
Ой ты, Русь дорогая моя!
Без тебя мне и жизнь вся постылая,
Без тебя нет и ясного дня.

Но свободный народ наш задумал
Враг жестокий в рабов превратить,
Но о том, вероятно, не думал,
Что, как прежде, его будем бить.

И надвинулись в броне шакалы,
А за ними шли шайки гиен.
Стали следными зверства вандалов,
Где фашист – там стенанья и тлен.

¹⁴⁰ Борисов Н. Новогодняя песня о Родине // Звезда. 1946. 1 янв. № 1 (6720). С. 2.

Но поднялись Руси Великаны,
Клич им бросил Старшой Великан.
– Приготовить вампирам арканы
И мечи наточи, вольный стан.
И начали бить их, земля задрожала,
Броню разрывая «Катюши» огнем,
Великанов рука уставала
Бить ту нечисть и ночью, и днем.

Никогда, никогда не бывало
И не будет во веки веков,
Чтобы Русь на коленях стояла,
Чтобы Русь умоляла врагов.

Мы навеки запомним героев,
Что сражались за землю свою,
Всенародной он славы достоин,
Русский воин в победном бою.

И сегодня, встречая год новый,
Первый год после битвы с врагом,
Как один, тост поднимем веселый,
За народ-победитель споем.

Н. Борисов,
с. Спас,
Самокражский сельсовет

В ДЕНЬ 10 ФЕВРАЛЯ¹⁴¹

Алеют флаги. Праздник всенародный!
Великий праздник родины моей.
Народ свободный изберет сегодня
В Совет Верховный лучших сыновей.

Оковы прошлого разбиты без возврата,
Нас вновь сковать – не наберешь оков.
Вся наша жизнь – могучий агитатор
За дело партии, за путь большевиков.

Для нас светлы всех дней грядущих дали.
Мы голоса сегодня отдаем
За светлый путь, которым мы идем.
За то, чтоб вел нас вечно мудрый Сталин.

Пускай клеветников шипящий вой неистов.
Едины мы! И каждый патриот
За кандидатов блока коммунистов
И беспартийных голос отдает.

Увидит мир, как мы в строю едином
Неодолимо шествуем вперед,
Несокрушимым, мощным исполином
Идет страна, где правит сам народ.

Вал. Рушкис

¹⁴¹ Рушкис В. В день 10 февраля // Звезда. 1946. № 10. Февр. № 11 (6730). С. 1. / Стихи посвящены выборам в Верховный Совет СССР 2-го созыва, которые состоялись 10 февраля 1946 г.

В ЛЕСУ¹⁴²

Ветви сосен снегом оторочены,
Лес молчит, задумчив и суров.
С неба солнце смотрит озабоченно
На работу пил и топоров.

Серебром сверкают сосны в инее
С позолотом солнца на стволах.
И ложатся тени серо-синие
На измятых вырубкой снегах.

Лес следит за Лизой, не шевелится.
Вздогнут сосны, слыша звонкий стук.
Снег с ветвей закружится метелицей,
Сотней радуг вспыхнув на лету...

Пусть у ней в кудряшках проседь инея –
Лизе жарко. Бей, сверкай топор!
Щеки ей зажгло не солнце зимнее –
Жарче солнца девичий задор.

Городам, пожарами обугленным,
Бор суровый дань свою пошлет.
В каждом дереве, сегодня ими срубленном,
Видит Лиза стройки новый взлет.

С шумным вздохом сосны навзничь валятся,
Резче пахнет хвоей и смолой...
Ей бы жить в работе да не стариться –
Сильной, ловкой, смелой, молодой!

Вал. Рушкис

¹⁴² Рушкис В. В лесу // Звезда. 1946. 8 марта. № 15 (6734). С. 1.

ЛУЧШАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА¹⁴³

В наш женский праздник, день 8 марта, особенно хочется отметить учительницу нашей Ракомской семилетней школы Дружинину Татьяну Тимофеевну. В этом году она ведет 11-й класс, где занимается 32 ученика. Она все свое время отдает школе и школьной работе. Не было ещё такого дня, чтобы Татьяна Тимофеевна пришла на занятия без подготовки. На каждый урок и на каждый день у неё подробные планы. Учителя соседних школ все время пользуются её планами, её опытом, советуются с ней по вопросам обучения в начальной школе.

Особенно приятно для родителей и руководителей школы, что тов. Дружинина неустанно, как за своими детьми, следит ежедневно за чистотой и внешним видом учащихся, их культурой и держит тесную связь с родителями.

У нас много трудностей. Так, например, разлиновка тетрадей не соответствует требованиям преподавания. Учительница Дружинина ежедневно prepares к следующему дню 32 странички в тетрадях в косую линейку и 32 в клеточку по арифметике. Так требования нашего педагогического труда по чистописанию и арифметике соблюдаются благодаря большому старанию учительницы.

Все классные и домашние тетради у неё всегда проверены. Успеваемость в классе хорошая. Молодые учителя учатся у неё педагогическому опыту, посещая её уроки.

Е. Жилинская,
зам. директора Ракомской школы

¹⁴³ Жилинская Е. Лучшая учительница // Звезда. 1946. 8 марта. № 15 (6734). С. 1.

ПЕРВОМАЙСКИЙ ДЕНЬ¹⁴⁴

Разукрашен весь город плакатами.
Солнце яркое брызжет в глаза.
Песни, музыка. Словно крылатые,
Молодые звенят голоса.

В этот праздник большой, всенародный
Молодеют в лице старики.
И плывут за колонной колонны
Половодьем огромной реки.

Марш гремит, наполняя задором
Голоса у ребят и девчат...
Разноцветным весенним убором
Разодетые люди пестрят.

Люди все веселы и нарядны.
Полны сил, чтобы снова начать
С большим жаром на стройке громадной
Строить, петь и творить, и искать.

В. Шишмарев,
г. Новгород

ТРАКТОРИСТУ¹⁴⁵

Товарищ тракторист,
Напомню тебе я,
Что эта вот весна
Четвертой пятилетки –
Потребуется она
В работе от тебя
Упорного труда,
Усердия и сметки.

¹⁴⁴ Шишмарев В. Первомайский день // Звезда. 1946. 1 мая. № 29 (6748). С. 2. / В рубрике «Литературная страница».

¹⁴⁵ Белочкин М. Трактористу // Звезда. 1946. 1 мая. № 29 (6748). С. 2. В рубрике «Литературная страница».

Теперь военный пыл
На сев переключи:
Где сеять пять гектар,
Паши и сей там десять,
Работу знаешь ты,
Тебя мне не учить,
А труд усердный твой
Учтут, достойно взвесят.

Стального же коня
Люби и береги,
Ухаживай за ним
И знай его капризы.
И будем тогда все
Есть вдоволь пироги
И мясо, сахар, рис...
Без карточки и визы.

По плану Родины
Задача принята.
Ты скажешь: нелегко!
Но выполнить мы можем.
Возьмемся воз везти
Рукой богатыря,
А силу творчества
На дружный труд умножим.

Усердие свое
Желаньем увеличь,
И все последствия
Войны с плеча мы свалим.
И будем жить тогда,
Как указал Ильич.
Порукою же в том –
Наш здравствующий
Сталин.

М. Белочкин,
село Архангельское

СНОВА ВЕСНА¹⁴⁶

Корявый дуб не может глаз свести
С лесных невест – восторженных черемух
И, как умеет, сам торопится цвести,
Дней предвесенних взламывая дрему.

Весна на всем кладет свою печать.
Бывалый воин, осененный славой,
Опять, как прежде, начал замечать
Мерцанье звезд, сады, цветы и травы...

И в дни войны, как песня, хороши,
Наивной юностью цвели просторы мая.
Но выворачивал боец кисет души,
Решимость гневную над сердцем поднимая.

И наш народ, как воин, зубы сжав,
Шагал в шинели, твердый и суровый.
И лишь теперь расцвет знамен и трав
О радостной весне напомнил снова.

Любая ширь сегодня нам тесна,
И, панцирь черствости в сердцах людских ломая,
По нашим улицам идет сама весна
Дорогой светлой праздничного мая.

Вал. Рушкис,
г. Таллин, ЭССР

¹⁴⁶ Рушкис В. Снова весна // Звезда. 1946. 1 мая. № 29 (6748). С. 2. / В рубрике «Литературная страница».

В ТЕАТРЕ¹⁴⁷

В полумрак потонул переполненный зал.
И к эстраде прикованы взгляды,
То оркестр бури рев, грохот боя бросал
С освещенной нарядно эстрады.

И в волнении большом мне боец прошептал:
(Мы сидели в театре с ним рядом)
«То, что здесь композитор для нас написал,
Было в битве и под Сталинградом.

Слышу здесь я атаки стремительный бег,
Песню нашей гвардейской “Катюши,”
Ветра свист на полях и... как падает снег
На убитого друга Андрюшу...»

И блеснули глаза набежавшей слезой,
Струнка жалости в сердце заныла...
А оркестр бушевал то весенней грозой,
То покой, тишину скрипка лила...

В. Шишмарев,
г. Новгород

¹⁴⁷ Шишмарев В. В театре // Звезда. 1946. 1 мая. № 29 (6748). С. 2. / В рубрике «Литературная страница».

СЛАДКИЙ СОН¹⁴⁸

Фельетон

Солнце печет,
Нива цветет.
На поле колхозном
Работа идет.

...А Маша Крылова
Лошадок взяла;
Не выспалась дома,
Зевала она.

Приехала в поле –
Болит голова,
Слипаются веки,
И ноет спина.

Проехала разик,
Проехала два –
Поспать захотела
Бедняжка моя.

Лошадки родные,
Постойте часок,
А я здесь прилягу
На тот бугорок.

Присела Маруся
И видит во сне –
Приехал к ней милый
На сером коне.

¹⁴⁸ Капралов А. Сладкий сон: Фельетон // Волотовский колхозник. 1946. 18 июня. № 72 (1391). С. 4.

- Подруга Маруся,
Уж день на дворе!
Чего ж ты все дремлешь
На этом бугре?

Вставай, подымайся!
Работать пора!
Ты спишь, дорогая,
Часа уже два!

Проснулась Крылова
И видит она:
Стоит бригадир
У ее у коня.

Схватила за вожжи,
Ну - дергать коня,
Спросонок упала
Маруся моя.

- Не время, голубка,
И стыдно тебе -
В горячую пору
Дремать на бугре.

Работай, Мария,
Смотри-ка: другие
Уж норму кончают,
Нечета ведь тебе, -
Сказал бригадир
И пошел по меже.

А. Капралов

СЛУЧАЙ С СЕРАФИМОЙ¹⁴⁹

Фельетон

Захотела Серафима разжиреть.
За полгода пуда на три пополнеть.
Покумекав, поразмыслив денька два,
На колхозные работы не пошла.
И, забравшись на полати¹⁵⁰ в январе,
Все полнела Серафимушка сильнее...
И случилась с Серафимушкой беда:
Разжирела Серафимушка без труда.
В дверь пройти она не может (ну, никак),
Так попала Серафимушка впросак.
Растолстела Серафима (вот те раз!)...
Помещается в окошке один глаз.
Уж не рада Серафима полноты,
Слезы льет она, желает сухоты.
Слух прошел тогда в деревне Фомино,
Заглянуть пришли колхозники в окно.
Посудили, порядили меж собой:
Что же делать с Серафимушкой такой?
И решили вынуть рамы в двух окнах,
А потом и весь простенок... жердью – бах!
Улыбнулась Серафима всем тогда,
Через стену она вышла без труда.
Право, слово «лень» подводит иногда
И доводит недалеко – до суда.

* * *

Речь идет о колхознице сельхозартели «Борьба», Серафиме Дуничевой, выработавшей в этом году 11 трудодней¹⁵¹.

А. Д. Дуничев

¹⁴⁹ Дуничев А. Д. Случай с Серафимой: Фельетон // Волотовский колхозник. 1946. 6 июль. № 78 (1397). С. 4.

¹⁵⁰ Полати – настил из досок для спанья, устраиваемый в избе под потолком между печью и стеной.

¹⁵¹ Трудодни – мера оценки и форма учета количества и качества труда в колхозах в 1930–1966 гг.

ПРИВЕТ РОДНОМУ КРАЮ¹⁵²

От вокзала, тропинкой запольной
Шел военный, как видно, домой.
Он вчера был боец-пулеметчик,
А теперь шел в колхоз свой родной.

Вот вдали уж видна деревенька...
Сердце чаще забилось в груди.
Вот она, дорогая сторонка,
На глазах вся лежит впереди!

И поля, о которых когда-то
Там, на фронте, он часто мечтал;
И леса, и луга – все богатства,
О которых он в песнях певал.

Колосистая дружная нива
Уже сжата. Высокая рожь
Густо бабками поле покрыла,
В этот год урожай был хорош!

Вот еще и ячменное поле.
Как красиво волнуется край!
Тяжел колос: зерно налитое,
Будет славный и здесь урожай.

А вдали зеленеет картофель,
Да под солнцем желтеет овес.
«Эх, моя дорогая сторонка,
Издалека привет тебе нес!

¹⁵² Дмитриева А. Привет родному краю // Волотовский колхозник. 1946. 28 авг. № 93 (1412). С. 4.

Намолотим мы хлеба немало, –
Так уж думал боец про себя. –
Мы страну дорогу поправим
Так, что зависть задушит врага.

И колхозною дружной семьею
Мы теперь хорошо заживем.
Нас никто не посмеет тревожить,
А надумает – вновь разобьем!»

А. Дмитриева, д. Волот

С ФРОНТА К МИРНОЙ ЖИЗНИ¹⁵³

Семенов Иван Дмитриевич был в дни Октябрьской революции 1917 года еще мальчиком, когда на родной Новгородской земле установилась советская власть. Он рос вместе со страной.

Как радостно было глядеть на родную землю, которая как бы поднялась от своего векового сна. Словно по часам в годы пятилеток вырастали заводы и фабрики. Счастьем дышала земля.

24-й год со дня Октябрьской революции застал Ивана Дмитриевича в родном селе. Война... Фашистская орда, как саранча, накинулась на нашу землю. Где место гражданина Советского Союза? – на поле битвы. И пошел Иван Дмитриевич защищать завоевания Октября...

Кончилась великая битва. Вернулся артиллерист Семенов в свою деревню и увидел: ничего нет, узнал, что дети угнаны на чужбину, жена умерла...

Но Иван Дмитриевич – коммунист. Грудь его украшают ордена «Красной Звезды», солдатской «Славы» и боевые медали. Война закалила русского человека. Крепка стала воля.

Коммунист Семенов был единогласно избран колхозниками председателем артели¹⁵⁴.

С первых же дней перед ним встали трудности: враг нанес большой ущерб колхозу. Для его восстановления потребовалось немало сил. Но трудности постепенно преодолевались. Нынче, в 1946 году, в срок выполнен план весеннего сева, выращен урожай и заботливо убран. Хлеб сдан государству. И ранним утром, и до поздней ночи председатель обходил колхозные поля, смотрел – где что оставалось недоделано, делал для себя пометки.

Энтузиазм руководителя артели сказался на колхозниках. Ведь только серпами было сжато 126 гектаров яровых.

Председатель колхоза вспоминает: «Никогда мне не забыть нынешнюю уборку, когда погода мешала собрать выращенный с большим трудом урожай. Помню, когда звеньевая, секретарь комсомольской организации Елена Дарушина несколько раз в сутки приходила ко мне, горестно вздыхала, обижаясь на ненастье, боялась, что погибнут овощи. Но молодая девушка, еще в дни

¹⁵³ Борков В. С фронта к мирной жизни // Звезда. 1946. 17 окт. С. 2.

¹⁵⁴ Артель – объединение крестьян для ведения коллективного хозяйства.

войны работая в госпитале, научилась преодолевать трудности. И она справилась в срок со своей задачей.

Тов. Дарушиной, звеньево-овощеводу, приходилось нелегко. Иногда она шла и к старикам за советом, порой сидела ночами за книгами – нужно больше знать, нужно выполнять взятое обязательство.

Дружно и слажено работало звено Дарушиной. Порой, даже ночью члены ее звена не покидали участка.

«Есть чем гордиться этому звену, – говорит тов. Семенов и, улыбаясь, поднимает кочан капусты весом на 8 килограммов, – молодцы наши овощеводы. Хорошо потрудились колхозницы из звена Дарушиной – Николаева, Зарубина, Ревельская и другие. Их труд даром не пропал».

Сейчас, когда страна выполняет великий пятилетний план, колхозники артели «Красный Путиловец» своим дружным трудом закрепляют победу в Великой Отечественной войне.

В. Борков

С БОЕВЫМ ОРУДИЕМ¹⁵⁵

В это январское утро на переднем крае обороны в бесчисленных землянках и укрытиях чувствовалось необычайное воодушевление. Настал час расплаты за страдания наших городов и сел.

Артиллерист, командир орудия, старший сержант Василий Петров старательно выводил на снаряде мелом «Смерть немецким оккупантам!»

Команда «огонь!» И началась канонада¹⁵⁶... Грозные, горячие снаряды полетели на сторону врага. Василий прямой наводкой бил по вражьему убежищу. Рядом с ним раздавались залпы других орудий.

Враг дрогнул, бежал.

Орудие, сделанное из советского металла, орудие, сделанное руками советских людей, снаряд за снарядом посылало по следам врагов!

¹⁵⁵ Борков А. С боевым орудием // Звезда 1946. 24 нояб. № 86 (6808). С. 2.

¹⁵⁶ Канонада – сильная стрельба из многих артиллерийских орудий.

Большой путь прошла эта пушка: Новгород – Псков – Свирь – Заполярье. И в берлоге врага она пустила свой последний снаряд.

Закрывая свое орудие, уже гвардии старшина, кавалер орденов Славы II и III степени и 5 боевых медалей, колхозник Новгородского района вспомнил:

«С этим же орудием я освобождал свой район... Утром мы стояли в засаде, когда немецкий танк «Т-IV» подходил к деревне К. У врага был свой замысел: сжечь деревню.

Подпустив танк на 150 метров, мы несколькими выстрелами остановили и сожгли его. Выскочили немцы-автоматчики, увидели грозно направленные на них дула – подняли руки, закричали “Гитлер капут!”».

«Да, – думал Петров, – советская артиллерия – самая сильная в мире. И если какой-либо зарвавшийся враг посмеет посягнуть на нашу землю – несдобровать ему. Советская артиллерия всегда готова ответить грозным огнем по врагу. А советские артиллеристы вместе со всей армией, со всем народом, под водительством вождя своего тов. Сталина всегда готовы бороться за честь и независимость нашей Родины».

Сейчас, после войны один из лучших артиллеристов части, гвардии старшина Василий Петров, не расставаясь со своим другом-орудием, проходит курсы переподготовки по артиллерийскому делу.

А. Борков,
г. Новгород

СЧАСТЛИВЫЕ ДЕТИ¹⁵⁷

*...Перед нами все двери открыты,
двери вузов, наук и дворцов...»
(Из пионерской песни).*

Когда я вспоминаю безрадостное детство прошлого, мне приходят на память строки одного из стихотворений Некрасова:

...Вижу я в котомке книжку,
Как учиться ты идешь.
Знаю, батька на сынишку
Издержал последний грош.

Очень и очень немногие дети могли учиться в школе до революции. Учиться – об этом могли только мечтать.

Да вот, к примеру: из деревни, где я учился в детстве, ходило в школу 12 человек, тогда как селение состояло из 100 домов... тяжелы воспоминания об учебе детей в прошлом.

С Октябрьской революции началась новая эпоха жизни, и тяжкое прошлое кануло в вечность.

Теперь Сталинская Конституция дает большое право на образование. Широко раскрыты двери школ, вузов и втузов¹⁵⁸, широкая сеть которых имеется в нашей родной стране.

Я работаю в Трясовской семилетней школе с 1928 года, и за это время выучил 456 учащихся, которые теперь уже взрослые люди. Среди них – многие офицеры Красной Армии, орденосцы.

Вот Георгий Чирков – мой ученик – уже майор, Г. Яргушин – Герой Советского Союза, В. Емельянов и В. Сенчахин – старшие лейтенанты, слушатели Военной Академии. Также много моих учащихся – учителя, зоотехники, агрономы, руководящие работники.

Счастливые советские дети! Как много дает им страна и как они благодарны за заботу о них товарищу Сталину.

Ф. Щербаков,
учитель Трясовской семилетней школы.

¹⁵⁷ Щербаков Ф. Счастливые дети // Звезда. 1946. 5 дек. № 90 (6810). С. 2.

¹⁵⁸ Втуз – высшее техническое учебное заведение.

**«И ПОДВИГ ИХ
ВРЯД ЛИ ОПИШЕШЬ ПЕРОМ...»**

**Великая Отечественная война
в изображении современников**

Леонид Иванович
ВОРОБЬЕВ¹⁵⁹
(1932–1976)
член Союза писателей СССР

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Памяти Василия Шукина

Мужиков в Лепёшкине осталось совсем ничего, одни бракованные, да и тех – раз, два и обчелся. И среди них самыми необходимыми для всего села были дядя Миша и Степушка Косолапый.

И оба терпеть друг друга не могли.

Степушка Косолапый работал секретарем сельсовета. Был он политически грамотен, как он полагал, и людей, по его мнению, политически незрелых, отсталых, критиковал при каждом удобном случае со всей беспощадностью, не стесняясь, прямо в глаза. И вообще был любителем выступать по любому поводу и без повода.

Косолапым он остался с рождения: ступни ног росли у него повернутыми внутрь, навстречу друг другу, и когда он шагал, впрочем, довольно бойко, переносил одну ступню через другую, похоже было, что он играет в детскую игру, в «ножки-заплеталки».

А дядя Миша был для него не только образчиком политического недомыслия, но еще и человеком, который, по глубокому убеждению Степушки, многое делает на-поперек советской власти. Той власти, без которой Степушка себя не мыслил и одним из главных представителей которой в Лепёшкине являлся именно он.

Жизнь дяди Миши, судьба его была достойна большого повествования, хотя он не очень распространялся о своем прошлом, и для односельчан было в его жизни немало темных мест, немало загадочного. Столяр-краснодеревщик – единственный такого рода специалист в огромной округе, он учился сложному ремеслу в Петербурге, и уж если о чем и рассказывал, подвыпив, так о своем

¹⁵⁹ Уроженец г. Красноуфимска, Свердловская область. С 1967 г. по 1976 г. Л. И. Воробьев с семьей жил в Новгороде, руководил литературным объединением начинающих писателей «Радуга», созданном при Новгородском отделении Союза писателей. Издал несколько сборников своих произведений в 1970-е годы в центральных издательствах СССР.

хозяине-учителе, который его нещадно лупцевал¹⁶⁰. А рассказывал дядя Миша об этом очень серьезно, с большим уважением к хозяину и даже, казалось, с некоторым одобрением.

Побывал он и за границей, в Германии. Не по своей, правда, воле: попал в Первую мировую войну в плен. И там он занимался не простой работой, а редким своим ремеслом.

Ну как же мог Степушка относиться к такому человеку, который с уважением говорил об изверге и эксплуататоре, своем хозяине, который болтался по заграницам и якшался¹⁶¹ с немцами и который, вернувшись в родное и любимое свое Лепёшкино, нипочем не согласился вступить в колхоз, а остался единоличником?

Теперь дядя Миша уже работал столяром¹⁶² в сельскохозяйственном техникуме. Невелико Лепёшкино, но с одной стороны оно увеличено территорией техникума, с другой – территорией конезавода. Точнее говоря, столяром он только числился, а заниматься приходилось всем, чем только возможно, от кровельных работ до ремонта обуви. Дядя Миша все мог и все умел, а остальные мужчины были взяты в армию и воевали. Дядю Мишу не взяли по возрасту и болезням. Забраковали, разумеется, и Степушку.

И, ко всему прочему, были они ещё и соседями, как там у нас говорят – шабрами.

Так вот и поживали они, перекоряясь и споря друг с другом почти ежедневно. Но работали оба, прямо скажем, по-лошадиному.

Пропало бы Лепёшкино без них.

Стоит ли говорить, сколько работы выпадает на женскую долю и сколько прибавилось её в военные годы! И всё же не обойдётся в деревне хотя бы без завалящего мужичонки. Сплошная беда. Ни косу отбить, ни плотницкой работы не сделать, ни печку перекласть... Вот и были дяди Мишины и Степушкины руки так необходимы в каждом хозяйстве. А руки, надо сказать, у обоих были золотыми.

Ещё только заря проклюнется над Лепёшкиным, а оба этих мужичка уже на ногах. И до поздней ночи в трудах. Без них стекла не вставить, двора не поправить, валенок не подшить. Крестьянствуют, плотничают, шорничают. Чинят, подправляют,

¹⁶⁰ Лупцевать – (разг.) бить, стегать; лупить.

¹⁶¹ Якшаться – (неодобр.) общаться, водить компанию.

¹⁶² Столяр – рабочий, специалист по обработке дерева и изготовлению изделий из него.

хоть временно, да поддерживают. То падает, другое ломается. Шибко спохитилось¹⁶³ Лепёшкино в войну, шибко постарело.

Степушка и в сельсовете-то почти не бывал. И председательша его не ругала: видела, не бездельничает мужик, не шляется, помогает всему селу. И большую часть сельсоветской работы делала за него сама.

Никакой платы оба не брали. Нет, ни тот, ни другой бессребрениками не были. Однако, что возьмешь в такую лихую годину со своих лепешкинцев? А вот угощать их угощали, чем могли. И каждый старался получше. О водке, конечно, и речи не было, где её взять. Но у кого и самогонишко находился, бражка там или пиво деревенское. В войну у нас в Лепешкине с хлебом не так уж бедствовали. И на трудодни все же немного доставалось. А хозяйки рады были помощи безотказных мужиков и тоже старались для них. Те от угощения не отказывались, хотя помногу никогда не пили.

Вот иной раз и идут домой шабры под хмельком! Такое время тяжёлое, так сплотило оно сельчан, а они идут и ругмя ругаются. Ведь намотались за день, еле домой бредут. И выпили понемногу. Казалось, самыми бы дружными должны быть. А они лаются.

И всё потому, что Степушка учить начинает. С корнем решил он ликвидировать Мишину несознательность. И начнет он заковыристые вопросы о текущем моменте и о политике задавать.

Молчит дядя Миша. Презрительно молчит и в сторону смотрит. Терпит, терпит. А Степушка ковыряет его да ковыряет. И взорвётся, наконец, дядя Миша. А тихо говорить он не может, сразу срывается на крик. И пойдёт шум на всё село. Но бывало, что начинал дядя Миша. И выводил он Стёпушку из себя по-особому.

Дело в том, что дядя Миша пел.

И мог он петь прямо с нотного листа. Моя мать – преподавательница музыки – очень уважала дядю Мишу за это. У неё было небольшое специальное образование, но вот петь с листа она не могла. А он мог.

Как уж их там учили? В Петербурге дядя Миша пел в церковном хоре. Может, так же учили, как приобщал его хозяин к столярному искусству, да вот выучили...

Мать настолько уважала дядю Мишу, что не без труда упростила его поучить меня. Не петь, разумеется, а столярничать. И здесь стоит сказать, как я познакомился со столяром поближе и как делал у него табуретку.

¹⁶³ Спыхититься – здесь: уменьшиться, сократиться.

Эту табуретку я забуду только тогда, когда навсегда успокоюсь на кладбище. Ни один рассказ мне потом так туго не дался. И не потому, что я оказался бездарным на ремесло столяра. Разные попадались мне редакторы, но не дай Бог ещё раз в жизни попасться такому редактору, как дядя Миша.

Ножек этих – для одной-то табуретки – я сделал штук сто. И все дядя Миша беспощадно браковал. Он, видимо, решил учить меня, как учили его. И хотя не рукоприкладствовал, но, в прямом смысле, тыкал в нос моим очередным изделием.

– Ты чего это наколбасил! – кричал он, а голос у него был, хотя и стариковский, с хрипотцой, но высокий и пронзительный.

– Повтори, какой нужен был тебе инструмент?

– Рейсмус¹⁶⁴, угольник, рубанок¹⁶⁵, фуганок¹⁶⁶, – дрожащим голосом повторял я, наверное, в сотый раз.

– Фуганок! Колун тебе нужен, дубина стоеросовая¹⁶⁷! У тебя что? Один глаз на нас, другой – в Арзамас? Ты угольник-то приложи. Приложи ты его!

Ножка всё ближе придвигалась к моему лицу, и из соображений безопасности мне приходилось отклоняться и отклоняться в сторону.

– Не верти башкой. Рубанок ему! До рубанка – есть шерхебель¹⁶⁸. Ясно? Попорть ещё инструмент у меня.

А инструмент у дяди Миши был знаменитый, редкий инструмент, с редкими клеймами. По тем временам, да и по нынешним, не было ему цены. Прежде всего столяр заставил меня выучить все до одного названия инструментов. Возможно, по-книжному они звучат и не так: ни тогда, ни после я книг по этим вопросам не читал, но дядимишину науку запомнил хорошо. До сих пор могу перечислить, в каком порядке всё лежало и висело в столярке. От калёвок¹⁶⁹, кругланков¹⁷⁰, отборников¹⁷¹ до лучковых

¹⁶⁴ Рейсмас – инструмент, применяемый при разметке.

¹⁶⁵ Рубанок – ручной инструмент для строгания дерева в виде деревянной колодки с наклонно вставленным в неё широким лезвием.

¹⁶⁶ Фуганок – рубанок с колодкой увеличенной длины, предназначенный для чистого строгания плоских поверхностей.

¹⁶⁷ Дубина стоеросовая – (*бранное слово*) в значении «дурак», «болван», «тупица».

¹⁶⁸ Шерхебель – (от нем. *scharfhobel*) рубанок с полукруглым резцом для первичного, грубого строгания дерева после пила или топора.

¹⁶⁹ Калёвка – рубанок для выстрагивания досок и планок с фигурными краями (багетов, карнизов, оконных переплётов и др.).

пил всех назначений и размеров. И всегда у дяди Миши всё было в идеальном порядке.

Я, конечно, не выдержал и сбежал с этой учебы. Но зато дядя Миша хоть одному да научил меня: преодолевать физическую боль, что немало значит для подростка. Как-то нам пришлось выбивать из передка телеги заржавевший шкворень: всё приходилось делать краснодеревщику, кроме основной работы. Никто в те годы не заказывал ему шкатулок и мебели.

Так вот, выбивали мы шкворень из перевернутой телеги. Дядя Миша поддерживал передок одной рукой с одной стороны и лупил обухом старого топора по шкворню¹⁷². А я держал телегу на весу с другой стороны. И хотя была она без колес и не тяжела, каждый удар дробно отзывался и в ручонках моих, и во всём теле. Я не выдержал и заохал. А дядя Миша, как обычно, раскипятился и закричал:

– Маменькино отродье! Что я тебе – гвоздь в ж... забиваю? Ишь, неженка!

И так всегда: прищемишь ли палец, порежешь ли руку – лучше не охай, не жалуйся. Только выругает как следует.

А ведь, в сущности, и потом я понял это – совсем не злой был человек. Даже добрый. Но такую он прошёл «школу», что его бесило и выводило из себя, когда, как он считал, «скулят по пустякам».

И сам никогда ни на что не жаловался. А был уже старым и работал с утра до ночи. Маялся с грыжей, с лёгкими было неладно, десяток других болезней имел. Сам худой и длинный. Не столько высокий, сколько казался таким из-за худобы. Лицо узкое, волосы всегда взъерошенные, расчёсывал их пятернёй. И вечно неснимаемые очки. Я иногда думал, что и спит он, наверное, в очках.

А Степушка, наоборот, был плотен, низковат, коротконог и скуласт. Глядел на собеседника чуть исподлобья, в упор, словно гипнотизируя своими темно-кариыми глазами, будто настойчиво изучал его, проверял на политическую зрелость.

¹⁷⁰ Кругланок – вероятно, профессиональное или областное название штабгобеля или штабгалтеля, вида рубанка для придания деревянным деталям закругленной формы.

¹⁷¹ Отборник – разновидность рубанка, предназначен для выбирания и зачистки прямоугольных срезов, фальцев, четвертей на досках, брусках, рейках.

¹⁷² Шкворень – стержень, являющийся вертикальной осью передка повозки или поворотной части транспортного средства.

Изводил же дядя Миша Степушку и, по-своему, мстил ему таким вот образом.

Здание техникума, высокое, изящное, стоявшее посреди изумительного парка, было памятником архитектуры – родовым именем Пашковых. Был там внутри дубовый зал, весь отделанный резными дубовыми украшениями, редкой красоты и мастерской работы дубовая лестница на второй этаж. Здесь, если приходилось что-либо подремонтировать, подклеить, отводил дядя Миша свою душу краснодеревщика. Однако основная работа ждала его не тут.

Здание приходило в ветхость. О капитальном ремонте в такое время и разговоров быть не могло. А вот мелкий ремонт – где подзалатать крышу, чтоб не текла, где что-то покрасить, прибить, починить – приходилось производить постоянно. Делал его дядя Миша и иногда пел.

Видится, как случившееся словно бы сегодня. Сидит дядя Миша в самодельной малярной люльке на уровне второго этажа, орудует кистью, а внизу стоит Степушка, случайно проходивший мимо. День великолепный: ранняя осень с радостными пока ещё красками. Парк пошумливает под небольшим ветерком, солнце сияет и освещает чёткие контуры бывшего барского особняка. Небо высоко и чисто. А дядя Миша бросает орлиный взор на Степушку и запеваёт. Далеко и звонко разносится стариковский тенорок:

– Богородице, дево, радуйся... Благословенна ты в женах...

– Фулиган! – кричит снизу взбешенный Степушка. – Прекрати сейчас же! Слезай, а не то стащу.

– И благословен плод чрева твоего! – соловьем разливается довольный дядя Миша.

– В район схожу! В органы пожалуюсь! – надрывается Степушка.

– Яко Спаса родила-а-а еси-и! – победно и торжествующе звучит над округой.

– Отвезят тебе, что положено. За вредную пропаганду! – кричит Степушка.

А дядя Миша довольнешенек и задорно работает кистью...

Жаловался Степушка в район. Состоялся у него и недлинный разговор с участковым.

– Так ведь он не хулиганит, а поёт, – устало и примирительно говорил участковый, высокий, мрачноватого вида мужчина.

– Поёт. А ты послушай, что он поёт? – азартно лез в бутылку Степушка. – Песни он поёт? Он молитвы поёт. Мы еле добились церкву закрыть, а он всю антирелигиозную работу с корнем подрывает. Его ведь молодёжь слушает.

– Так ведь он не матерные частушки поёт. И не Мурку там или про Соньку Золотую ручку, – вяло спорил участковый. – Церкви-то у нас вообще-то не запрещены.

– Во даёт, – кипятился Степушка. – А ты соображаешь момент? Рассуждения у тебя...

– А ну вас на... – говорил в конце концов участковый.

– Надоели. Баламутите народ. И мне голову морочите, и людям.

Он уходил, уставший, замученный тяжелым временем, работой, потрясенный гибелью двух сыновей. А Степушка разорвался вслед:

– И на тебя управу найду! В другие органы обращусь! Леригиозника поддерживаешь, отсталый ты элемент...

Но наступил тот памятный для всего Лепёшкина день, когда дядя Миша понадобился Степушке. И тот, к удивлению всего села, обратился к своему шабру.

Радио в селе не было, приёмников тоже. Все новости узнавались по слухам и из газет, которых тогда на село приходило мало.

Но в сельсовет газеты, разумеется, шли, и Степушка, несмотря на вечную занятость, регулярно просматривал их. И в этот день середины зимы он смотрел на газетную страницу и, зная необычную способность соседа, остро завидовал дяде Мише. В газете были напечатаны ноты и слова нового гимна¹⁷³.

¹⁷³ Гимн Советского Союза, утвержденный в 1943 г., имел такие слова:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!
Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин – на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!
Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметём!

Степушка повздыхал и отправился к моей матери. Дома у нас был инструмент, она проиграла ему мелодию и напела. Но для Степушки этого явно не доставало. И, повздыхав еще, он решительно пошел к соседу.

Разговор между ними состоялся на этот раз удивительно короткий. И без всяких взаимных оскорблений.

– Спеть сможешь? – спросил Степушка, протягивая газету.

Дядя Миша приподнял свои очки в самодельной и причудливой оправе, долго смотрел на Степушку, высматривая в выражении его лица подвох. Подвоха не увидел и сказал:

– Смогу.

– Спой, – попросил Степушка. Дядя Миша, как полагал гость, разыграл перед ним целый спектакль. Ходил с газетой по комнате, подвывал, бормотал что-то, то мычал, то поднимал голос. А потом откашлялся и запел:

– Союз нерушимый...

Он пел, а Степушка, сняв шапку, стоял и слушал. Возможно, силился вспомнить, как пела ему это моя мать. И сопоставить. Дослушал и сказал:

– Партийное задание тебе. Пошли.

Сказал так, что дядя Миша почувал что-то очень глубокое и торжественное в словах соседа. Увидел строгое и серьезное выражение его лица. И вдруг беспрекословно повиновался и пошёл.

Они оделись получше. Степушка сменил валенки на сапоги, которые сшил сам и которые очень берег, потому что сделаны они были так искусно, что несколько скрывали его недостаток и его странная походка не очень бросалась в глаза.

Сначала они пришли в техникум, в учительскую, где находились женщины – преподаватели и единственный мужчина – старенький агроном. Степушка вышел вперед и, как заправский конференсье, объявил:

– Попрошу, пожалуйста, встать. Сейчас будет исполнен новый наш гимн!

Дядя Миша пел, все стояли, а Степушка держал шапки, свою и соседа.

Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою поведём!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведёт!

Затем они посетили учительскую нашей школы. Ребята столпились в коридоре, помалкивали и слушали, как из-за дверей учительской доносилось:

– Союз нерушимый...

Дальше их путь пролёг в контору конезавода. А под конец Степушка собрал нескольких сельчан в сельсовете и исполнение повторилось. И тут уже Степушка пытался подтягивать потихоньку дяде Мише.

А когда они остались вдвоём, Степушка стал просить дядю Мишу:

– Научи меня, пожалуйста!

Дядя Миша, разгоряченный явным успехом, окрылённый им, чувствуя себя героем дня, презрительно бросил:

– Учи тебя, козла... Как я тебя выучу, если у тебя медведь на ухо наступил. Только и умеешь – мораль читать.

– Научи, – слезно умолял Степушка. – Я выучу. Я «Интернационал» не хуже тебя спою. А знаешь, сколько учил? Убьюсь, а выучу! Помоги, навек другом будешь...

А к вечеру они раздобыли выпить.

Мёл и морозил январь. И село было тёмным: берегли дорогой, бесценный керосин. А двое, ставшие за день почти друзьями, бродили по сугробам и срывали остатки голосов.

И до поздней ночи то на одном конце села, то на другом слышалось:

– Сла-авься, отечество, на-аше свободное.

То тут, то там возникало и гулко раздавалось в ночи:

– Сплотила навеки великая Ру-усь!

– Сла-авься...

А женщины, сидевшие на беседках друг у друга, собиравшиеся по вечерам, чтобы не было очень уж тоскливо и одиноко, судачили обо всех своих малых радостях и больших горестях, прислушивались и говорили:

– Разгулялись наши мужички.

– Пусть их погуляют...

А тётка Матрёна Офицерова, самый главный выразитель лепёшкинского общественного мнения, подумала и веско сказала:

– И ладно, что помирились. А чего им делить? Оба несчастненькие...

ДЕРЕВЯННЫЕ ВИНТОВКИ¹⁷⁴

Сначала мы невзлюбили его. Первые уроки военного дела за неимением преподавателя вела у нас пионервожатая. Очевидно, и программ-то еще не было, а поэтому мы занимались играми да физкультурой. Играли в «красные и белые», отнимали «вражеское» знамя. Но все это было веселым развлечением. А пришел он и все поставил на взрослую, деловую основу.

Со стыдом должен признаться, что так и не запомнил полного его имени-отчества. А вот прозвище запомнил. Звали его у нас Вася Гнутый. Говорили, что сам он когда-то, под хмельком, заявил о себе, что он «гнутый и ломаный». Вот к нему и прицепилось прозвище.

А держался он, наоборот, прямо. По народному выражению, как стопочка. Гимнастерка, галифе, сапоги – все было на нем аккуратно подогнано, все всегда начищенное, наглаженное. Был он не стар, но лицо уже покрылось морщинами. Всегда сурово, даже чуть жестоко смотрели серые глаза. На правой руке у него не хватало двух пальцев, на левой трех.

Ребята обычно больше знают об учителях, чем те предполагают. Мы, например, знали о нем многое. Знали, что у него тринадцать ранений. Знали, что плохо спится ему по ночам, что донимают его боли. Что он часто ходит в баню и крепко там парится. И тогда боли отпускают.

Я и сам видел однажды, как его вела из бани жена. С мокрыми спутанными волосами, в расстегнутом кителе, из-под которого выглядывала белая нижняя рубашка, а в треугольнике ворота кирпичной красноты тело, он шел, опираясь, чуть не навалясь на жену. А она осторожно вела его к дому, счастливым кивком отвечая на приветствие встречных «с легким паром». Счастливая была она: у ней вернулся, а у других все еще были «там», на войне.

Он с самого начала потребовал жесточайшей дисциплины, и это, разумеется, не понравилось нам. Мы невзлюбили его, но боялись. Однако постепенно мы стали проникаться к нему уважением. А потом взяли да и полюбили.

Дело в том, что он относился к нам как к совершенно взрослым людям. А как это нравится мальчишкам! И не было тут никакой педагогической хитрости. К педагогике Вася Гнутый вообще

¹⁷⁴ Впервые опубликовано в журнале «Наш современник», 1974, № 2. Текст приводится по изд.: Воробьев Л. И. Деревянные винтовки // Воробьев Л. И. Это было недавно: повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1979. С. 368–373.

никакого отношения не имел. Он был фронтовик. И шла война. И раз ему доверили это дело – он готовил бойцов. Как мог и как разумел. Поэтому он преподавал одно и то же и малышам, и семиклассникам: школа была семилеткой.

Мы занимались разборкой и сборкой винтовки, чисткой и смазкой ее. Изучали ручную гранату. Изучали уставы. А на улице ходили строем с деревянными макетами винтовок. Было и наказание за нарушение дисциплины: ползание по-пластунски¹⁷⁵.

Но если семиклассники с макетами, – а среди учеников были и переростки, и второгодники, – выглядели более-менее солидно, то мы, вероятно, выглядели уморительно.

Вася Гнутый четко шагал сбоку от пашей колонны, то забегал вперед, то шел рядом и не спускал с нас глаз. И в тихом парке, где мы маршировали, звонко разносилась его команда:

– А раз! А раз! А раз, два, три!

Ходили мы и по селу. И тут Вася Гнутый заставлял нас ходить с песней.

Недавно я отыскал фотографию тех лет. Боже мой, до чего мы были смешны. Какие-то лопоухие, стриженные под нуль, в самой разнообразной и, прямо скажем, плохонькой одежонке. Некоторые в лаптишках. Сейчас вот идет так называемая акселерация. И когда я гляжу па своих детей или вообще на школьников младших классов, чистеньких, крепеньких, в форме, и вспоминаю ту фотографию – не знаю, смеяться или плакать. И в голову лезет совершенно дурацкий вопрос: неужели нас, таких замызганных, тощих, и прямо-таки некрасивых от частого недоедания и плохой одежонки, кто-нибудь мог любить – наши матери, наши учителя?

До чего же, наверное, смешны были мы, когда вышагивали по селу, отбивая «левой, левой», поднимая пыль, неся на плечах макеты вдвое больше нас самих. А рядом печатал шаг стройный, небольшого роста человечек в военном, упрямо и зло скрывающий свое недомогание, и оглушительно выкрикивал:

– А раз... А раз...

Видимо, мы были дьявольски потешны. Но никто из встреченных нами женщин не улыбался. Не улыбались и старухи, сидевшие на завалинках¹⁷⁶. Никто не улыбался. Неулыбчивое было время.

¹⁷⁵ Ползать по-пластунски – передвигаться ползком на локтях.

¹⁷⁶ Завалинка, завалина – невысокая, обычно земляная насыпь, образующая выступ вдоль наружных стен дома, сделанная для утепления дома и часто используемая как место для сидения.

А я у Васи Гнутаго оказался в чести. Он просто полюбил меня, поставил в голову колонны и не раз говорил мне на полном серьезе:

– Расти быстрее. В армии такие ох как нужны.

Дело в том, что я пел. Точнее будет сказать, не пел, а орал. Голос у меня такой, что и доньше могу перекричать целую компанию. Моя мать, учительница музыки и пения, когда пробовала заниматься со мной, вскоре зажимала уши и страдальчески говорила:

– Боже мой! Хоть бы дочку бог послал вместо тебя – было бы утешение. Слуху совсем немного, а орешь... Ну, пой ты потише, поточней. Вкладывай ты души побольше, а не ори так, что уши ломит.

Но то, что не нравилось матери, пришлось Васе Гнутому по душе. Когда мы вымаршировывали на середину села, Вася Гнутый забегал вперед колонны, пятился задом, проверяя, в ногу ли идем, и, глядя своими стальными глазами на меня, победно выкрикивал:

– За-певай!

Тут-то я и старался. Около школы, и в парке, и в других местах мы пели разные песни. А в селе всегда одну. Любимую Васину.

Во все горло, наполненный силой и гордостью от ходьбы в ногу, от того что запеваю, что на нас смотрят односельчане, я начинал:

Мать умрет, жена изменит,
А винто-овка никогда...

И разноголосый ребячий хор, похожий, право же, на ораву беспризорников из старых немых фильмов, все эти мальчишки, да и девчонки в заплатанной одежонке, мелконькие, щуплые, радостно подхватывали:

Эй, комроты, даешь пулеметы¹⁷⁷,
Даешь батарей,
Чтобы было веселей!

– А раз! А раз, два, три! – даже багровел Вася Гнутый, перекивая нас.

¹⁷⁷ «Эх, комроты, даешь пулемёты!» – самая известная строка из песни «Школа красных командиров», написанной во время Гражданской войны (обработка композитора С. И. Баблоева, слова Демьяна Бедного).

А старушки и женщины провожали нас печальными взглядами. И некоторые, совсем невпопад нашему настроению, почему-то утирали привычным жестом слезы и даже крестились.

Школа помещалась в бывшей барской усадьбе помещиков Шишковых и отстояла от села метров на пятьсот. От усадьбы к реке вел прекрасный дубовый парк, спускавшийся не простым уклоном, а специально сооруженными когда-то террасами. Теперь дубам исполнилось очень много лет, и некоторые из них стали сохнуть, а некоторые даже и упали. На дубах было полно грачиных гнезд.

Здесь, на одной из террас, размещался наш «полигон». Тут соорудили и стенку для перелезания, и что-то вроде полосы препятствий. А рядом с поваленным дубом возвышалось чучело, на котором мы отрабатывали приемы штыкового боя.

Октябрь в тот год стоял чудесный. Вся площадка была покрыта сухим палым листом. Голубели дали, летела паутина, нередко еще пригревало солнце. Но нам было не до всего этого: мы овладевали наукой воевать.

Вася Гнутый выстраивал нас, раздавались слова команды. И на добрые четверть часа начиналось:

- На пле-чу!

- К но-ги!

Затем маршировали, преодолевали полосу препятствий, бросали гранаты, лазали через стенку, а под конец по одному выходили сражаться против чучела.

Многое за годы позабылось. Даже то, что учил в университете, наполовину позабыл. Но появившись сейчас Вася Гнутый, а в руках у меня макет, а передо мной чучело, кажется, точно бы проделал все, что полагалось:

- Длинным коли!

- Коротким коли!

- Прикладом бей!

- От кавалерии закройсь!

Ох, и старались же мы, когда прошла у нас первоначальная нелюбовь к Васе. Но не всегда у всех все получалось. Иной и прозеваает - «длинным коли» смахнет с носа не вовремя набежавшую капельку, а Вася Гнутый тут как тут. И ползешь по-пластунски.

Собственно говоря, ничего страшного в этом ползании не было. Несколько метров по сухой шумящей листве. Но каково было переносить хохоток товарищей и Васино презрительное:

- Да-а, из тебя боец...

Чаще других приходилось ползать Спартаку Караваяеву. Имя у него было громкое – Спартак, но до того он был мал, хил, тщедушен, что подходило к нему только Спартик. Брел он всегда позади колонны, отставал. Не получалось у него и с гранатой, и с полосой препятствий, а особенно с чучелом. Казалось, не он орудует макетом винтовки, а длинный макет тянет его за собой. Вася Гнутый даже свирепел, глядя на Спартака. И тот покорно, почти каждое занятие, ползал по-пластунски. А Вася твердил, как гвозди вбивал:

- Будешь у меня бойцом. Будешь!

Говорили, что отец Спартака, который сейчас воевал, был первым Васиным другом до армии. И спустя годы, я понимаю, что Вася не мучил Спартака, не издевался над ним, а словно выполнял некий долг перед его отцом, суровый, тяжелый, но необходимый долг.

А мы безжалостно хохотали над ползавшими, чаще всего над Спартаком. А потом шагали в школу, и опять я радостно драл горло:

Мать умрет, жена изменит...

Тот, очень памятный мне, день был особенно хорош. Листва уже почти вся опала, вдалеке виднелась чешуйчатая от легкого ветерка лента реки. Золотилось жнивье¹⁷⁸ на заречных полях. Бывший барский дом из красного кирпича красиво выделялся на фоне голубого неба, черных стволов деревьев и ворохов желтой листвы. Было чуть ли не по-летнему тепло, и мы занимались на своем полигоне.

Когда подошла очередь Спартака колоть чучело, он направился к нему вялой, расхлябанной походкой. Он вообще был в этот день сам не свой, с красными глазами, опухшим личиком, – видимо, болел. Макет так и ходил в его слабеньких ручонках. Мы стояли по стойке «смирно» и уже предвкушали удовольствие, ожидая ядовитых замечаний Васи Гнутого и обязательного ползания по-пластунски.

Спартак подошел к чучелу, услышал: «Длинным коли», постоял секунду-другую и вдруг зарыдал. Его шатало от слез, всю

¹⁷⁸ Жнивье – солома, оставшаяся на корню после жатвы.

его тощенькую фигурку. Он как-то по-щенячьи скулил и взвизгивал и что-то приговаривал, приговаривал. И наконец сквозь его завывания и всхлипывания тонко и пронзительно прорвалось:

– Па-ап-у-у у-убили-и-и...

Вася Гнутый, стоявший поблизости от чучела, словно окаменел. Потом вдруг сорвался с места, выхватил из рук Спартака макет, отшвырнул его, подхватил мальчишку на руки, прижал к себе, сделал несколько шагов и сел на ствол поваленного дуба.

От неожиданной ласки, неожиданного сочувствия этого героя, фронтовика, сурового человека Спартак так и захлебнулся в плаче. Его била дрожь, и он прижимался всем тельцем к Васе Гнутому.

Мы смотрели на них, затаив дыхание. Слышно было, как слетают на землю последние листья, как шуршат они, ложась на упавшие ранее. И вдруг мы увидели, что Вася Гнутый... плачет. Мелкие слезинки катились по его морщинам, теряясь в них. Словно бы остекленевшие глаза смотрели поверх наших голов.левой рукой он прижимал к себе Спартака, а правой грозил кому-то и с бульканьем, со свистом хрипловато выдавливал сквозь стиснутые зубы:

– У-у! Гады!

Постепенно Спартик устал, обмяк, затих. Вася Гнутый поднялся, отнес его в строй, поставил на левый фланг и, полуотвернувшись, четко, звенящим, надрывным голосом, выговорил:

– Урок окончен. В класс.

И пошел, уходя от нас по аллее. Мы все стояли «смирно» и смотрели ему вслед. Он шел, держась прямо и подтянуто, как обычно. Только левая рука у него болталась не в такт шагам, а правой он изредка смахивал словно бы паутину с лица и грозил кому-то в пространство, все грозил огрызком кулака.

Мы дождались, когда он скрылся за деревьями, и побрели в класс, каждый по себе, неся макеты, как простые палки. Я шел, загребая ногами громко шуршащую листву, и ничуть не удивлялся, что никто не сказал Спартаку ни слова утешения. У многих уже в семью приходили похороны, а у других могли прийти каждый день.

Юрий
Николаевич
ФАБРИЧНИН
журналист,
Заслуженный работник культуры
Российской Федерации

СОЛДАТ

Бежал он, плечи распрямив,
С решимостью святой,
Как будто мог от пуль и мин
Мир заслонить собой.

Бежал он, ненавистью сжат
В тугой взрывной комок,
Как будто скорбь всех изб и хат
В себя вобрать он мог.

Бежал он, телом и душой
Презрев свинцовый шквал,
И вдруг на взгорке небольшом,
Подкошенный, упал.

Лежал он, словно бы прилег
Передохнуть чуток.
Касался кирзовых сапог
Надломленный цветок.

Лежал он, словно бы просил
Сырую Землю-мать,
Чтоб победить в сраженье, сил
Ему немного дать.

Лежал он, словно бы живой,
Готовый встать и нас,
Живущих нас, закрыть собой
В десятый, сотый раз.

БЛОКАДНАЯ БАЛЛАДА

*Памяти Николая Петровича и Льва Николаевича
(отца и брата)*

клещи охватом
клешней западня
вокруг Ленинграда
вокруг меня

шли эскадрильи
строй храня
кресты на крыльях
бомбы в меня
в небе чернильном
всплески огня
кресты на крыльях
бомбы в меня

свод кроили
кровь леденя
шли эскадрильи
строим «свинья»

в сугробах город
рельсы спят
утробный холод
с головы до пят

прорубь взгорок
обстрел налет
шапка ведерко
вмерзшие в лед

выплески заледь
как в хрустале
бездомная заметь
прибилась к поле

буржуйка сушила
ладони жгла
Гете Шиллер
в огонь со зла

как бы в отместку
ну а потом
ела железка
за томом том

огромен город
темен пуст
амебный голод
от дум до чувств

морозный воздух
хрусток как жечь
ни сон ни роздых
есть есть есть

и только голод
инога несть
в висках как молот
есть есть есть

плошка-коптильня
как жизнь как весть
кресты на крыльях
есть есть есть

хлеб из опилок
суп из ремня
кресты на крыльях
бомбы в меня

мамочка мама
все нам опять
сырые граммы
125

ежились в залпах
окна дрожа
сырой тот запах
слизывали с ножа

до хромистых жилок
рты кровеня
кресты на крыльях

бомбы в меня
кошек не стало
не стало собак
им пьедестал бы
чтобы в веках

сердцем блокадным
стучал метроном
в мир громадный
чтоб кто-то в нем

туманным утром
труслив и лжив
радовался мудро
что город жив

коньячным букетом
сигарой дымя
что бомбы где-то
что бомбы в меня

тело за телом
на братский привоз
под прядкой белой
сухо без слез

хилый двужильный
гол простыня
в ямах-могилах
все как родня

достало чести
и все же сил
всем вместе
выжил почил

о правых стойких
в память всех
шепчу я строки
се человек

кого за лацканы
в веках виня
за ад ленинградский
за бомбы в меня
лет леченье
спасибо годам
во мне прощенье
но я не дам

право сильных
взрывы резня
черные крылья
ракеты в меня

эпох смещенье
новый бедлам
но «Мне отмщенье
и Аз воздам».

СВАДЕБНАЯ БАЛЛАДА

Мешаясь с трогательным танго
И «Рио-Ритой» озорной,
Вдруг растревожится «Славянка»
Под граммофонною иглой.

В кругу друзей идут четою
Среди гуляющих в кремле
Невеста - в белом под фатою,
Жених - в защитном, при ремне.

Во всем солдатском, что ж такого?
Утихомирьтесь, голоса.
Пойми, народ, у рядового
На свадьбу только полчаса.

Жених - суров и полон жизни.
Невеста - нежность и мечты.
«Тысячелетие» отчизны
На них взирает с высоты.

Солдат – обстрелянный иль внове,
Взрывал мосты иль наводил,
При всех делах – ни жил, ни крови
В жестокой схватке не щадил.

Гостей на свадьбу не созвали
Они победною весной:
Невеста – в шалевой печали.
Жених – под памятной звездой.

Исходит медь огнем державным,
Уходят в небо купола,
И над рекой о чем-то главном
Поют, поют колокола.

ВО ДВОРЕ

Лебедь – взметом – по двору:
Хлоп, хлоп, хлоп...
Бьет сосед мой по ковру,
Чист был чтоб.

Бьет, не милуя ковра,
Чист чтоб был.
Из лебязьего крыла –
Пыль, пыль, пыль.

Из лебязьего пера –
Моль, моль, моль.
Миг – и вынесет с ковра
Птицу боль.

Вот уж воду режет... Взлет...
Берег мшист...
Но сосед по ворсу бьет,
Чтоб был чист.

Миг – и лебедь на крыло,
Ввысь уйдет.
Но сосед наотмашь, зло,
Честно бьет.

Вот удар, еще удар.
Стынет миг.
В гибкой шее заплутав,
Умер крик.

С удовольствием, вздох
Бьет сосед.
Взлет, как эхо: хлоп, хлоп, хлоп.
Был и нет.

Вспомнил: поле, танк, под ним –
В рожь как врос.
Люк открылся. Сладкий дым
Папирос.

Будет вам и «nach», и «drang».
Врос. Застыл.
Сзади танк не то, чтоб танк, –
Слаб на тыл.

Газ и лязг. И вслед – гранат
Связка, взмет...
Тем, дымившим, автомат
Выдал счет.

Все недвижно на ковре:
Лес, пруд, свет.
Отдыхает во дворе
Мой сосед¹⁷⁹.

Закурил, присел, отер
Лоб, рот, нос.
Встал, скатал, свернул ковер
И унес.

Лебедь, лилии, вода –
Вместе с ним.
...Шел июнь. С ума сводя,
Цвел жасмин.

21.06.91

¹⁷⁹ Новгородец дядя Вася доставлял на полуторке по Ладоге грузы в блокадный Ленинград.

Геннадий Александрович
ИГНАТЬЕВ
доцент Новгородского
государственного университета
имени Ярослава Мудрого,
пенсионер

ДВАЖДЫ БЫЛ РАССТРЕЛЯН

Этого человека в Великую Отечественную расстреливали... дважды: сначала немцы, а потом – наши. Причем немцы оказались добрее.

Мой рассказчик, Сергей Александрович, – отставной майор, лет тридцать тому назад учился в одном из ленинградских вузов и, как всякий рациональный студент, экономил в транспорте на билетах. Ездил к родителям в Новгород не поездом за трешку, а за рубль, ибо столько тогда брали за проезд водители больше-грузных машин на трассе Ленинград – Новгород. Я и сам частенько пользовался подобным способом передвижения. То время было спокойное, народ приветливый, добрый, а шоферы-дальнобойщики охотно брали попутчиков, причем зачастую подвозили совершенно бескорыстно. Бывало, суешь ему жалкий, сморщенный рубль, а он брови нахмурит, глянет пронзительно, строго, словно нанесли ему смертельную обиду. И было это оттого, что многие водители прошли через войну, где не деньги ценились, а человечность и взаимовыручка. С одним из таких новгородских шоферов и ехал однажды в Новгород Сергей Александрович. Нет дороги без хорошей душевной беседы, но поначалу разговор не клеился, на все вопросы водитель либо отмалчивался, либо отвечал скупой и немногословно. Но наш герой не сдавался, и потихонечку лед тронулся – слово за слово, начался разговор, который, разумеется, перешел на военные темы. – А ведь, браток, меня дважды расстреливали.

– Как это?! – изумился Сергей Александрович.

– Один раз немцы, второй – наши, причем немцы добрее оказались. Войну я начал аккурат с первого ее дня. Весной 1941 года был призван в погранвойска и определен служить на заставу в Литву – на границу с Восточной Пруссией, что сейчас является нашей Калининградской областью. В памятный день 22 июня судьбе было угодно послать меня в наряд по охране госграницы,

потому и жив остался. Немцы первым делом ударили по заставе; когда мы к ней вышли, там ничего уже не было, кроме дымившихся развалин. Кого нашли, похоронили и втроем двинулись на восток: сержант, старший наряда, да нас двое молодых первогодков. Шли-хоронились, все по лесам: по дорогам нескончаемым потоком перла вражеская техника. Главная забота – пропитание, на грибах и ягодах далеко не уедешь. Сунулись как-то к мирным поселянам – еще к хутору не подошли, как нас из винтовок обстреляли, сержанта убили. Пришлось по ночам на огородах приворовывать: в основном картошку, да раз овцу прирезали. Так и добрались до Эстонии. Нам бы еще раньше податься в Белоруссию – не догадались, молодые, зеленые. В Эстонии, уж совсем рядом со Псковщиной, нас и прихватили. Все из-за голода: так отощали, что еле плелись. Смотрим – одинокий хуторок, немцев не видать и всего трое обитателей: мужик, баба да пацан лет двенадцати. Мы к ним: так и так, не откажите, дайте хоть кусочек хлеба.

– Милости просим, – говорит хозяин, – за стол.

Накормили. С голодухи развезло, осоловели, там же в доме и заснули, а разбудили нас немцы. «Добрый» хозяин пацана за патрулем послал. Вытолкали нас пинками во двор, меж собой что-то потрещали, а потом фельдфебель, главный из них, машет рукой. И без перевода ясно – кончать будут. В патруле том в основном молодые парни, только ефрейтор пожилой, лет за сорок. Его и послали, чтоб он нас у опушки леса в распыл пустил.

Идем в путь последний, света белого не видим, в глазах темно, а сзади все: «Шнель!» да «Шнель!» У самой кромки леса вдруг очередь длинная над головами – словно ветер пронесся, а мы стоим столбами и не падаем. Издевается, думаю, гад фашистский. Оборачиваюсь, а немец обратно шагает, автомат за плечом. Теперь-то я понимаю, что попадись солдат помоложе, не крутил бы я сейчас баранку. Может, сыновей ему напомнили, да и были мы по сути еще не солдатами, а голодными мальчишками. Не все так просто там было. Человека из солдата никакая война не вытравит.

Потом мы до Псковщины добрались, вышли к своим, и вроде бы все пошло своим ходом. Три года я оборонял Ленинград. О буднях войны говорить не стану, дело это рутинное и малоинтересное, ежедневная монотонная работа. 14 января 1944 года наконец-то началось долгожданное наступление, войска трех фронтов сдвинулись с места, прорвали блокаду и стремительно пошли вперед. Вот тут и приключилась со мной новая беда. В ходе

наступательных боев наш полк оказался в нескольких километрах от родной деревни, где томилась в оккупации моя семья. Сам понимаешь, что я чувствовал. При виде знакомых с детства мест такая тоска скрутила, что сил нету. В моем отделении служил еще один паренек из нашей деревни. Кинулись мы с ним к ротному, стоим на коленях, плачем, просим хоть на пару часов отпустить, может, кого в живых отыщем. Не устоял командир, хотя и права не имел, – отпустил до шести утра, но предупредил, что если в срок не вернемся, подаст на нас рапорт как на дезертиров.

Примчались мы в деревню, а она как стояла, так и стоит, и главное – все живы. Чудо да и только! Тут и началось: кумовья, деды, бабки, двоюродные и троюродные. Одним словом, очнулись мы на следующий день, когда солнышко на вторую половину неба перевалило. Кинулись обратно в полк, а на большаке патруль. Посмотрел офицер наши красноармейские книжки и говорит:

– Господа дезертиры, вас-то мы и дожидаемся. Идите-ка вы вон к той вороночке да скиньте шинельки и сапоги. Они вам больше не потребуются, пусть ими попользуются другие бойцы, что честно за Родину кровь проливают. С изменниками разговор короткий. Сейчас мы вам и команду похоронную с музыкой подыщем.

С этими словами останавливает он проезжающий грузовик, высаживает человек пять бойцов и строит их в шеренгу аккуратно напротив нас.

Не знаю, что чувствовал в тот смертный час мой товарищ, а я весь оцепенел. В первом расстреле такого не чувствовал, тогда где-то в глубине души не верилось, что можно вот так запросто лишиться жизни, а здесь всеми клетками души моей осознал я жестокую неотвратимость смерти. Стою под винтовочным дулом, ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу, нервы в таком напряжении, что весь окрестный мир: дорога, черные куски вывороченной танковыми гусеницами земли, мельчайшие черточки пейзажа, а особенно лицо стоявшего напротив солдата – с такой фотографической ясностью врезались в клеточки мозга, что я и до сих пор вижу все так, словно было это вчера.

Помню тупой удар – тьма, а потом холод. Я медленно приоткрыл глаза: надо мною высоко в небе висела легкая тучка, по краям которой скользили последние лучи ушедшего за горизонт солнца. Пуля по касательной лишь задела голову. Оглушенный, я несколько часов пролежал на мерзлой холодной земле...

После госпиталя я еще повоевал, войну закончил в той же Восточной Пруссии, от границ которой топал в 1941 году.

Но на этом моя история не кончилась. После войны я осел в Ленинграде. Где-то в начале шестидесятых годов иду по Невскому, навстречу мужик с таким знакомым лицом, что от этой знакомости в груди защемило. Двадцать лет прошло, а это лицо навечно врезалось в память. Останавливаю, спрашиваю: не приходилось ли ему в 1944 году на такой-то дороге расстреливать у воронки двух бойцов. «Да, был такой случай», – отвечает он.

– И что вы ему сделали? – затаив дыхание, спросил Сергей Александрович.

– Ничего, – усмехнулся шофер. – Обнялись, поплакали, а потом помянули в ресторане всех убиенных на той войне.

– А с тем мужиком, что вас выдал, не встречались?

– Зачем мне эта паскуда нужна, пусть живет. Я бы лучше с тем немцем повидался, да, видно, не судьба, где его найдешь? Может, и погиб. Вот какая она проклятая штука, эта война. Не приведи Господь ее испытать.

СЕРГЕЙ ВПЕРЕДСМОТЯЩИЙ

Сергею Петровичу Иванову девяносто лет, ходит с трудом, но память не потерял. Есть редкая порода людей, устремленных мыслью в прошлое. Сегодняшний день у них сливается в единое целое, а молодость с ее бурными событиями, наоборот, навечно врезалась в ячейки мозговых клеток до мельчайших деталей.

- Спрашиваете, как я попал на войну? Не сразу. До 1943 года находились мы под немцем, на оккупированной территории Западной Украины. Фашисты в первые месяцы наступали так стремительно, что, заснув вечером в СССР, утром мы просыпались в ином измерении, «новый порядок» и все такое. За два года я ничем не замарался, никаким сотрудничеством с оккупантами и их пособниками. Потому, когда вернулась Красная армия, меня сразу призвали на действительную службу, определили в пехоту, наспех обучили солдатской премудрости и – сразу на передовую, где меня из-за маленького роста ротный взял к себе в ординарцы: не бывалых же солдат заставлять чистить командирские сапоги, а тут подросточек подвернулся. Как солдат, я поначалу мало что понимал, приказы воспринимал буквально, без соображения, чем крупно под-вел своего командира.

Близость к командиру никоим образом не освобождала от тягот несения службы: нарядов, караулов, участия в боевых операциях. В первом же карауле я и попал впросак. В ту пору установилось на фронте редкое затишье, когда ни наши, ни немцы не предпринимали активных действий. Такое время очень любили вышестоящие начальники. По окопам начинали ползать разные комиссии для ознакомления с бытом и боевым духом войск.

Командир роты лично определил мне ячейку, где я должен был стоять на посту, следить за врагом, чтобы последний тайно не подкрался к нашей оборонительной линии.

- Смотри, Иванов, – строго напутствовал капитан, – на посту головой по сторонам не верти, смотри только вперед, внимательно наблюдай за своим сектором, в разговоры с солдатами не ввязывайся.

- Есть: смотреть только вперед и в разговоры не ввязываться, – ответил я.

Ушел ротный, а я приказ исполняю, смотрю только вперед, на товарищей внимания не обращаю, на разговоры не поддаюсь, что за спиной делается, не знаю. А за спиной тем временем решил

пройтись по траншеям дивизионный генерал, естественно, со свитой. Видеть я его не вижу, а вот слух, что генерал идет, докатился. От этого я еще строже вперед смотреть начал. Вскоре и сам генерал обозначился. Начальство не просто так по передовой ходит. Главное – порядок проверить, пообщаться с солдатами, поговорить с ними, может, какая неправда наружу вылезет. Через это и генералу профит: заботливый командир – отец родной, за таким в огонь и в воду. Слышу, генерал совсем рядом, за спиной с бойцами беседует. Солдат знает, как и что отвечать начальнику. Отовсюду молодец-кие, бодрые ответы, по душе дивизионному, голос у него благодушный, отеческий. Только вдруг видит – солдат спиной стоит, в струнку не вытягивается, честь не отдает. Остановился, спрашивает: «Кто такой?» Рапортую, что рядовой Иванов, нахожусь в карауле, имею задачу обзирать предполье перед линией обороны. Генералу такой заспинный разговор, видать, не по душе.

– Скажи, рядовой Иванов, а автомат у тебя чистый?

– Так точно, – отвечаю.

– Дай-ка проверю.

Как отказать генералу? Снимаю автомат с плеча и, не оборачиваясь в соответствии с приказом ротного, протягиваю оружие начальнику. Тут уж он не выдержал, взревел грозным голосом:

– Смотрите, товарищи офицеры, что за бойцы, первому встречному оружие отдают.

Конечно, был он не первым встречным, а родным отцом всей дивизии, но я-то в лицо его не видел через спину, любой мог генералом назваться. Ушел комдив, сразу ротный прибежал – белее бумаги, весь тряский, как в лихорадке, и давай на меня орать. Хотел он как лучше, а получилось наоборот. Правда, особых последствий эта история не имела, но солдатам запомнилась, долго смеялись, прозвали меня Серегой Впередсмотрящим.

Боевую службу наравне со всеми прошел по полной программе: в атаки ходил, дрался в рукопашном бою, держал оборону, имел ранения. Много в памяти осело боевых эпизодов, а один, особенный, часто во сне вижу, душу тягость охватывает, и все из-за немца, которого мог в бою убить, но не убил, и все же из-за меня последний Богу душу отдал.

Как-то в наступлении наша рота с боем взяла деревню, которую следовало очистить от прятавшихся немцев. С автоматом

на взводе осматриваю одинокую избу, что стояла на отшибе. Осторожно крадусь вдоль стены. На войне реакция – первое дело, чуть задержался, не спустил курок вовремя, и ты покойник, потому что стоящий напротив враг тоже жить хочет, и выбора у обоих нет. Такова страшная логика войны. Солдат обычно палит по направлению, летят выпущенные им пули туда, где противник засел, а зацепят ли они кого-нибудь, никто, кроме Бога, не ведает.

Совсем другое дело, когда сойдутся два человека лоб в лоб, посмотрят друг другу в глаза и кому-то первому нужно выстрелить. Это самая сложная и мучительная ситуация. С одной стороны, нет времени для раздумий, с другой – стоит перед тобой хоть и враг, но человек. Вот и я, как завернул за угол избы, так и столкнулся лоб в лоб с высоченным немцем. Стоим друг против друга, упираемся стволами автоматов в грудь, а руки дрожат, я трясусь, и немец трясется, хоть он меня просто кулаком мог свалить. В конце концов бросил немец автомат, у меня враз на душе полегчало, никак, без крови обошлись, показываю ему – ремень сними. Это чтоб не сбежал, когда поведу на сборный пункт военнопленных. Тут я оплошку дал, доверился ефрейтору Прокофьеву, тот в аккурат в тыл направлялся.

– Ты, Иванов, чего там с немцем возишься?

– Вот, добровольно сдался, хочу сопроводить.

– Давай доведу, не сумлевайся, сдам в лучшем виде.

Я и поверил, передал ему пленного, а он его за избой и прикончил. Сколько лет прошло, а не забыть, разумом понимаю – война, но душа саднит, не сберег человеческую жизнь, а мог.

Владимир Иосифович
БЕРЕЗОВСКИЙ
журналист,
Великий Новгород – Санкт-Петербург

ВETERАНЫ ПЯТОЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ

«ВОТ ПУЛЯ ПРОЛЕТЕЛА...»

Юлиан Юлианович Падусеп остался в Великом Новгороде одним из последних партизан легендарной Ленинградской Пятой партизанской бригады.

Попал в неё ещё мальчишкой, когда убежал в лес от фашистов. Бродил по болотам и тут наткнулся на группу партизан, идущую на задание. Сунули шашку тола в руки и забрали с собой на подрыв моста...

Так и стал шестнадцатилетний парень партизаном. Правда, признали справкой о его участии в партизанском движении, только когда исполнилось восемнадцать лет, в сорок третьем. А в сорок четвёртом, после прекращения партизанских действий на новгородской земле был призван в артиллерию, наблюдателем, а потом и начальником радиостанции стал. А это значит, как и в партизанах был на переднем крае под огнём врага, так и на армейской службе – нос к носу с врагом. Вот и при взятии Выборга оказался с группой разведчиков почти у линии вражеских окопов для корректировки гаубичного огня своей части. Но финны заметили группу и открыли ураганный огонь. Прикрыл голову руками, в правую и попала первая пуля. Затем в спину... финны пошли на захват. Пришлось вызывать огонь на себя. Когда взметнулись фонтаны земли к небу, не надеясь уже выжить, встал и пошёл... Ещё две пули так и получил, как говорят о пережитом гриппе, – «на ногах». Но до своих дошёл и только при перевязке потерял сознание.

– Крепкий, – сказал комбат и отправил в тыл... опять «своим ходом», только ползком:

– Смотри головы не поднимай! А то будет тебе пятая...

Наступление на Выборг было скоротечным, операция по его освобождению длилась всего 10 дней. И до раненых наступающим было недосуг. Перестал ползти в каком-то болоте. И опять потерял сознание. Очнулся, когда похоронная команда тащила его за ноги к

волокушам... И хорошо, а то притащили бы не в санбат, а до места сбора отвоевавшихся героев.

От ранений остались огромные шрамы, инвалидность и память. Служить пришлось ещё и после войны. И где было легче: в бою или в палатке на ветру Сахалина, сегодня и не скажет Юлиан, но пятая пуля так его и не нашла.

ВРАТА

Бледную глину измятых болезнью щёк расчертили солёные дорожки высохших слёз. Аннушка умерла ночью, и кристаллики соли, льдинками мерцая в лунном свете, разлетались сквозь освободившийся от одеяла стеклянный глаз градусника по изъеденному мокрой тряпкой полу, оббитым каталками стенам, а затем таяли в ближнем к изголовью Аннушкиной кровати углу, до черноты вылизанном липкими языками скрученного в дугу фикуса.

Утром – стереть пыль с кроватных дужек, засыпать мусором фикусный провал и пробить шваброй по больничным койкам "подъём" – пришла толстая баба с вонючим ведром. Покочегарив под кроватью, баба уставилась на Аннушку.

– Светка! А, Светка! – проорала вглубь коридорного двора минутой позже.

Одеяла на соседних койках зашевелились, но голов не отпустили, налились синими нитками вспоротых тряпичных жил, застыли скрученными буграми протёртых желваков.

– Светка, сучка, что ж ты градусники не собрала!

Один из бугорков разгладился, и на свет появилась медицинская трубочка запечатанной ртути. Только расчерчивая на полосы лицо, заспанная санитарка прошла мимо, остановилась возле бабы:

– А тебе-то что? Главврач что ли? – и насторожилась. – Во, чёрт!..

– Чёрт, чёрт, тебя чтоб черти побрали. Штук десять расфиндячила... – вновь зашуровала шваброй баба.

Светка вытащила у Аннушки градусник, прикрыла ее простыней.

– ...А мне потом убирай, – баба перешла к другой койке. – Вези давай до хозяина...

...Цепляясь за каждый этаж и натужно скрипя, лифт опустился на ржавые пружины. Светка, навалившись животом на каталку, воткнула ее за разбежавшиеся двери в обшитый красными пятнами

дежурных ламп подвал, застопорила кабину, оставляя белый прямоугольник опущенного под землю света.

- Пусти лифт, - рыгнулось из подвальной собачьей глотки.

"Жди", - Светка распяла руки в распахнутые створки.

- Лифт пусти, кому говорю! - ударил в лицо запах разжёванной котлеты. - Клиенты ждут.

Выпавший из темноты мужик в синем халате, возвращая оставленное на стёганом матрасе лицо, то тёр ладонью прошитые ровными стежками скулы, то растягивал жирные губы тыльной её стороной.

- Отправляй, говорю, обратно. Не стопори подачу.

- Уже спотыкаюсь, - ещё крепче вжала руки в холодный металл санитарка.

- Ладно, - неожиданно скоро согласился страж анатомички. - Из лёгочного что ли?

Светка, кивнув, опустила руки.

- Чего померла?

- От лёгких и померла. От тяжёлых-то -дохнут. Вот без надрыву и померла, только всё таблеточек просила. Ну, дела, прям, как оса. А к чему? Всяк померла легко, никто и не заметил. Даже градусник не разбила...

* * *

Растирая коленками в зелёную кровь подорожник, оставляя на мышинном сукне густые мазки с воронёных ваксой щек, Аннушка обнимала ефрейторские ноги, роняла на волглые сапоги слёзы. И они пропадали в тёмных горловинах голенищ, взрастивших на гладких деревянных стеблях консервированную смерть, топили высыпавшуюся на землю неожиданным снегом соль.

- Паф-паф будем, деффочка, - взнуданный, с переброшенным через шею автоматным ремнем, ефрейтор спешил из Аннушкиных объятий.

Ему вторил, перебрасывая австрийскую винтовку с плеча на плечо, солдат со сведёнными тоской бровями:

- Паф-паф... паф.

- Отпустите, родненькие, - соль пожелтела от прибывшей влаги. Ефрейтор брезгливо отвернул лицо, забился рыбой в слабеющем охвате.

- Партизан, очень плёхо, - прошипел в сторону.

- Пустите, - Аннушка безысходно разжала руки, сомлевшей свечой оплыла на землю. Тут же допущенная к делу рифлёная глубоким рисунком подошва с хрустом примяла белый холмик, чтобы через мгновение выстрелить снежным зарядом в летнюю зелень.

Усердно работая гастрономом, ефрейтор безнадежно пересолил заправленный пылью придорожный салат из одуванчиков. Засмотрелся на поседевшую зелень, напомнившую ему Мекленбургское лето с подсолённым папоротником на палаточной парусине, белым морским песком, привезённым под строевые на лагерный плац и утрамбованным сотнями ребячьих ног...

- Komm, komm, - прогнавший тоску солдат подоткнул под локоть замученно провисшую на ремне винтовку, согнулся над Аннушкой. Прозвенел автоматной упряжью и ефрейтор, очнувшись от воспоминаний.

- Простите, - сжалась в комочек девочка, но оставив надежду:

«...Милостив буди мне, - прошептала, открывшись под рукой с белым солдатским перстнем, - Господи».

- MainGott! - вновь звякнувшая автоматная узда отвела в сторону ослабшую вдруг руку, и ефрейторское «вставайт» оборвалось: «MainGott!», - обомлел и он в поклоне, опустил на колени, робея, провел пальцами по детской головке, опушённой седой пылью, не собрав и толики её, отдернул руку.

- MainGott!

Окрепнув проронённым словом, Аннушка отняла от земли голову - стыдливо упирая лопатки в военное сукно, патруль пропадал на дороге. Вослед ему, выбивая фонтанчики пыли, выпустил пристрелочную очередь упавший на землю дождь.

Сбережённые широкими ладонями подорожника крупинки соли кротко таяли в пролившихся с неба каплях, исходили солёными ручейками по линиям судьбы глубоких прожилок.

- За что, Господи? - Аннушка подняла к дождю лицо. - Господи, за что...

Косая Батькова землянка, в мазутной пропитке шпального сруба, раздвигая косою крышей куски болотного дерна, лезла из земли треснувшей свеклой.

- Куда прёшь? - Затягивая на животе штаны, остановил Аннушку в разломе двери обросший дерюжной щетиной мужик.

На голос из бурой завеси разлома оправленное золотом волос выглянуло женское лицо...

- Куда валишься, тебя спрашивают! Или сполоумела?..

В наспех схваченном трофейным ремнем, с «Gottmituns» на круглой бляхе, кургузом пиджаке, небритый мужик мало напоминал командира - Батька. Скорее нашкодивший школьник-переросток, озираясь и поминутно поддёргивая штаны без единой пуговицы, еле удерживаемые веревкой, зацепившейся за жёлтую грыжу кальсон, вытолкнул Аннушку наружу.

- Во-кот, - кого не ждали, того не ждали? Эй, мать, дочка пришла, - не оборачиваясь, в землянку отрапортовал мужик и, уже не строжась, продолжил для Аннушки:

- Пришла, значит, во-кот, - вновь комкая своё "вот так вот", зацепился пронирыливым взглядом за скомканный Аннушкой мешок, остановил "брючной" тик.

- Доставай, что снесла.

- Соль... - Аннушка, бессильная обмануться Батьковой улыбкой, попятилась к сосне.

- Ну, давай, давай, своё яичко, курочка-несушка.

Обдирая скомканным кулачком сухую кору, Аннушка пропустила за спину руку, прижалась к стволу.

- Ну, что жмешься, чай, не жених. Давай, говорю, продукт.

- Вот... - Аннушка протянула раскрытую ладонь.

- Что вот-хоровод. Соль где?

Заневоленный подорожник, почуяв слабинку, раскрылся в ладони переплётном белых жил.

- Не донесла! Не до-не-сла!!! - с завыванием обрушился вмиг озверевший Батька. Сорвал с Аннушкиной головы платок, размахнулся, обратив его в кнут, и лишь для новой силы задержал на излете руку.

Аннушка молча упала на колени. Лицо, всё это время наблюдавшее из дверной трещины происходящее, ушло под землю...

* * *

- Просила, говоришь? - мужик юркнул за Светку, прижал кнопку...

- Так, просила или просто - плакала? - голодный Люцифер отпустил кнопку лифта и вдарил колокольным басом по залитому печным заревом коридору.

- Ха-ха, у вас, чертей, разве допросишься?

- Сам чёрт, - Светка отпрянула к запахнувшимся створкам, тыча пяткой в плотно сжатые металлические губы. - Открывай!

- Отвезёшь-поедешь. - Мужик вновь прилепил ладонь к панели вызова, скривил в ухмылке рот.

«Зараза», - Светка выжала солёную хлябь из резиновых ручек, толкнула каталку под красный свет. Оставляя на белой плитке котлетные крошки, мужик в синем халате шагнул за нею.

- Вот я и говорю, всё б вам задом вертеть. А дело делать? Носить-катать, а? Небось, ещё и не раздела?

В пламени ламп синий халат почернел, исчез без белого света вместе с телом, и только обожжённое похотью лицо да красные руки придвинулись к Светке.

- Не лапай - будешь косолапый, - Светка вырвалась из повисших в воздухе обрубков, и в игре молодого тела каталка отскочила к стене - густой гром пустого железа прошёлся по коридору.

- Поворачивай, приехали, - откатился по рельсу стальной лист.

Зал с длинными рядами глубоких стеллажей, составленных из прорезанных вдоль дождевых бочек, окропляла одна жёлтая лампа в жестяном зонтике абажура. Выпуская тягучую желчь по тряпичным жилам, прямо под ними на брусковом столе, обтянутом детской клеенкой, издыхало набитое ветошью ведро с туалетным клистиром.

- Вот туда, скраешку, - помянув взглядом податливую Светкину грудь, обретший тело Люцифер обогнал замешкавшуюся санитарку. - Для кого цветёшь как не для нас!

- Дурак, - бросила каталку.

Мужик перехватил её, направил к ближайшему стеллажу с вывернутой гайкой бочечного слива.

- На лед положи, - вдруг заупрямилась Светка.

- На кой, и так сойдёт. - Мужик потянул Аннушку в пустую бочку.

- На лед, - огрубев голосом, Светка схватилась за простыню, та поползла, подставляя Аннушкино лицо жёлтой лампе. - Я же сказала...

- Да фиг с тобой, - мужик испуганно оставил Аннушку в покое, потащился проходом в дальний угол зала, пиная трубчатые

стояки. – Льда не видала... Что ей, от этого легче станет? Да и не развернешься тут. Повезёшь?

– Повезу.

Светка взялась за каталку, но, передумав, подняла высохшее тельце, прижала к груди.

– Во, дура!.. Как родную обняла, метра ведь не снесёшь...

– Донесу, не тебе учить.

Мужик шагнул к Светке, протянул руки:

– Давай, что ли, вместе...

Любовь ПАТРИКЕЕВА
химик ПАО «Акрон»,
Великий Новгород

ШУРОЧКА

Мерный стук в ночной тишине,
И трясет вагон на ходу.
Все, отныне конец войне,
Шура, Шурочка, я иду.

Нам враги теперь не страшны,
Я согрею тебя, спасу...
Я иду, я иду с войны,
На плече победу несусь.

Едем мы и поем в пути,
Сердце рвется скорей домой.
Шура, Шурочка, ты прости,
Но иду я с пустой сумой.

Мир у нас на земле настал,
Нам с тобою все по плечу,
Я у них ничего не взял,
Ничего от них не хочу.

Помнишь, как зимой на войну
Провожала нас, пятерых?
Ты прости мне мою вину,
Я один остался в живых.

В первый раз тогда наш отряд
Принимал на себя врага.
Женя... В Женю попал снаряд.
И осталось два сапога.

Было много битв на счету,
Только снайпер взял на прицел.
Азамат... Погиб на посту,
Даже крикнуть он не успел.

А на фронте – без перемен,
Слышен пуль леденящий свист.
Вот Сергей... Он не сдался в плен,
Потому что был коммунист.

Нам с Володькой смерть нипочем,
Вовка был шутковать мастак.
Мне осколок пробил плечо,
Ну и он – с гранатой на танк.

Мы в Москве, мы уже в Москве,
Шура, Шурочка, я спешу!
Говорить с тобой о войне
Никому я не разрешу.

Я с победой домой приду,
Я тебе принесу зарю!
Боевую свою звезду
Нашей дочери подарю.

И летят поезда во тьме,
И пронзают ночную мглу.
Я твой голос слышу во сне:
«Ваня, я тебя очень жду!»

БЫТОВАЯ ЗАРИСОВКА

В окопе ели, в окопе спали,
Но песни пели и танцевали.
Людьми остались, беды отведав.
И вот дождались своей победы.

Они ходили все по краю
И победили в начале мая,
В душе народа храня беспечность.
Четыре года текли, как вечность.

Они застыли на пленке гибкой.
Какие были у них улыбки!
Какое море тепла и света!
Войны и горя как будто нету.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ТОВАРИЩА КОНСТАНТИНОВА

Ночами нам давно не спится. Враг отоспаться не дает.
Война на подступах к столице. Декабрь. Сорок первый год.
Полно убитых в каждой роте. Без боя не проходит дня.
И больше всех в моей пехоте клянут, конечно же, меня.

За то, что командир я жесткий, солдатами не дорожу.
Героем станет Рокоссовский, я этого не заслужу.
С бойцами он ведет беседу среди заснеженных полей,
Что мы одержим здесь победу и новые придут за ней.

Под нами снег багровый, скользкий, и силы тают день за днем.
Но говорит им Рокоссовский, что мы еще в Берлин войдем.
И густо устилает копать скелеты павших городов...
За кровь, в которой я по локоть, ответить сам всегда готов.

Победа с нами будет вечно. А я – всю жизнь, как на войне...
Один за всех, за все отвечу! Все беды – по моей вине...
Мне все равно, не обессудьте, ни брань, ни слава не нужны.
Меня ругайте иль забудьте... Но эту кровь беречь должны!

Она прочнее клятвы свяжет людей, что после нас придут.
Она останется на страже, когда все крепости падут.
Ночную тишину раздвинув, взорвался телефон из тьмы.
– У аппарата Константинов.
– Прорыв! В районе Яхромы.

МОНОЛОГ МЕРЕЦКОВА

За окном струятся рельсы, вырываются из тьмы.
Поспешаю в край Карельский не из дома – из тюрьмы.
Только вспомню эти ночи... Сердце ходит ходуном.
Я теперь болею очень, на ногах стою с трудом.

Искалечен «по ошибке» сворой пьяных сыскарей.
Я уехал из-под пытки... Позабыть бы все скорей.
Что ж, в атаку мне не бегать, скажут – ранен на войне.
Дело я сумею делать – голова пока при мне.

Путь лежит такой неблизкий... Генерал, скисать не смей!
Враг знаком еще по Финской. Здравствуй, маршал Маннергейм.
Прежние деньки вернулись! Шлю тебе большой привет.
Снова мы с тобой столкнулись, не прошло и пары лет.

В прошлый раз тебе попало – не пошла наука впрок.
Всыпали, как видно, мало. Повторим с тобой урок.
К Ленинграду вы спокойно с севера подобрались.
Встречу я тебя достойно, престарелый финский лис!

Злее всех собак на свете уезжаю на войну.
Отбивать болота эти, защищать свою страну.

БАЛЛАДА О СВИКЛИНЕ

Это не Центральный фронт. Не защита Сталинграда.
Все равно кому-то надо воевать среди болот.
Это озеро в снегу помнит наше поражение,
Но опять кипит сражение на пологом берегу.

Двое суток длится бой. Наши части наступают,
По колено утопая в зыбкой каше снеговой.
Задыхаясь на ходу, в грязь затаптывая трупы,
Бьются части южной группы, спуску не дают врагу.

Сколько душ поляжет здесь? Перемолоты в атаке
«Прибалтийские собаки» – батальоны войск СС.
Но таков войны закон: наши силы тоже тают.
А за озером сучает легких танков батальон.

Надо в бой его вести. Только воздух все теплее.
Лед на озере темнеет и предательски хрустит.
Выход все равно один. Разогнав свою машину,
Первым ринулся на льдины генерал-майор Свиклин.

Взламывая хрупкий лед, на него сошел с разбега...
И фонтан воды и снега позади у танка бьет.
А внизу тяжелый мрак, смерть гуляет в темных волнах.
Из ее объятий сонных рвется генеральский танк.

Огибая полыньи, по озерной белой глади
Танки шли, тянулись сзади вслед за ними колеи.
В лету канула война, двери в прошлое закрыты.
Затерялось и забыто нами имя Свиклина.

Чем он всем не угодил, храбрый командир советский?
Может, именем немецким, что с рождения носил?
Снегом дышат небеса. Он уже не даст ответа.
И какого были цвета эти умные глаза?

Не прославила молва ледяное приключенье.
Бой был местного значенья, да и город – не Москва.
На могиле Свиклина сероватым днем весенним
Распускается забвенье, прорастает тишина.

Память сгинет в тишине, но останется на танке,
Спящем в новгородском парке. На обшарпанной броне.

В ГОСТЯХ У ЧЕРНЯХОВСКОГО

Тонет город в сером пепле, в горле он першит до рвоты.
В этом новгородском пекле бьется черная пехота.
Застилает древний город гари тошнотворный запах.
Но комдив упрям и молод. Нет ни паники, ни страха.

Нет, не скоро май нагрянет! Это только сорок первый.
И комдив отважный станет грозной светлою легендой.
Плащ-палатка у героя чуть накинута на плечи.
Смотрит он из пекла боя... Я спешу ему навстречу.

Он давно стоит на старом тихом кладбище московском.
Ничего, что я так рано к вам, товарищ Черняховский?
На чужой земле унылой, на большой войне проклятой,
Дорогой Иван Данилыч, вы убиты в сорок пятом.

Я из книг об этом знала, просто не хотела верить.
Вы погибли генералом в золотые тридцать девять.
Сколько в вас осталось силы! Огненными языками
Пляшут листья у могилы. Я касаюсь их руками...

Плиты заревом пылают ярче всяких эпитафий.
И глаза у вас сияют с черно-белых фотографий.
Жить вы собирались долго. Если б не шальной осколок...
В нашем городе вас помнят. Были вы еще полковник.

В парке городском весною с первым лучиком игристым
Первой вешнею травую ваши вырастут танкисты.

ПРОЩАНИЕ НИКОЛАЯ ВАТУТИНА

Простыню рукой сминая, от тяжелого раненья
В госпитале умирает генерал от наступленья.
Полноватый, коренастый, непохожий на героя,
Думает, как прежде, ясной, очень светлой головою.

«На деревне звезды ближе... Как давно я дома не был!
Хлюпая по вязкой жиже, там быстрее дойдешь до неба.
Был обычно осторожен – взял и выскочил под пулю.
Глупо вышло, только все же не об этом я тоскую.

Столько месяцев в больнице мою душу беспокоит,
Что рукою украинца выбило меня из строя.
И от боли мне не спится, и грызет меня гангрена.
Что-то холодно, сестрица, там, где больше нет колена.

Я хочу домой всего лишь. Хоть во сне, такая малость,
Увидать бы мне Воронеж... То, что от него осталось.
Все в какой-то белой мути расплывается и тает.
В общем, генерал Ватутин, ваше время истекает.

Что тут делать, кто ответит? Фронт уходит мой на запад.
Ну, а я попался смерти в цепкие худые лапы.
Голоса все дальше, тише... Без меня придет Победа.
Мне б туда, где звезды ближе. Там быстрее дойдешь до неба».

Сергей Викторович
КАРТАШОВ
доцент Новгородского
государственного университета
имени Ярослава Мудрого

НОВГОРОДЦАМ

Огонь и холод, снег кружится,
Земля горит, ломая стылый лед,
На этом пяточке родной землицы
Нас смертушка в объятия возьмет.

Мы вжались в землю, сердцем грея
Ту пядь земли, где хлеб взрастал.
На этом поле зерна жизни сеял,
На этой пяди плача умирал.

И занесут снега, и сильно
Злой ветер будет волосы трепать.
Глаза мои, когда-то голубые,
Достанется лишь воронам клевать.

Придет весна, и гомон птичий
В живых разбудит радость и покой,
И полотном зеленым, без отличий
Мы зарастем травую-муравой.

Александр
Алексеевич
КОЧЕВНИК
новгородский фотограф, фотожурналист,
член Союза писателей России

ТРОФЕЙ

Новоиспеченный второклассник приехал к бабушке с дедушкой в деревню.

Он и раньше с мамой или папой бывал здесь, но коротко, а теперь приехал на целых три месяца! Это были первые в его жизни летние каникулы. Может быть, мама думала, что ее сын будет чинно прогуливаться по деревне со своими сверстниками и вести серьезные беседы, поглощая попутно полной грудью чистый воздух... как она ошибалась!

Ведь свобода!!!

И стайки мальчишек, подобно осенним синичкам, шустро шныряли по окрестностям, из любопытства залезая в самые потаенные закутки, куда взрослым даже и в голову не приходило заглянуть.

А дело было спустя десяток лет после окончания Великой Отечественной войны и в местах, где проходили длительные, кровопролитные бои. Поэтому в любознательные руки сорванцов часто попадали, мягко говоря, своеобразные «игрушки».

В этот раз мальчишкам крупно повезло – они нашли стокилограммовую авиабомбу!

Конечно же, они решили ее бабахнуть. Идея была воспринята единодушно и с энтузиазмом. Возник вопрос – как? Самое правильное – это сбросить бомбу с самолета, но к великому огорчению, в их распоряжении не было даже самого захудалого самолетика. Придумали другой способ – сбросить ее с конька крыши риги, большого сарая, где помещался колхозный малогабаритный льнозавод.

От места находки до риги было около двух километров, но это не проблема для двух дюжин пышущих энергией пацанов. Экспериментаторы нашли пеньковые вожжи и, поочередно впрягаясь по несколько человек, поволокли тяжеленную, черную с большими ржавыми пятнами находку к месту испытаний. Работа была адски тяжелая. Бомба вдобавок сопротивлялась, цепляясь за

траву крыльчаткой взрывателя. Ах, так? Были принесены клещи с пассатижами и при их помощи у «этой вражины» моментально были отломаны и носовая и хвостовая крыльчатки. Дела пошли лучше. Метр за метром к вечеру преодолели полпути и в сумерках нехотя разошлись по домам. За ужином наш работяга был очень обеспокоен. Его мучила одна мысль, что бомба брошена без присмотра. А вдруг кто-нибудь найдет ее и украдет? Завтра придут ребята, а ее нет! Что тогда делать? Жалко! И решил, беспокойная душа, на всякий случай притащить эту полезную вещь домой.

В густых сумерках пошел он ее разыскивать. Бомба была оставлена как раз против их гумна. С трудом нашел он ее в темноте, взялся за «хвост»... не тут-то было! Когда тянули ребята постарше, казалось так легко. А то, что они тащили слишком медленно, даже вызывало досаду. А как сам взялся... увы! Попробовал катить, – бесполезно. Бомба была словно приклеена к земле. Он огорчился и пошел ночевать.

Утром ни свет ни заря, запив наскоро краюху хлеба кружкой молока, охранник стремглав побежал к бомбе. Та лежала на месте – черная, огромная, поблескивая на солнце мокрыми боками с крупными капельками росы. Скоро собрались и остальные «саперы». Пыхтя, потев и отдуваясь, поволокли они свой трофей дальше.

Как притащили, как взгромоздили на крышу – рассказывать долго и нудно. Главное, сил и упорства хватило. Уж очень всем хотелось услышать, как она «ухнет».

Заправлял всей операцией Ванька – Джига. Он был уже большой. Ему было целых тринадцать лет! Сидя на коньке в обнимку с бомбой, он звонким голосом распорядился всем малышам спрятаться подальше, за куст бузины метрах в пяти-восьми от предполагаемого взрыва. Когда требование было выполнено, и малыши выглядывали из-за куста, заткнув пальцами уши, Ванька толкнул бомбу вниз. Она, неуклюже кувыркнувшись, глухо шмякнулась о землю и отломила хвостовик. Неудача! Попытались повторить испытания, но без хвостовика, с одним пояском поднять ее не удалось. Уцепиться было не за что. Обескураженные неудачей бомбометатели молча разбрелись на ночлег.

Следующим утром пришло новое решение. Оттащить бомбу к кузнице и там ножовкой по металлу распилить ее пополам. Сказано – сделано! К вечеру эта громадина была уже за три километра на

другом краю деревни около кузницы на специальном верстаке, где обычно надевали железные шины на деревянные, тележные колеса. Но вот беда, ножовка скользила по корпусу, как по стеклу. То ли полотно тупое, то ли корпус твердый, но от затеи пришлось отказаться.

Следующую попытку взорвать решили осуществить ударом молотка по взрывателю. Ванька взял молоток, повернулся к бомбе задом, на всякий случай прикрыл другой рукой глаза, как шорой, чтобы в глаза не попало и... увидел, что его обступили плотным кольцом малыши. Непорядок! Скомандовал всем отойти подальше на безопасное расстояние метров, аж, за пятнадцать. Потом опять старательно прицелился и с силой саданул по взрывателю. Промазал! Второй раз. Опять неудача! И здесь Ванькин брат Мишка, двумя годами младше, но дальновиднее, предостерег брата, крикнув, что у него новые штаны, и если при взрыве он их порвет, то мать ему уши надерет. Ванька задумался и оказался еще умнее. Он догадался, что если бомба порвет штаны, то не пощадит и то, что под штанами, а это неприятно. И Ванька не стал настаивать на продолжении опыта, тем более что сумерки уже сгустились. Все разочарованные потеряли интерес к трофею. Бомбу оставили в покое.

Около месяца валялась она около кузницы на виду у всех. Грелась на солнышке, ржавела под дождем... Наконец пришла идея взорвать ее подобно патронам – бросить в костер. По отработанной технологии оттащили бомбу на полдневище к опушке леса в километре от деревни. Уложили несколько валунов и возложили на них бомбу, под ней развели костер. Теперь уже осторожный Ванька загнал всех за сенной сарай, крытый соломой, который стоял метрах в сорока от костра. Мол, и так слышно будет. Один вечер грели – без результата, второй – тоже, неделю... привыкли, все переместились к бомбе. И стало уже традицией: каждый вечер разводили костер, сидели вокруг, пекли под бомбой картошку, рассказывая страшилки...

Как-то, походя, остановились около костра прохожие мужики. Увидев бомбу, авторитетно заявили, что она не взорвется, потому что наполнена песком. Потом посидели вместе с ребятами, отведали печеной картошки, вспомнили фронтовые будни, выкурили по сигарке и ушли.

Однажды на посиделки пришли ребята из соседней деревни. Так получилось, что вместе с гостями хвороста собрали больше, чем обычно, и как повелось, расположились вокруг костра

со своими небылицами. Вдруг один из ребят пронзительно крикнул:

– Тихо!

В возникшей тишине из нутра бомбы, сквозь потрескивание костра слышалось то ли похрустывание, то ли бульканье. Мальчишки мгновенно вскочили и убежали, спрятавшись в заросшем овражке за сараем. Ждут минуту – тишина! Ждут две... наконец Джига насмешливо спросил:

– Ну! Кто самый смелый? Кто посмотрит, что там с бомбой?

Все как по команде повернулись к щупленькому дачнику из Ленинграда. Когда-то один раз он проявил трусость, и к нему приклеилась кличка Валька – Тютяй. И потом этому тщедушному пацаненку за ту мимолетную слабость пришлось доказывать, что он не трус, каждый раз, когда возникал вопрос – кто самый смелый? И в самом деле, теперь он действительно был вынужден быть самым смелым.

Под нашими взглядами, Тютяй медленно, нехотя стал поднимать-а-аться... и здесь – «бабахнуло»!!!

Впечатление, что глаза чуть не выпрыгнули. С сарая снесло крышу и ребятишек засыпало опметками соломы и обломками жердей. Когда оцепенение стало проходить, сорванцы поняли, что за разрушенный сарай надерут не только уши, и врассыпную кинулись по домам.

На полпути к дому наш малец столкнулся со своей бабушкой, бежавшей в сторону взрыва. Она, плача и беззвучно шевеля губами, схватила его, обняла и стала лихорадочно ощупывать руки и ноги, затем сорвала с головы платок и стала утирать сопли, текущие ручьем. Оказалось, это кровь. Убедившись в целостности внука, она опять обняла, поцеловала, схватила за руку и побежала с ним в избу. Навстречу в сторону полдневища бежали испуганные мужики и бабы. Все этот мальчишка воспринимал в какой-то звеняще-давящей, ватной тишине. Он оглох на несколько дней.

Экспериментаторы были удовлетворены.

Во-первых, бабахнуло так, что не только разнесло сарай, а даже в половине деревни из окон повывлетали стекла!

Во-вторых, на удивление почему-то никому не попало.

...Спустя три десятка лет, когда я стоял на кромке застарелого оврага около груды гнилых бревен, густо проросших крапивой, где когда-то стоял сенной сарай, холод струился у меня между лопаток.

Судьба в одно мгновение могла стереть с лица земли ребятишек двух деревень, но подарила им Жизнь!

ЭТО - ЧЕЛОВЕК!

Апрель 1989 года выдался холодный, но солнечный. Снег давно сошел, но травы еще не было. Этим моментом и пользуются добровольные поисковики, ежегодно работающие в одном из страшных мест Новгородчины – Долине Смерти. Находится она в районе Мясного Бора и связана с трагической судьбой Второй Ударной Армии. Спустя четыре десятка лет после Великой Победы молодые ребята «отмывают» одну из позорных страниц истории Великой Отечественной войны, занимаясь грязной, тяжелой работой. Они находят останки брошенных на поле боя героически погибших и оклеветанных властями солдат, и, по возможности, устанавливая их личности, восстанавливают доброе имя. Потом с подобающими почестями предают земле. Это действие традиционно привлекает большое количество прессы. Мне тоже приходилось бывать там.

На безлюдной поляне стояло около трех десятков новых гробов. Несколько из них было заполнено костями. В каждый гроб помещались останки десяти человек. Пустые стояли в ожидании. В пылу съемки оборвалась пленка. Выбрав укромное место под реденьким кустом ивняка, я применил простейший способ перезарядки. Скинул куртку, просунул в рукава снаружи руки и замотал в нее фотокамеру. Получился элементарный светозащитный рукав. Незаметно для окружающих, сидя в своем укрытии, я делал свое дело.

На поляне появился коллега, который, будучи местным жителем, не только отражал в прессе работу поисковиков, но и сам со школьного возраста активно занимался этой важной деятельностью. Выискивая ракурс съемки, он одиноко бродил среди гробов. Вдруг его что-то привлекло в груде костей. Он поднял какой-то маленький предмет, стал его рассматривать, потом громко крикнул в сторону группы ушедших журналистов, пытаясь привлечь их внимание. Но коллеги ушли далеко и возвращаться не собирались. Оставшись наедине с собой, он продолжал рассматривать свою находку, приподняв на фоне голубого неба. На ярком солнце блестела... золотая коронка. Коллега серьезно и задумчиво смотрел на блеск золота, то ли любуясь блеском металла, то ли борясь с искушением. Я почувствовал себя неудобно, не зная как себя вести, когда невольно и незвано присутствуешь, как мне первоначально показалось, при борьбе человека с самим собой.

Однако борьбы не было. Скорее, это были горестные размышления о нелепой судьбе хозяина коронки. Коллега тяжело вздохнул, подошел к гробу, где поверх костей стоял десяток черепов двадцатилетних ребят, не успевших начать жить и бесславно сгинувших в мясноторских болотах. Без тени колебаний коронка была брошена на гору останков. Скользнув между костей, она глухо стукнулась о дно гроба.

У меня на душе стало легко и тепло. Даже испытал чувство гордости, что мы с ним современники. Наблюдая, как мой товарищ не спеша пошел догонять коллег, я подумал, ведь именно о таких людях в войну говорили: «Я бы с ним пошел в разведку!»

Неважно, какой у него характер, как он относится лично к кому-либо. Главное, что такой человек не подведет, не предаст в трудную минуту, не продаст и сам не купится. Он не подвластен алчности.

Одним словом, это – Человек!

Виктор Семенович
КУТКОВОЙ
доцент Новгородского
государственного университета
имени Ярослава Мудрого

ВЕСЕННЕЕ УТРО КОМПОЗИТОРА БЫСТРАКОВА¹⁸⁰

Александр Иванович проснулся рано; еще во сне мучил вопрос: «Гленной или нетленной следует считать плоть Христа?».

Подскочил с постели.

Перекрестился.

Что дальше?

Вытянул перед собой руки, присел, встал.

Включил радио.

Чередой потянулись песни, популярные в молодости Быстракова. Он давно их не слышал. Когда-то посмеивался, ерничал, считая такую музыку достаточно безвкусной, примитивной, изрядно испорченной тогдашней идеологией.

Но вот сейчас эти песни, вопреки воле, начали беречь душу. Наверное, потому, что вместе с ними перед мысленным взором стала проходить вся жизнь...

Что за печаль неумолимо пробирается на сердце через слух?

Куда катится мир?

Ясно, как день: впереди – безысходность тупика. Нет, хуже – впереди сама бездна. Жизнь на исходе. Что дальше? Любые планы бессмысленны.

«Это пришла старость», – понял Александр Иванович.

Пришла – так пришла. Из очереди у края бездны еще никому из смертных не удавалось сбежать. Все родные давно там – по ту сторону бытия.

Но это малое утешение, когда очередь подходит именно к тебе.

Быстраков извлек из недр шкафа красную коробочку с наградами отца. Рубиновым отливом орден Красной Звезды обратил на себя внимание сразу; рядом лежали потускневшие от

¹⁸⁰ Глава из романа В. Куткового «Праздничные свечи, зажженные в дождливую погоду» (Великий Новгород, 2020).

патины медали «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина»... Отец никогда не носил этих наград. Считал, что многие солдаты, не щадившие живота своего, остались вообще в неизвестности, особенно в начале войны. Чем лучше их выжившие и награжденные?

Быстраков-старший вовсе не осуждал сверстников, увесивших грудь регалиями – фронтовики достойны своих заслуг. Он просто отказался от таких украшений на своем пиджаке.

Это поколение было, наверное, создано для постигнувшего страну катаклизма, для того, чтобы с невиданным человечеством усилиями его преодолеть и победить. Старики искренно считали лучшим временем своей жизни – годы войны. Не странно ли? Лишения, страдания, голод, кровь, гибель многих близких и миллионов вообще незнакомых людей – все это необъяснимо потеснило в сторону ценности мирной довоенной и послевоенной жизни.

Не странно! Война требует от людей не только жертв, но и жертвенности.

И вот удаляется в прошлое, как давняя походная песня, это легендарное поколение. Его уже почти не видно...

В стариках теперь значится Быстраков-младший. А ведь он родился через три года после благословенной Победы. Его поколение выросло на руках солдат-победителей. Но чем оно отличилось? Мотовством?

Куда катится мир?

Александр Иванович разочарованно махнул рукой. А ведь перед Богом, историей, внуками существует ответственность всего разом ныне живущего народа. И от нее никуда не деться. Бездарно размытарено несколько десятилетий. И платить по счетам придется довольно строго. Опять страданиями, голодом, лишениями, смертями огромного количества людей?

Чтобы те, кому повезет выжить, по прошествии времени пережитым потеснили на обочину памяти всю остальную жизнь?

А что, собственно, значит – жить талантливо?

Вспомнилась давняя беседа с другом Николаем Сергеевичем, который считал талант основой человеческого предназначения, мерилем личности. Ведь талант дается Богом каждому человеку, однако не каждый (прежде всего из-за лени) способен его реализовать. Поэтому истинно талантливый художник как истовый труженик заслуживает самого высокого почитания.

Но что такое талант? Некая способность лучше других выполнять ту или иную работу? Вряд ли. Способность – еще не талант. Известно всем: он – дар свыше, причем данный больше, чем человек может вместить, потому глубоко мистичен и способен скреплять любовью другие качества в человеке и вообще всех людей вместе. Без него мир примитивно прямолинеен, а с ним – сложен и многомерен. Талант несет не только художнику – всему миру весть неземную, отрывающую людей от скучной, опостылевшей обыденности ради неотмирной радости, помноженной на неподдельную мудрость. А как же иначе?

Он – не раб, но господин, попирающий рутину старого, отжившего, косного во имя нового, истинного, неизведанного, однако знающий цену старому, если оно истинно настоящее. Существует трудноразличимая граница, перейдя которую умение ремесленника может выдать себя – раба – за господина. Преданный и проданный талант даже не удаляется от человека; он сначала меркнет и лишь потом умирает или таинственно передается более достойному. Кто, кроме Бога, способен его воскресить или передать?

Евангельская притча о талантах подтверждает эту простую аксиому. Все дело в риске. Человек, закопавший талант в землю, элементарно боялся рисковать, тем более жертвовать. Земля, призванная рождать жизнь, выполнила не свойственную ей роль сейфа: в сейф сколько положишь – столько и возьмешь. Земля же – всегда щедро добавляет.

Александр Иванович поймал себя на довольно простой мысли: в нынешнее время люди не закапывают таланты, а банально растрачивают их на бесчисленные удовольствия, поскольку в большинстве своем утеряли страх Божий. О какой жертвенности может идти речь, коль эпоха продажна, мелочна, паскудна?

Куда катится мир?

Что дальше?

Вспомнился вопрос о плоти Христа.

Да, Господь и явил – в абсолютном пределе – эту самую жертвенность Ничто и никогда не может быть выше ее.

Пробил час – поколение отцов нашло в себе силы принести свои великие жертвы во имя чаемой Победы. Разве дело заключается всего лишь в обычном идеологическом противостоянии с врагом? Это было бы мелко....

Но каков же ответ на приснившийся вопрос?

Быстраков внезапно почувствовал музыкальную тему, отвечавшую его настроению. Сначала возник неизъяснимый художественный голод в душе, выбивший ее из состояния относительного покоя. Как объяснить этот необъяснимый сдвиг? Тайна скрыта действительно в незримом рисунке движения души. Отчего душа, уже взволнованная, настойчиво и потребовала известных только ей аккордов, после которых зазвучали другие, тяжелые, тем не менее проникновенные. Много сакраментального есть в данном моменте... Потому что не из рассудка произрастают первые побеги творчества. Быть может, они рождаются от созерцания умозрительных картин? Нет. Подобная музыка всегда литературна, иллюстративна, а, следовательно, поверхностна. Единственно, что Александр Иванович хорошо понял, она – о войне, точнее, об отце – гвардии майоре Иване Даниловиче Быстракове, в мирное время школьном учителе пения.

Мелодия дала себя узнать, но тут же исчезла, почти с той внезапностью, что и появилась. Словно канула в бездну. Маэстро чуть не оглох от тишины. Инстинктивно даже заткнул пальцами уши. Беспомощно прижался спиной к стене. В комнате бедствием повисло молчание. Композитор, правда, быстро сообразил, что без молчания не может быть настоящей музыки, тем более о войне. Надо уметь слушать тишину, особенно внутри себя. Вскоре, как ребенок, он запросил из глубины души помощи свыше. И понял: здесь необходима продолжительная пауза. Зачем? Прямо в начале произведения?! А почему нет? Разве существует предписание, в каких местах положено расставлять паузы? Хоть бы и так, что с того? Решать автору. Обрыв музыки и есть известие о всеобщей беде.

Не сразу – через несколько мгновений – мелодия отозвалась мелкой малярийной дрожью в теле. Рывками громко, нервно, тревожно погнали тишину прочь струнные инструменты; потом протяжно и прощально заголосила труба. Раздумно ответили виолончели, заворковали фаготы, которые скоро были с надрывом забиты большим барабаном, но и его перекричали валторны. Громче всех оказалась тихая скрипка: перед ней беспрекословно смолк его величество оркестр; однако, будто опомнившись, инструменты послушно потянулись следом за скрипкой, смелея с каждым тактом. Тема жертвы разворачивалась нарастая. Хорошо бы ее соединить с темой любви. Нет христианской жертвы без любви, и

нет по-настоящему большой любви без жертвы. Обе темы должны перерасти в ожидание. Мать ждала и дождалась возвращения отца. Многим женщинам не повезло... Какой инструмент наиболее выразительно передаст муки ожидания? Свирель? Флейта? Нет, слишком сусально и прямолинейно. Без затеи. Что-то подсказывает – та же труба прозвучит ярче. Она больше других похожа на человеческий голос.

Быстраков всегда доверял интуиции, или тому, что подразумевается за пределами разума. При всем том твердо отвергал «автоматическое письмо», провозглашенное Бретоном, считая такой метод работы от лукавого. Здоровое искусство создается целомудренной душой и трезвенным умом, а не в состоянии одержимости. Да, композитор доверял чутью, но, записав музыку, проверял гармонию алгеброй. Законы творчества неумолимы. А потому он намечал и выстраивал необходимые контрапункты; находил звуковые поддержки; вносил разнообразие в тембры и фактуры; без сожаления отбрасывал мешавшие случайности. Произведение становилось не столь чувственным, как прежде, зато явно стройным.

Александр Иванович так, не снимая пижамы, и отправился на кухню греть чайник.

Мелодия не отпускала. Она снова всплывала разнообразными драматическими нюансами, увлекала оригинальными вариациями – сладко изматывала душу.

Быстраков открыл окна – проветрить квартиру после ночи. Праздник Пасхи давно миновал, но пасхальные дни шли своим чередом. Приближалось Преполование.

На улице сверкал и переливался цветами радуги май, омытый дождями.

Девочка виртуозно выделывала фигуры на роликовых коньках до тех пор, пока мать не крикнула ей с балкона:

– Шура, домой!

Маэстро не успел налюбоваться завораживающим катанием. Он лишь подумал, что и на ненастоящих коньках кто умеет – творит настоящее искусство. Но может ли оно затмить искусство настоящих коньков?

Воздух обволакивал ласковой свежестью; как во сне, колеблясь, бережно перебирал шепчущие акварельные ветви старой ивы. С оконных стекол срывались солнечные блики, которые дальше

играли отсветами; играли везде, где было возможно им играть: в лужах, автомобилях, даже в очках прохожих. Молодой человек спугнул стайку голубей, и та медленно стала облетать двор. Уличный шум создавал привычный звуковой фон города, что совсем не отвлекало от музыки.

Александр Иванович, глядя в окно, с удовольствием потянулся. Как ни труден он на подъем, а утро все же замечательное время суток.

Из комнаты донеслись хлопки, похожие на потрескивания костра. Только пожара и не хватало! Впрочем, это оказались и не хлопки, и тем более не костер, а плеск крыльев: под потолком кругами свободно порхал серебристый голубь...

Быстраков самозабвенно начал наблюдать за его полетом. Воздух туго и прозрачно струился прохладой, касался лица, волос, рук, проникал вовнутрь, задавал ритм дыханию, а дыхание оборачивалось пульсом всей духовной сущности композитора. Квартиру уверенно завоевывало благоухание сада. Эта блаженная прохлада отличалась от прохлады майского утра живительным воздействием прежде всего на душу, а не на тело. Но пуще прохлады воздействовал аромат... Было бы кощунством выгнать птицу на улицу. Сейчас птица, скорее, могла выгнать на улицу композитора: да, да, он побежал бы за голубем куда угодно. Солнце в окнах уже не светило, а лоснилось, как луна в зеркале атласной ночной реки. Интерьер квартиры терял четкость, смазывался от движения; Александру Ивановичу показалось, что свет теперь ярче солнца горел в его сердце, и он сам взлетел. Все перестало существовать на свете, кроме полета и вызванного им торжества музыки.

А когда маэстро смог оторвать глаза от почти неземного зрелища, то взгляд уперся в голые кирпичные стены. Четыре столба в центре здания завершались вверху арками. Они предназначались, вероятно, для опоры огромного купола; при всем том вместо него голубело чистое, совершенно безоблачное небо.

Быстраков ущипнул себя, разуверившись в реальности собственного бытия. Что за ерунда? Откуда взялся этот недостроенный храм?

Неужели сон?

Нет. Явь. Да еще и какая!

В оконный проем ветер то и дело загонял длинные нежные косы ивы; после чего они маняще уползали обратно. Издалека доносились обрывки неузнанных музыкальных фраз. Плавно

развевалась алтарная завеса цвета киновари, словно перекликаясь с движением бледно-зеленых ивовых ветвей. Над алтарем продолжал невесомо парить голубь.

Александр Иванович одиноко стоял в просторном притворе. Здесь крыша тоже отсутствовала, поэтому было очень светло.

Маэстро счел недостойным удивления: вместо пижамы он обнаружил на себе свой лучший вечерний костюм.

Все правильно.

Быстраков подумал, что он умер. Предчувствие края бездны, значит, не подвело. Подошла очередь...

И когда в поле зрения попала фигура отца на фоне пестрой группы ветеранов, коленопреклоненно стоявших перед алтарем, то увиденное лишь укрепило догадку.

Смерть – все-таки странная штука... Александр Иванович представлял ее совсем иначе. Ему рассказывали о каком-то темном тоннеле с сияющим светом впереди, а вместо тоннеля – светлый незавершенный храм... И главное – никаких болезней и печалей...

Маэстро еще сильнее удивило другое. Отец никогда не ходил в церковь, а теперь молился открыто, горячо, со стороны даже красиво.

Кто бы мог подумать...

После молебна они встретились: без эмоций, без объятий и поцелуев.

– Хорошо ли тебе здесь? – спросил сын.

Иван Данилович ухмыльнулся:

– Неплохо. Но будь я умнее, могло быть лучше.

– Соскучился по мне?

– Нет. Мы отсюда постоянно вас видим.

– А я соскучился. Где мама?

– Придет время – узнаешь.

Маэстро посмотрел с недоумением:

– Какое время, если я тоже умер!

– Поживешь еще, – ответил отец. – Смерть – это не событие-в-себе, а функция. Она неизменно служит «для» или «ради». Я умер *ради* вечной жизни. А ты – *для* прежнего творчества, *ради* воскресения в новых сочинениях. И только потому ты здесь. Не может из вечности сгнать то, что создал или благословил Бог.

– А сей недострой – тоже чье-то будущее произведение?

– Здесь всегда только настоящее. Это храм, который обязано построить каждое поколение. Мы немного не успели.

- Почему?

- Некоторые - не строили, а разбирали построенное...

- Ты тоже был невером.

- Кто тебе сказал? Таких здесь нет вообще. Да и на фронте подавляющее большинство бойцов носило крестики на груди. Там многие оказывались ближе к Богу, чем вы, якобы воцерковленные.

Александр Иванович хмуро посмотрел на отца. Тот улыбнулся:

- Тленное или нетленное есть тело Христово? А?! То-то же...

После этого Иван Данилович задумчиво произнес:

- Вера - не достоинство. Верят подчас и во всякую нечисть. Сам знаешь. Вера дана человеку изначально, как слух, как зрение, как осязание. Ты с младенчества верил, что я - твой родной отец, а мог быть и неродным... И ты все равно верил бы.

- Хочу посвятить тебе новую композицию. Задумал ее симфонической поэмой.

- Слышал. Спасибо. Неужели мой сын стал трусоват или ленив?

- Что ты имеешь в виду? - обиделся маэстро.

- Теряешь вкус к иероглифам тайны. Любишь эффекты. Заучил набор беспроегранных приемов...

- Разве моя музыка настолько плоха? Всю жизнь работал на совесть, а не ради моды, успеха, денег... Есть приемы, которые обречены повторяться, ибо относятся к ликбезу музыкальной грамоты. Взять хотя бы принцип начала и завершения действия, не говоря о рефрене. В конце концов, и сформировавшийся индивидуальный стиль необходимо учитывать...

- Сам посчитай, сколько раз скрипка оказывалась самым громким инструментом, а труба олицетворяла человеческий голос. Другие примеры нужны? В молодости ты рисковал смелее. Не я же утверждал, что талант напрямую связан с риском. Добавлю лишь: это риск часового. Творческий человек денно и нощно всю жизнь находится на посту, а значит - на виду. Вот почему вражья сила всячески пытается художника отвлечь, соблазнить, задурить, и в случае неудачи - напасть и уничтожить. - Тогда для передышки надо чаще менять часовых.

- Нет. Меняет их только Бог, и повторяю: исключительно один раз. Тьма талантливых ребят погибла на фронте! Когорты гениев! Но они - уже в другом наряде... А нам дал Господь пожить лишь для того, чтобы подготовить из вас сменный караул.

Иван Данилович посмотрел в глаза сыну.

– Почему у тебя нет учеников?

Маэстро задумался.

– Они сами не хотят... За руку к себе никого не приведешь, – посетовал он.

– Тогда возвращайся.

...Гром дверного звонка обжег слух.

Александр Иванович вздрогнул.

Он не успел понять, что произошло. И встряхнул головой, как с похмелья.

Окна оставались открытыми, в квартире похолодало. Солнце скрылось за перламутром гнетущих облаков. Серость дня растворила тени. Один слабый ветерок не хотел меняться, вопреки натиску туч.

Сколько же времени миновало?

Быстраков открыл дверь.

На пороге с ноги на ногу переминался длинноволосый молодой человек, напоминавший кого-то из знакомых.

– Я от Николая Сергеевича, – сообщил он.

Композитор после беседы с отцом все еще не мог прийти в себя; ступевался, не зная как вести себя дальше.

– Проходите, – на ходу бросил он, и отправился на кухню. – Чаю хотите?

Гость казался одного роста с Быстраковым. В нем отсутствовала стеснительность, свойственная первому посещению, робость младшего перед старшим; его вид словно бы говорил, что с хозяином квартиры он давно на короткой ноге.

Молодой человек, обнаружив чайник холодным, поставил его на газ.

– Хочу, – сказал пришелец. – Куда-то собрались, мэтр?

Александр Иванович вопросительно посмотрел, приподняв бровь.

– Костюмчик выходной с утра надели...

Маэстро с едва заметной улыбкой выдохнул:

– Нет. Напротив, только вернулся. А вы, собственно, по какому делу?

Молодой человек тоже улыбнулся, но иначе, нежели композитор: выказывая, что видит Быстракова насквозь.

– Позвольте представить вам несколько моих вещей.

– Зачем? – парировал Александр Иванович, не довольный фамильярным поведением гостя.

На кого же он похож?

– Как заочный ученик – Мастеру и Учителю, – ответил тот.

Музыка не возвращалась к маэстро. А коль и вернулась бы, что толку? В старых, использованных формах он ее все равно отвергнет, поскольку умер для прежнего творчества. Новое – надо создавать с чистого листа. Плевать на былые находки и найденный стиль. Ничего не следует бояться. Условие остается одно: прежде чем творить, необходимо пережить, даже выстрадать мысли сердцем.

Быстраков твердо изрек:

– Мы, сударь, не пирожки выпекаем. Очень надеюсь, что вы не станете домогаться чьего-либо мнения о вашем новорожденном сыне, будь он трижды писанным красавцем. Наши произведения – те же дети. Если мы их сполна выстрадали, то ни чьи суждения не могут считаться авторитетными, причем даже в тех случаях, когда выходит неудача. В конце концов, и дети иногда являются на свет уродцами.

По лицу гостя пробежала та же улыбка.

– Вы правы, мэтр, особенно насчет уродцев, – согласился он. – Тогда попьем чаю?

Александр Иванович заподозрил в этой раскрепощенной манере поведения некий подвох: так обычно прикидываются опытные картежники, припрятавшие козырного туза.

– Дайте ноты! – рявкнул Быстраков.

Он долго перебирал тетради и впервые не слышал музыки с листа.

Что за оказия?

Так нельзя сочинять!

– В моем представлении, мэтр, произведение – не столько ребенок, сколько жертвоприношение художника, – нарушая продолжительную паузу, стал размышлять пришелец. – Вы же своих детей не закалываете на алтаре искусства... Время обнаруживает: тленной или бессмертной состоялась вещь. Вместе со своим искусством мастер подчас приносит в жертву и себя. Такие случаи общеизвестны. Может ли быть означенная жертва одновременно тленной и бессмертной, как полагаете? Говоривший замолчал, ожидая слов маэстро, но не дождался. И продолжил:

– Между прочим, Иоанн Дамаскин разом тленным и нетленным считал даже тело Христа. Вас это интересует?

Ну и утро сегодня!

Быстраков сунул ноты подмышку и отправился закрывать окна в комнате.

Молодой человек вдогонку во весь голос вещал:

- Господь испытывал голод, жажду, усталость, боль от вбиваемых в руки и ноги гвоздей, переживал трагедию отделения души от тела. Слышите меня? С этой стороны тело его действительно тленно. Иначе как мог быть искуплен грех Адамов, если Искупитель не взял бы на себя во всей полноте человеческую природу? Согласны?! Но что касается гнилостного разложения, то такого не произошло с телом Христа. Чем ознаменовано наше воскресение и нетленность человеческой плоти после Страшного Суда. Для музыкантов обязательно должна быть льгота: мы имеем дело с нетленной тонкой природой звуковых волн, а не с грубой материей.

Быстраков снова прислонился к стене и крикнул в кухню:

- Такое будущее меня устраивает. Сударь! Художник и манихей - бессрочные антиподы. Материю, наравне со своей личностью, творец и призван преобразовать.

Слава Богу за все.

На сердце отлегло. Тупика вовсе нет! Да и о какой тленности можно говорить после свидания с отцом... У нашего Создателя воистину никто и ничто не исчезает. Каждое движение воздуха, света или звука вызваны Творческим Промыслом. Человеку остается лишь прочесть эти отправленные ему письма.

Однако незнакомец, прикрываясь рассуждениями, ответил на вопрос из последнего сна. Прочитал? Чудеса... Кто же он?

Быстраков поспешил на кухню и не спросил, а настойчиво потребовал:

- Как вас зовут?

- Александр, - представился молодой человек.

Это интересно.

Маэстро снова заглянул в ноты. Стена... Бросил взгляд в пространство окна и даже за него - в простор утра; залюбовался знакомой веткой ивы, чуть тронутой легким весенним ветром.

В ней - в ее движении - композитору таинственно открылась закрытая до того музыка и возникла своя - новая - которую он устал ждать.

Александр Иванович взял с подоконника красную коробочку, отнес и бережно уложил ее на свое место в шкафу.

Гость тоже пытался что-то разглядеть за окном.

- Не выпить ли нам за Победу? - предложил повеселевший Быстраков.

СОДЕРЖАНИЕ

«Союз нерушимый». Новгород и Новгородская земля во время Великой Отечественной войны

Шадурский В. В., Боденчук В. А., Коновалова А. М. «Символ великих творческих возможностей русского народа»..... 5

«Теперь их придавил немецкий сапог...». 1941–1943 гг.

<i>Курьшев И.</i> Примеры высокой сознательности	15
<i>В.Г. Гитлеровцы</i> уничтожают наши деревни	15
<i>Васильев Н.</i> Фашисты расстреляли 70 колхозников	16
<i>Солдатов С., Сергеев А., Малышев М., Антипова П. и другие.</i> Зверства немцев в колхозе «Рогачи»	17
<i>Полярный И.</i> Гнев земли.....	17
[Б.п.] <i>Молодежь</i> в бою	18
<i>Полярный И.</i> Вам, друзья, подруги!	18
<i>Полярный И.</i> Письмо в слезах.....	21
<i>Володя Г.</i> Я партизан.....	23
<i>Ковалев М.</i> Правда о немецкой каторге: Рассказ крестьянина деревни Добросли Демянского района Ленинградской области Михаила Ефимовича Ковалева, вырвавшегося из фашистского плена	24
<i>Резапкин А.</i> Чёртова кукла. Сказка.....	27
<i>Широков Е.</i> Помогли партизанам	28
<i>Зенин П.</i> Мальчик с корзинкой	29
<i>Браун Н.</i> Партизаны наступали	31
<i>Маршак С.</i> Партизанское угощение.....	32
[Б.п.] <i>Толковый словарь</i>	33
<i>М.К. Они обмануты:</i> По поводу издевательств немцев над солдатами и офицерами РОА в Уторгошском районе.....	33
[Б.п.] <i>Валдай</i> сегодня	35

Вечно здравствуй, господин Великий Новгород...». 1944 г.

<i>Сербинов С.</i> Разрушенный Новгород вызывает к мести.....	39
<i>Демин К., Козлов Л.</i> Штурм Новгорода	40
<i>Исаев И., Саксонов С.</i> Город сегодня.....	44
<i>Майор Родионов.</i> Красное знамя над Новгородом	45
<i>Бахрушин С.</i> Символ любви к Родине	47

Захарченко В. Истребитель	48
Донской Д. Новгород	49
Донской Д. Возрождение улицы.....	49
Орлов П. Молотильщик Василий Мосинов	51
Виннер А. Нередица	52
Виннер А. Рождественский собор Антоньева монастыря	54
[Б.п.] Народные частушки.....	56
Шувалов Н. На отдыхе	57
Алексеев В. В этот день	58
Шалгина М. На танковую колонну.....	59
Киселев Н. Танкисты	59
Березин М. Тес – Новгороду	62
Морозов А. Мы возродим тебя, Новгород!	63
Николаева Г. Мой брат отомстит	63
Филипенко П. В честь победы.....	64
Киселев Н. Война идет землю прусской... ..	65
Карпова Н. В поработенной стороне.....	66
Чащихин А. Новгородки.....	68
Киселев Н. Девушке-пилоту	70
Братья Тур. Разговор с Берлином.....	72
Дмитриев И. Письмо милой.....	74
Тимофеева О. Комсомолка Гудкова	75
Гордеев А. Софийскому собору 900 лет.....	76
Киселев Н. Победная весна	77
Чащихин А. Фронт под землей.....	78
Березин М. Рассказ о знамени	81

«С фронта к мирной жизни». 1945–1946 гг.

Негин Е. В день победы.....	85
Пряников В. Светлое утро мира.....	86
Бычкова И. Памяти бойца.....	88
Киселев Н. Новгород встречает победителей	89
Киселев Н. Вечером на стройке.....	91
Брынин В. Матери	92
Хуторянин А. Урожай.....	92
Жарковский Н. Кисет	94
Золотов В. Знакомство. Рассказ	95
Кирсанов И. Другу	98
Тимонин М. В родной стороне	99

<i>Киселев Н.</i> Прощание. Песня.....	101
<i>Титов А.</i> Осень.....	102
<i>Любимов Г.</i> Полустанок	103
<i>Загайнов В.</i> По дороге домой	104
<i>Кегин Е.</i> На мстинском берегу.....	104
<i>Шувалов Н.</i> Красуйся, гордая Отчизна	106
<i>Васильев Г.</i> Ровесники.....	107
<i>Киселев Н.</i> Баллада о солдате, без вести пропавшем.....	108
<i>Викторов К.</i> 19 ноября 1945 года.....	109
<i>Брынин В.</i> Сын.....	110
<i>Викторов К.</i> За отчизну!.....	111
<i>Браун Н.</i> Великое право	112
<i>Борисов Н.</i> Новогодняя песня о Родине.....	113
<i>Рушкис В.</i> В день 10 февраля	115
<i>Рушкис В.</i> В лесу	116
<i>Жилинская Е.</i> Лучшая учительница.....	117
<i>Шишмарев В.</i> Первомайский день	118
<i>Белочкин М.</i> Трактористу	118
<i>Рушкис В.</i> Снова весна	120
<i>Шишмарев В.</i> В театре.....	121
<i>Капралов А.</i> Сладкий сон. Фельетон.....	122
<i>Дуничев А. Д.</i> Случай с Серафимой. Фельетон	124
<i>Дмитриева А.</i> Привет родному краю	125
<i>Борков В.</i> С фронта к мирной жизни	127
<i>Борков А.</i> С боевым орудием	128
<i>Щербаков Ф.</i> Счастливые дети	130

«И подвиг их вряд ли опишешь пером...».

Великая Отечественная война в изображении современников

<i>Воробьев Л. И.</i> Союз нерушимый.....	133
Деревянные винтовки.....	142
<i>Фабричин Ю. Н.</i> Солдат («Бежал он, плечи распрямив...»)	148
Блокадная баллада («Клещи охватом...»)	149
Свадебная баллада («Мешаясь с трогательным танго...»)	152
Во дворе («Лебедь – взметом – по двору...»)	153
<i>Игнатьев Г. А.</i> Дважды был расстрелян.....	155
Сергей впередсмотрящий.....	159
<i>Березовский В. И.</i> Ветераны пятой ленинградской	162

«Вот пуля пролетела...».....	162
Врата	163
<i>Патрикеева Л.</i> Шурочка («Мерный стук в ночной тишине...»)	169
Бытовая зарисовка («В окопе ели, в окопе спали...»).....	170
Размышления товарища Константинова («Ночами нам давно не спится. Враг отоспаться не дает...»)	171
Монолог Мерецкова («За окном струятся рельсы, вырываются из тьмы...»)	171
Баллада о Свиклине («Это не Центральный фронт. Не защита Сталинграда...»)	172
В гостях у Черняховского («Тонет город в сером пепле, в горле он першит до рвоты...»)	173
Прощание Николая Ватутина («Простыню рукой сминая, от тяжелого раненья...»)	174
<i>Карташов С. В.</i> Новгородцам («Огонь и холод, снег кружится...»)	175
<i>Кочевник А. А.</i> Трофей	176
Это - человек!	180
<i>Кутковой В. С.</i> Весеннее утро композитора Быстракова.....	182

Научно-популярное издание

«СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ»

НОВГОРОД И НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**по материалам прессы военного времени
и современной художественной литературы**

Составитель

Шадурский Владимир Вячеславович

Редактор *В. Г. Павлов*

Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Дизайн обложки *Ю. И. Тарасов*

Подписано в печать 22.06.2021. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,4. Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 500 экз. Заказ №

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.

Отпечатано: ИП Копыльцов П. И.,

394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru